

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2024

№ 53

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 46014

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Басова А.В., Комкова Г.Н., Басова Т.А. Конституционно-правовые гарантии защиты прав нерожденного ребенка в России	5
Ведяшкин С.В., Зайцев Д.И. Административное усмотрение в системе обеспечения государственного суверенитета: функциональный анализ	22
Епихин А.Ю., Тасаков С.В., Гришина Е.П. Защита чести и достоинства судьи при осуществлении в отношении него уголовного судопроизводства	35
Зубарев С.М., Косырев Е.В., Крылова М.С. Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета в Соединенных Штатах Америки и Федеративной Республике Германия	45
Селиверстов В.И., Грушин Ф.В. Актуальные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации	66
Третьякова Е.С. Формирование ценностей в международном праве: историко-правовой анализ	82

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Алонцева Д.В., Лаврищева О.А. Действия коррупционной направленности в образовательной системе: проблемы квалификации	91
Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений	110
Воронина С.В. Социальные и юридические критерии сделкоспособности несовершеннолетних и их существенные характеристики	122
Галковская Н.Г. Переход из одного вида судопроизводства в другой после возбуждения производства по делу	139
Шепель Т.В. Гражданско-правовая ответственность опекунов и попечителей	156

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Basova A.V., Komkova G.N., Basova T.A. Constitutional and legal guarantees of protection of the rights of the unborn child in Russia	5
Vedyashkin S.V., Zaytsev D.I. Administrative discretion in the system of ensuring state sovereignty: a functional analysis	22
Epikhin A.Yu., Tasakov S.V., Grishina E.P. Protection of honour and dignity of a judge in criminal proceedings against him or her	35
Zubarev S.M., Kosyrev E.V., Krylova M.S. Public law enforcement of State sovereignty in the United States of America and the Federal Republic of Germany	45
Seliverstov V.I., Grushin F.V. Actual directions of penal enforcement policy of the Russian Federation	66
Tretyakova E.S. Formation of values in international law: historical and legal analysis	82

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Alontseva D.V., Lavrishcheva O.A. Corruption-related actions in the educational system: problems of qualification	91
Vavilin E.V. Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations	110
Voronina S.V. Social and legal criteria for the transactional capacity of minors and their essential characteristics	122
Galkovskaya N.G. Transition from one type of legal proceeding to another after the commencement of the proceedings	139
Shepel T.V. Civil liability of guardians and trustees	156

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 342.7

doi: 10.17223/22253513/53/1

Конституционно-правовые гарантии защиты прав нерожденного ребенка в России

Алла Викторовна Басова^{1,2}, Галина Николаевна Комкова³,
Татьяна Александровна Басова⁴

^{1,4} *Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия*

^{2,3} *Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

^{1,2} *allsar@rambler.ru*

³ *komkova_galina@mail.ru*

⁴ *kotabas@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется реализация права на жизнь человека с момента зачатия. Проанализированы подходы к нормативной охране жизни и здоровья нерожденных детей в России и зарубежных странах. Установлены проблемы правового регулирования охраны жизни и здоровья нерожденных и недоношенных детей в российском законодательстве, предложены пути их решения. Сделаны выводы о том, что право на жизнь нерожденных детей не абсолютно в России и требует дальнейшей регламентации со стороны законодателя.

Ключевые слова: право на жизнь, эмбрион, плод, нерожденный ребенок

Для цитирования: Басова А.В., Комкова Г.Н., Басова Т.А. Конституционно-правовые гарантии защиты прав нерожденного ребенка в России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 5–21. doi: 10.17223/22253513/53/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/53/1

Constitutional and legal guarantees of protection of the rights of the unborn child in Russia

Alla V. Basova^{1,2}, Galina N. Komkova³, Tatyana A. Basova⁴

^{1,4} *Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky, Saratov, Russian Federation*

^{2,3} *Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation*

^{1,2} *allsar@rambler.ru*

³ *komkova_galina@mail.ru*

⁴ *kotabas@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the realization of the right to human life from the moment of conception. The article is based on the consideration of normative legal acts, scientific literature and court decisions. In the course of the research, traditional methods of scientific cognition were used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparative legal, system methods. Dialectical and logical methods were also used in the work, which created the basis for a comprehensive study of optimal mechanisms for protecting human life from the moment of conception. The use of the system-structural method made it possible to investigate the problem of protecting the constitutional right to life of unborn children in connection with the constitutional guarantee of health protection of citizens in the Russian Federation, to assess the constitutional goals of restricting human rights when recognizing the right to life from the moment of conception. The comparative legal method made it possible to analyze the regulations protecting the lives of unborn children in foreign countries.

The authors found that the right to life from the moment of conception, despite the fact that it is not fixed in Russia, is recognized by the state indirectly and is provided by the legal regulation of the medical care system for the human embryo and fetus, a developed system of specialized medical care. The constitutional right to the life of a child from the moment of conception in Russia is not absolute, since every woman up to 12 weeks of pregnancy has the right to terminate it at will, and also due to the fact that the protection of fetal life in the health care system, in case of threats to its development and health, is carried out with the consent of a pregnant woman. The legal asymmetry of protecting the life of unborn children has been revealed: doctors are obliged to protect it from the moment a woman applies to a medical organization, from the moment a pregnant woman is registered in a women's clinic, while the duties of a pregnant woman to preserve the life of an unborn child are not established by Russian legislation. The terms of the intrauterine development of the child, at which it is possible to bring to criminal responsibility for the death of an unborn child in Russia, have been determined. Doctors are criminally responsible for the death of a child at 22 weeks of gestation, and at 37 weeks – women who killed a newborn child, which contradicts the constitutional principle of equality of all before the law and the court.

The article provides evidence of the expediency of further legal protection of the life and health of unborn children in Russian legislation, taking into account the most appropriate norms of the legislation of foreign countries, allowing to minimize the negative impact of harmful psychoactive substances on the health and life of the child.

Keywords: right to life, embryo, fetus, unborn child

For citation: Basova, A.V., Komkova, G.N. & Basova, T.A. (2024) Constitutional and legal guarantees of protection of the rights of the unborn child in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/1

В начале XXI в. одним из актуальных вопросов права является признание конституционного права на жизнь эмбриона и плода человека.

В преамбуле Декларации прав ребенка говорится о том, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. Некоторые зарубежные страны последовали данному положению и закрепили в своих конституциях гарантии защиты прав человека с момента его зачатия. В международном сообществе общепринятым считается положение о том, что определение момента начала жизни человека относится к самостоятельному усмотрению государств.

Международное закрепление охраны жизни нерожденных детей обусловливает развитие национальных гарантий защиты неотчуждаемых естественных прав человека с момента зачатия. Так, ч. 1 ст. 15 Конституции Словацкой Республики устанавливает: «Каждый имеет право на жизнь. Человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения» [1]. Часть 3 ст. 40 Конституции Ирландии гласит: «Государство признает право на жизнь нерожденных детей и, с должным учетом равного права на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это практически возможно, своими законами защиту и отстаивание этого права [2]. Конституция Венгрии устанавливает: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Каждый человек имеет право на жизнь и человеческое достоинство; жизнь плода защищается с момента зачатия» [3]. Статья 119 Конституции Швейцарии запрещает клонирование человека и вмешательство в наследственный материал человеческих гамет и эмбрионов, в том числе для создания у ребенка определенных свойств. Для репродуктивных целей можно развивать столько эмбрионов, сколько их можно сразу имплантировать женщине. Пожертвование эмбрионов, торговля человеческим зародышевым материалом и производными эмбрионов недопустимы [4]. Конституционная охрана жизни ребенка во время его внутриутробного развития стала формироваться и в странах постсоветского пространства. Например, в Конституцию Республики Абхазия в 2016 г. внесена ст. 13.1, которая гласит, что государство в равной степени защищает жизнь матери и нерожденного ребенка [5].

Обращает внимание то, что в конституциях зарубежных стран используются различные формулировки защиты ребенка во внутриутробном периоде развития (с момента зачатия до рождения): нерожденный ребенок, плод, эмбрион, поэтому законодательно важно определить данные понятия.

Во внутриутробном развитии человека принято разделять на два периода: эмбриональный (зародышевый) и плодный (фетальный) [6. С. 56].

Эмбрион человека – это продукт зачатия, результат оплодотворения сперматозоидом яйцеклетки, с момента развития от зиготы до 8 недель беременности. Научное медицинское понятие эмбриона человека соответствует понятию, закрепленному в российском законодательстве, согласно которому «эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель» [7].

В науке и медицинской практике под плодом человека понимают человеческий зародыш от 8 недель развития до его рождения. Российским законодательством не определено понятие плода. Таким образом, исходя из научных представлений, существенное различие эмбриона и плода определяется сроком внутриутробного развития человека.

Поскольку это разные понятия, то устанавливать конституционную защиту только эмбриона неправильно, так как подобная формулировка может привести к сложностям защиты жизни плода, ведь от 8 недель беременности он уже не будет находиться под конституционной защитой. Вред жизни плода может быть вызван, например, девиантным поведением беременной женщины, что в условиях упрощенного отношения общества к вредным

привычкам, алкоголизму, курению табака происходит не так редко. Если в Основном законе закрепить только право плода на жизнь, не охраняя эмбрион человека от незаконных посягательств, то это может привести к тому, что на ранних стадиях беременности эмбриону может быть причинен существенный вред, а затем, когда он разовьется в плод, то посягательства на его жизнь будут противозаконны, хотя такие меры уже не защитят здоровье и жизнь ребенка в максимальной мере. Например, вред жизни эмбриона может быть причинен незаконным вмешательством лиц в его развитие в научных и иных целях.

Следовательно, государством должна обеспечиваться защита как эмбриона, так и плода. На наш взгляд, в законодательстве, защищающем жизнь человека во внутриутробном развитии, более корректны формулировки защиты жизни с момента зачатия, что будет более полно и всесторонне способствовать развитию национального законодательства по охране жизни детей в период их внутриутробного развития. Формулировку «защита прав нерожденных детей», считаем допустимой, хотя к нерожденным детям относятся не только дети во внутриутробном развитии, но и абортированные, а также эмбрионы, полученные при искусственном оплодотворении, криоконсервированные эмбрионы, мертворожденные дети, однако охрана жизни нерожденных детей осуществляется только в отношении потенциально жизнеспособных эмбриона и плода, поэтому может использоваться в юридической литературе.

В Российской Федерации, по результатам соцопроса, 57% респондентов полагают, что жизнь начинается с момента зачатия, 23,9% – с момента рождения [8]. Однако ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации закрепляет, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, т.е. момент рождения человека является отправным для появления прав [9]. Это, на наш взгляд, затрудняет охрану жизни нерожденного ребенка, в том числе и от посягательств со стороны беременной женщины, предоставляя ей безграничную власть над его жизнью.

Некоторые ученые указывают на то, что российское законодательство в области защиты жизни нерожденных детей устарело, полагая, что жизнь ребенка начинается не с момента его рождения, а зачатия. Просматривается также определенная нелогичность российского законодательства, защищающего права еще не рожденных детей. Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации в ст. 1166 закреплено право наследования нерожденного ребенка: «При наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника», что предполагает наличие права наследования у нерожденного ребенка [0. Уголовное законодательство рассматривает нерожденного ребенка как потерпевшего в тех случаях, когда совершено преступление в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, что отнесено к отягчающим наказание обстоятельствам (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ) [11]. Причем за данные преступления предусмотрены более тяжкие уголовные наказания.

Несмотря на то, что в России общественная инициатива конституционной защиты жизни и прав человека с момента зачатия не получила поддержки, она осуществляется нормативными правовыми актами различных отраслей права, в том числе регулирующими организацию медицинской помощи российскому населению.

Охрана жизни человека тесно связана с охраной его здоровья, от состояния которого во многом зависит качество жизни индивида. Эмбрион и плод являются пациентами в российском здравоохранении. Например, в случае необходимости клинического подтверждения беременности осуществляется ультразвуковая диагностика эмбриона. Для реализации права на жизнь плода применяется высокотехнологичная медицинская помощь с целью своевременной пренатальной диагностики отклонений развития с использованием доступных неинвазивных и инвазивных методов исследования (ультразвуковой скрининг в декретированные сроки гестации – 11–13-я и 18–21-я неделя, биохимический скрининг сывороточных маркеров матери, хорионбиопсия с генетическим исследованием биоптатов клеток, кордоцентез, цветовое доплеровское картирование, 3D- и 4D-УЗН, эхокардиография, магнитно-резонансная томография) [12]. Кроме того, осуществляется внутриутробное лечение плода (фетальная хирургия, внутриутробное переливание плоду ЭМОЛТ – эритроцитарный массы, обедненной лейкоцитами и тромбоцитами) [13]. При этом право на охрану здоровья и жизни эмбриона и плода реализуется посредством волеизъявления будущей матери, но при условии, что она не воспользовалась своим правом на прерывание беременности. В соответствии со ст. 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве, по ее желанию искусственное прерывание беременности проводится при сроке беременности до 12 недель [14].

В российском здравоохранении утверждены критерии живорождения, согласно которым плод считается живорожденным после его отделения от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента) [15].

Следовательно, плод до 22 недель беременности и весом менее 500 г чаще всего является нежизнеспособным, а при сроке развития беременности 22 недели и массе 500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах) – жизнеспособным. В связи с этим самопроизвольное или индуцированное прерывание беременности на сроках до 22 недель гестации относится к категории аборта, а в 22 недели и более трактуется как преждевременные (до 37 недель) или срочные роды. Вышерассмотренное свидетельствует о том,

что угрозе преждевременных родов, а также в процессе родового акта медицинские работники, сама роженица и свидетели преждевременных родов должны максимально обеспечивать действия по спасению жизни плода.

Действительно, в соответствии с клиническими рекомендациями, при угрожающих преждевременных родах медицинская организация обязана организовать транспортировку пациентки с внутриутробным плодом на сроке 22–34 недели в акушерские медицинские организации третьего уровня (перинатальные центры, областные больницы), предназначенные для госпитализации беременных, рожениц и родильниц с риском реализации перинатальной патологии, преждевременными родами: собственным транспортом, рейсовым самолетом, железнодорожным транспортом, бригадой санитарной авиации [16]. Однако все обязанности по своевременной организации медицинской помощи плоду должны осуществлять только медицинские работники, на беременную женщину такая обязанность не возложена, хотя, как заинтересованное лицо, она при угрозе преждевременных родов не должна отказываться от транспортировки, госпитализации и лечения. Российское законодательство позволяет ей отказаться от этих мер. В случае рождения мертворожденного ребенка при преждевременных родах, беременная женщина, отказавшаяся от госпитализации и лечения не должна перекладывать всю вину только на медиков, ее действия также должны рассматриваться судом как отягощающие, посягающие на жизнь плода, так как в таких случаях ее вина очевидна.

В России большое значение в обеспечении прав нерожденного ребенка, снижении младенческой смертности играют перинатальные центры, где обеспечивается лечение беременных женщин высокого риска. В данных центрах организованы детские отделения, в которых оказывается медицинская помощь детям, рожденным с малой (меньше 1 500 г) и экстремально малой (менее 1 000 г) массой тела, родившиеся на сроке 22 недели беременности и более.

Таким образом, в системе здравоохранения разработаны комплексные меры по охране здоровья и жизни нерожденного ребенка с момента его зачатия, которые полностью обеспечиваются государством. Несмотря на то, что право на жизнь плода и эмбриона в российском законодательстве прямо не закреплено, оно признано государством опосредованно и реализуется с момента зачатия до рождения, но только в том случае, если женщина намерена защищать право на жизнь будущего ребенка. Более обширный объем медицинской помощи в отношении плода, по сравнению с эмбрионом, обусловлен тем, что диагностика большинства отклонений внутриутробного развития на стадии эмбриона невозможна в связи с активным процессом эмбриогенеза.

Вместе с тем стоит обратить внимание на двойственный подход государства по отношению к охране жизни плода.

С одной стороны, государство защищает право на жизнь и здоровье эмбриона и плода при помощи развитой системы медицинской помощи, а также пресечения незаконных посягательств на жизнь эмбриона и плода со

стороны других лиц. Уголовный кодекс Российской Федерации в ч. 2 ст. 105 как наиболее тяжкое преступление рассматривает убийство беременной женщины и предусматривает за данное деяние более строгое наказание – до 20 лет лишения свободы или пожизненное наказание, чем за убийство человека (до 15 лет лишения свободы).

Статья 106 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка во время или после родов. Санкция по данному преступлению предусматривает ограничение свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок, т.е. относит данный вид преступлений к преступлениям средней тяжести.

Судебная практика по таким делам свидетельствует, что на данные виды преступлений решаются женщины с девиантным поведением, употребляющие алкоголь, наркотические средства, а также женщины, находящиеся в трудном материальном положении. Такие преступления характеризуются умышленными действиями женщин, которые осознают, что, оставив новорожденного ребенка без одежды, питания в безлюдном месте, обрекают его на гибель. Так, в Удмуртской Республике в 2020 г. была осуждена женщина за убийство доношенного жизнеспособного новорожденного ребенка, которого она завернула в пакет и оставила его при низкой температуре окружающей среды на улице без присмотра, теплой одежды в период с 21.00 до 23.00 29 марта 2020 г., что в результате привело к смерти девочки из-за общего переохлаждения организма. Женщине было назначено наказание в виде ограничения свободы на срок 2 года [17]. В Кировской области женщина была привлечена к уголовной ответственности за удушение новорожденного мальчика в виде лишения свободы сроком на один год и шесть месяцев с отбыванием в колонии-поселении [18]. Ввиду того, что женщины раскаиваются в содеянном, полностью признают свою вину, имеют несовершеннолетних детей судами им не назначается максимальное наказание, обычно оно не превышает двух лет ограничения свободы или двух лет лишения свободы.

Многочисленная судебная практика по данному виду преступлений указывает на то, что суд обязательно выясняет доношенность рожденного ребенка, его зрелость. Плод считается таковым с 37 недель беременности, когда ребенок способен самостоятельно дышать без медицинской помощи. В Уголовном кодексе РФ не указан срок внутриутробного развития новорожденного ребенка, при котором роженица считается его убийцей. В соответствии с критериями живорождения это срок составляет 22 недели беременности, однако исходя из анализа судебных решений, за убийство недоношенных детей женщину невозможно привлечь к уголовной ответственности, так как экспертное врачебное или судебное медицинское заключение о рождении незрелого плода исключает вину женщины в его гибели, что указывает на то, что недоношенные дети находятся вне поля уголовной защиты от убийства матерью.

В некоторой степени мы согласны с такой позицией суда. Это обусловлено тем, что недоношенные новорожденные отличаются особой иммунной реактивностью, развитие воспалительного процесса у них не подчиняется

общим закономерностям, часто развивается пневмония в срок от 3 до 6 суток, которая заканчивается дыхательной недостаточностью. Однако при поздних преждевременных родах (34–36 недель беременности), как правило рождаются дети, адаптированные к внешним условиям, способные самостоятельно дышать без медицинской помощи, поэтому они также должны быть защищены от посягательств на их жизнь. В целом можно констатировать достаточную лояльность как уголовного законодательства, так и судебной практики по отношению к преступлениям, связанным с убийством женщинами своих новорожденных детей.

С другой стороны, судебная практика в отношении медицинских работников, обязанных оказывать помощь при рождении ребенка, в случае смерти новорожденного идет совсем по другому пути. В России имеются случаи привлечения к уголовной ответственности врачей в случаях спасения глубоко недоношенных детей. При этом суды опираются на критерии живорождения и указывают на обязанность спасения жизни плода на сроке беременности 22 недели и с массой тела 500 г.

Так, в 2018 г. Калужский областной суд признал заведующую акушерско-гинекологическим отделением районной больницы виновной в смерти плода на 24-й недели беременности с экстремально низкой массой тела – 640 г, так как она не провела в полном объеме мероприятия по спасению жизни плода ввиду отсутствия в больнице необходимого оборудования. Врач была осуждена по ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неоказание помощи больному» [19]. Следует отметить, что при гибели плода с экстремально малой массой тела в ряде случаев даже возбуждаются дела по ч. 2 ст. 105 УК РФ, причем врачей обвиняют в убийстве малолетнего лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Так, например, судебное разбирательство по обвинению детского врача анестезиолога-реаниматолога Калужского перинатального центра Элины Сушкевич длилось более четырех лет: она не спасла плод на 23-й неделе беременности с массой 700 г, к которому ее вызвали через четыре часа после родов. В сентябре 2022 г. врач привлечена к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок девять лет с отбыванием наказания в колонии общего режима, с запретом работать по профессии три года после освобождения [20].

Таким образом, наблюдается асимметрия уголовной ответственности за лишение жизни плода, а именно: медицинские работники несут ответственность за его жизнь с 22 недель внутриутробного развития ребенка, а женщины-матери, убившие детей, только в том случае, если ребенок родился доношенным, жизнеспособным без специальных медицинских условий выхаживания в кювете, т.е. с 37 недель беременности.

Представляется, что такое положение является не справедливым по отношению к врачам, так как глубоко недоношенные дети часто рождаются с внутриутробной инфекцией, с поражением центральной нервной системы (менингоэнцефалитом), часто присоединяется сепсис [21. С. 24]. Глубокая

недоношенность, значительная морфофункциональная незрелость таких пациентов сама по себе предопределяет низкий процент выживания по сравнению с преждевременно рожденными на более поздних гестационных сроках (30–36 недель), а также обуславливает высокий риск младенческой заболеваемости и смертности. Перенос ответственности за возможные ошибки в профессиональной деятельности медицинских работников, от которых никто не застрахован, в плоскость уголовной ответственности за смерть недоношенного ребенка, имеющего патологические нарушения, часто несовместимые с жизнью, является, на наш взгляд, недопустимым. Такая ситуация, если она будет развиваться в дальнейшем, может привести к отток высокопрофессиональных кадров, работающих в перинатальных центрах, из профессии, их боязнь применения новейших способов борьбы за жизнь недоношенных детей, а следовательно, приведет к повышению уровня смертности таких детей, нехватке медицинских кадров в данной важнейшей сфере здравоохранения.

Снижает уровень гарантий права на жизнь и здоровье нерожденного ребенка также безответственное поведение беременной женщины. Минимализм и нежелание получать медицинские знания, снижение когнитивных функций, обусловленное гестационными изменениями организма, нередко социальная незащищенность (дезадаптация) не позволяют беременной женщине или роженице в полной мере оценивать всю сложность и драматизм акушерской ситуации и, соответственно, правильно, а главное, своевременно предпринять необходимые меры, направленные на спасение как плода, так и новорожденного. Отсутствие должного эмоционального контакта с врачом акушером-гинекологом, у которого наблюдается женщина, попытка консолидировать мнения разных специалистов и уход от единой стратегии ведения беременности, исходный отказ женщины от диспансерного наблюдения и родов в условиях лечебного учреждения – частые причины инертности пациентки в критических для нее и плода ситуациях, которые могут привести к смерти новорожденного ребенка.

Мы не призываем привлекать женщину, потерявшую ребенка в результате преждевременных родов, к юридической ответственности, но задокументированные факты невыполнения медицинских назначений и рекомендаций, регламентированных утвержденными Министерством здравоохранения РФ документами, письменные отказы беременной женщины от госпитализации при угрозе преждевременных родов, не обращение в женскую консультацию для компетентного медицинского ведения беременности при отягощенном акушерском анамнезе и другие действия, ставящие под угрозу нормальное развитие беременности, должны учитываться судом при вынесении решений в отношении врачей, а также и при требованиях женщины возместить моральный вред в результате гибели ребенка. Например, в упомянутом выше деле Элины Сушкевич женщина, потерявшая ребенка, уже имела в анамнезе самопроизвольные прерывания беременности, но все же не обратилась в женскую консультацию для компетентного ведения и сохранения беременности, однако суд это не принял во внимание, не усмотрел

в этом вину женщины в преждевременных родах и безответственном отношении к своей беременности.

Однако право на жизнь и здоровье нерожденного ребенка: эмбриона и плода, никак не защищаются государством от девиантного поведения беременной женщины, если она употребляет алкоголь, наркотические средства, курит. Такое поведение женщины в значительной степени влияет на состояние здоровья нерожденного ребенка и его качество жизни, но российское законодательство не устанавливает никаких мер воздействия к данным беременным женщинам.

Многочисленные научные исследования доказывают крайне отрицательные последствия употребления женщиной алкоголя и наркотических средств в период беременности для внутриутробного развития ребенка, поскольку происходит непосредственный контакт плода с вредными веществами через плаценту и отравление плода, что влечет за собой различные аномалии и пороки развития, а также мертворождение [22. С. 31]. Современные синтетические наркотические средства преодолевают плацентарный барьер и накапливаются в организме плода. При этом период их полураспада в организме плода значительно продолжительнее по времени, чем у взрослого человека, что обусловлено незрелостью ферментных систем печени, свойствами фетальной гемодинамики, поэтому их воздействие на плод приводит к тяжелым и долговременным, часто необратимым поведенческим и неврологическим нарушениям у ребенка, которые зависят от дозы и сроков применения наркотических средств беременной женщины [23. Р. 552]. Алкоголь может проникать в головной мозг плода и вызывать дефицит защитных механизмов деятельности головного мозга у ребенка, умственную недостаточность, пороки развития [24. Р. 1095]. Хроническая никотиновая зависимость также вредно влияет на развитие эмбриона и плода.

Для своевременного пресечения девиантного поведения беременной женщины и защиты жизни и здоровья детей с момента зачатия, в зарубежных странах стали применяться инструментально-лабораторные скрининги, позволяющие установить употребление беременной женщиной наркотических средств или алкоголя.

В Финляндии подобные скрининги проводятся по всей стране, и при выявлении беременных женщин, у которых выявляются проблемы злоупотребления наркотиками или алкоголем, они направляются в специализированные клиники со стационарным и амбулаторным вариантами лечения. В случаях тяжелой алкогольной или наркотической зависимости беременных на законном основании могут быть приняты решения о принудительном их лечении. Медицинские работники также обязаны информировать органы опеки и попечительства, если развитие новорожденного или ребенка более старшего возраста может быть поставлено под угрозу из-за рискованного употребления алкоголя и наркотиков женщиной в период ее беременности [25. С. 20].

В США в 23 штатах и округе Колумбия употребление психоактивных веществ во время беременности приравнивается к жестокому обращению с детьми, поэтому медицинские работники обязаны сообщать о подозрении

употребления наркотиков и алкоголя женщиной во время беременности, а в восьми штатах проводится тестирование на предмет внутриутробного воздействия наркотиков на плод, если женщина подозревается в их употреблении. Только в трех штатах (Алабама, Теннесси и Южная Каролина) в период с 2005 по 2016 г. обвинения в химической угрозе, пренебрежительном отношении к плоду или нападении на плод в связи с употреблением психоактивных веществ были предъявлены 700 женщинам. Мертворождение вследствие употребления наркотических средств приравнивается к убийству новорожденного, и за данный вид преступления женщины привлекаются к уголовной ответственности с максимальным наказанием 10 лет лишения свободы. Так, женщина была осуждена за внутриутробное убийство ребенка, когда ее беременность закончилась мертворождением. Обвинители утверждали, что смерть ребенка вызвана употреблением кокаина, и она была осуждена на восемь лет лишения свободы [26. Р. 589].

Безусловно, меры по своевременному выявлению употребления беременной женщиной алкоголя, наркотических средств необходимы для защиты жизни и здоровья детей, находящихся в стадии внутриутробного развития. Установление данных фактов предоставляет врачам возможность более оперативно и правильно вести лечение новорожденных, подвергшихся внутриутробному отравлению психоактивными веществами. Однако считаем, что женщин, употребляющих такие вещества, нужно не подвергать уголовному наказанию, по примеру США, а лечить, возможно даже принудительно, ограничивая употребление ими наркотических средств и алкоголя. По нашему мнению, защита жизни и здоровья детей во внутриутробном развитии от употребления беременной женщиной наркотических средств должна осуществляться государством, прежде всего при реализации эффективной профилактики незаконного оборота наркотических средств, повышении уровня жизни.

Ведь рассмотренная выше политика США привела к тому, что большинство женщин, употребляющих психоактивные вещества, из-за страха потери опеки над детьми и уголовной ответственности намеренно отказались от врачебного дородового ухода (ведения беременности) и продолжали бесконтрольно употреблять психоактивные вещества без рецепта врача. Все это отрицательно влияло на здоровье беременной женщины и ребенка и подвергало жизнь последнего большой опасности, тогда как медицинское сопровождение беременной обеспечило бы ее альтернативными препаратами, позволяющими более щадящими, менее агрессивными способами избавить ее от пагубной зависимости и более эффективно обеспечить охрану жизни плода [27].

Таким образом, конституционное право на жизнь ребенка с момента зачатия в России хотя не закреплено официально в Основном законе, но признано в нормативно-правовых актах, регулирующих организацию медицинской помощи эмбриону и плоду, а также в Уголовном и Гражданском кодексах РФ, т.е. признано опосредованно. Конституционное право на жизнь ребенка с момента зачатия в России не абсолютно, каждая женщина может

по своему желанию осуществить прерывание беременности в срок до 12 недель, а также по социальным и медицинским показаниям.

Полагаем, что требует пересмотра ситуация, сложившаяся в законодательстве и судебной практике, при которой уголовную ответственность за жизнь ребенка, рожденного при преждевременных родах, несут врачи при сроке 22 недели беременности, а противоправные действия женщины, причиняющие вред здоровью и жизни недоношенному, а также нерожденному ребенку, не подлежат никакому виду юридической ответственности.

Считаем, что не обращение беременной женщины в женскую консультацию для постановки на учет, отказ от планомерного наблюдения и выполнения согласно прописанному в регламентирующих документах алгоритму обследования и лечебно-профилактических мероприятий, отказ от госпитализации в случае ее жизненной необходимости, употребление ею психоактивных веществ являются обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность врачей при смерти плода. Судами и следственными органами при рассмотрении таких дел должна устанавливаться вина как беременной женщины, так и врачей (в случае врачебной ошибки), причем мера ответственности последних должна быть пропорциональна степени их вины.

Для исключения привлечения врачей к уголовной ответственности в случае смерти новорожденного ребенка необходимо в России внедрить скрининги на предмет употребления женщиной во время беременности психоактивных веществ. Не должно быть случаев привлечения врачей к уголовной ответственности за гибель плода с экстремально низкой массой тела, поскольку это противоречит принципам справедливости и соразмерности наказания и может вызвать отток высокопрофессиональных кадров.

Важно уточнить положения ст. 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка» УК РФ, а именно к характеристикам нерожденного ребенка – жертве такого преступления добавить срок внутриутробного развития ребенка – 34 недели беременности, так как на данном сроке такие дети требуют минимального медицинского выхаживания по сравнению с детьми, рожденными на меньших гестационных сроках, и способны к самостоятельному дыханию без лекарственного обеспечения.

Предлагаемые нами меры будут способствовать более эффективному обеспечению конституционно-правовых гарантий защиты прав нерожденного ребенка в России.

Список источников

1. Ústava Slovenskej Republiky 1. septembra 1992. URL: <https://www.ustavny-sud.sk/ustava-slovenskej-republiky> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Constitution of Ireland (Enacted by the People 1st July, 1937). URL: https://constitution.org/1-Constitution/cons/ireland/constitution_ireland-en.htm (дата обращения: 21.09.2022).
3. Constitution / Basic Law of Hungary of April 25, 2011. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=298> (дата обращения: 21.09.2022).
4. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 29 Mai 1874 (Stand am 20 April 1999). URL: [https:// bv-alt-d.pdf-Яндекс.Документы\(yandex.ru\)](https://bv-alt-d.pdf-Яндекс.Документы(yandex.ru)) (дата обращения: 21.09.2022).

5. Конституция Республики Абхазия (принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 года, одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 года, с изменениями от 3 октября 1999 года, 30 апреля 2014 года, 3 февраля 2016 года, 29 марта 2016 года. URL: <https://ks.apsny.land/ru/dokumenty/item/80-konstitutsiya-respubliki-abkhaziya> (дата обращения: 21.09.2022).

6. Акушерство : учебник / Г.М. Савельева, Р.И. Шалина, Л.Г. Сичинава, Б. Панина, М.А. Курцер. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ГЭОТАР- Медиа, 2020. 576 с.

7. О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 21. Ст. 1917.

8. Почти половина россиян поддерживают законодательную защиту жизни до рождения и около 80% считают аборт убийством // Сайт общественной организации «За жизнь». URL: <https://rusprolife.ru/pochti-polovina-rossiyan-podderzhivayut-zakonodatelnyu-zashhitu-zhizni-do-rozhdeniya-i-okolo-80-schitayut-abort-ubiystvom/> (дата обращения: 21.09.2022).

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

12. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» : Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

13. Резус-иммунизация. Гемолитическая болезнь плода: клинические рекомендации (утверждены. Минздравом России) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

15. Об утверждении формы документа о рождении и порядка его выдачи : Приказ Минздрава России от 13.10.2021 № 987н // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

16. Преждевременные роды : клинические рекомендации (утверждены Минздравом России) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2022).

17. Приговор Балезинского районного суда Удмуртской Республики от 13 июля 2020 г. по делу № 1-111/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JA4za98j475Q/?regular-txt=Приговор+Балезинского+районного+суда+Удмуртской+Республики+от+13+июля+2020+г.+по+делу+№+1-111%2F2020++®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+106.+Убийство+матерью+новорожденного+ребенка%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1662128025550 (дата обращения: 21.09.2022).

18. Приговор Лузского районного суда Кировской области от 17 июля 2020 г. по делу № 1-49/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uHws38USxdZm/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+106.+Убийство+матерью+новорожденного+ребенка%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1662127392039 (дата обращения: 21.09.2022).

19. Приговор Калужского областного суда № 2-11/2018 УК-2-11/2018 от 19 декабря 2018 г. по делу № 2-11/2018. URL: [https://Приговор_№_2-11/2018_УК-2-11/2018_от_19_декабря_2018_г._по_делу_№_2-11/2018::СудАкт.ру_\(sudact.ru\)](https://Приговор_№_2-11/2018_УК-2-11/2018_от_19_декабря_2018_г._по_делу_№_2-11/2018::СудАкт.ру_(sudact.ru)_(дата_обращения:_21.09.2022).) (дата обращения: 21.09.2022).

20. Дело Элины Сушкевич. URL: [https://Дело_Элины_Сушкевич-Википедия_\(wikipedia.org\)](https://Дело_Элины_Сушкевич-Википедия_(wikipedia.org)_(дата_обращения:_21.09.2022).) (дата обращения: 21.09.2022).

21. Виноградова И.В., Краснов В.М. Состояние здоровья детей с экстремально низкой массой тела при рождении в отдаленные периоды жизни // Вестник современной клинической медицины. 2013. Т. 6, № 1. С. 20–25.

22. Тюстина Г.Г. Защита прав несовершеннолетних девиантного поведения. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. 134 с.

23. Bailey N.A., Diaz-Barbosa M. Effect of maternal substance abuse on the fetus, neonate, and child // *Pediatr Rev.* 2018. Vol. 39, № 11 P. 550–559. doi: 10.1542/pir.2017-0201

24. Wallén E., Auvinen P., Kaminen-Ahola N. The effects of early prenatal alcohol exposure on epigenome and embryonic development // *Genes (Basel)*. 2021. Vol. 12, № 7. P. 1095. doi: 10.3390/genes12071095.

25. Schölin L. Предупреждение вреда, причиняемого подверженностью воздействию алкоголя в период беременности: Экспресс-обзор и примеры из практики государственных ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. 2017. 46 с.

26. Marshall M.F., Taylor J., DeBruin D. Ferguson v. City of Charleston Redux: Motivated Reasoning and Coercive Interventions in Pregnancy // *Pediatrics*. 2020. № 146. P. 586–592. doi: 10.1542/peds.2020-0818Q

27. Goodman D., Whalen B., Hodder L. C. It's time to support, rather than punish, pregnant women with substance use disorder // *JAMA Netw Open*. 2019. Vol. 2, № 11. P. e1914135. doi: 10.1001/jamanetworkopen.2019.14135

References

1. Slovenia. (1992) *Ústava Slovenske Republike 1. septembra 1992*. [Online] Available from: <https://www.ustavnysud.sk/ustava-slovenske-republike> (Accessed: 21st September 2022).

2. Ireland. (1937) *Constitution of Ireland (Enacted by the People 1st July, 1937)*. [Online] Available from: https://constitution.org/1-Constitution/cons/ireland/constitution_ireland-en.htm (Accessed: 21st September 2022).

3. Hungary. (2011) *Constitution / Basic Law of Hungary of April 25, 2011*. [Online] Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=298> (Accessed: 21st September 2022).

4. Switzerland. (1999) *Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 29 Mai 1874 (Stand am 20 April 1999)*. [Online] Available from: [https://bv-alt-d.pdf-Yandex.Dokumenty_\(yandex.ru\)](https://bv-alt-d.pdf-Yandex.Dokumenty_(yandex.ru)_(Accessed:_21st_September_2022).) (Accessed: 21st September 2022).

5. Abkhazia. (n.d.) *Konstitutsiya Respubliki Abkhaziya (prinyata na sessii Verkhovnogo Soveta Respubliki Abkhaziya 12-go sozyva 26 noyabrya 1994 goda, odobrena vsenarodnym golosovaniem 3 oktyabrya 1999 goda, s izmeneniyami ot 3 oktyabrya 1999 goda, 30 aprelya 2014 goda, 3 fevralya 2016 goda, 29 marta 2016 goda* [Constitution of the Republic of Abkhazia (adopted at the session of the Supreme Council of the Republic of Abkhazia of the 12th convocation on November 26, 1994, approved by popular vote on October 3, 1999, with amendments of October 3, 1999, April 30, 2014, February 3, 2016, March 29, 2016)]. [Online] Available from: <https://ks.apsny.land/ru/dokumenty/item/80-konstitutsiya-respubliki-abkhaziya> (Accessed: 21st September 2022).

6. Savelieva, G.M., Shalina, R.I., Sichiunava, L.G., Panina, B. & Kurtser, M.A. (2020) *Akusherstvo* [Obstetrics]. 2nd ed. Moscow: GEOTAR- Media.

7. Russian Federation. (2002) O vremennom zaprete na klonirovanie cheloveka: Federal'nyy zakon ot 20 maya 2002 g. № 54-FZ [On the temporary ban on human cloning: Federal Law No. 54-FZ of May 20, 2002]. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Complete Laws of the Russian Federation]. 21. Art. 1917.

8. Za zhizn'. (n.d.) *Pochti polovina rossiyan podderzhivayut zakonodatel'nyuyu zashchitu zhizni do rozhdeniya i okolo 80% schitayut abort ubiystvom* [Almost half of Russians support legislative protection of life before birth and about 80% consider abortion murder]. [Online] Available from: <https://rusprolife.ru/pochti-polovina-rossiyan-podderzhivayut-zakonodatel'-nyuyu-zashchitu-zhizni-do-rozhdeniya-i-okolo-80-schitayut-abortion-ubiystvom/> (Accessed: 21st September 2022).

9. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

10. Russian Federation. (n.d.) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022)* [The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

11. Russian Federation. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 14.07.2022, s izm. ot 18.07.2022)* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, N 63-FZ (as amended on July 14, 2022, as amended on July 18, 2022)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

12. Ministry of Health of Russia. (2020) *Ob utverzhdenii Poryadka okazaniya meditsinskoy pomoshchi po profilu "akusherstvo i ginekologiya": Prikaz Minzdrava Rossii ot 20.10.2020 № 1130n* [On approval of the Procedure for the provision of medical care in the profile of "obstetrics and gynecology": Order N 1130n of the Ministry of Health of Russia dated October 20, 2020]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

13. Ministry of Health of Russia. (n.d.) *Rezus-immunizatsiya. Gemoliticheskaya bolezнь ploda: klinicheskie rekomendatsii (utverzhdeny. Minzdravom Rossii)* [Rhesus immunization. Hemolytic disease of the fetus: clinical recommendations (approved by the Ministry of Health of Russia)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

14. Russian Federation. (n.d.) *Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 31.07.2020)* [On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ of the Russian Federation of November 21, 2011 (as amended on July 31, 2020)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

15. Ministry of Health of Russia. (2021) *Ob utverzhdenii formy dokumenta o rozhdenii i poryadka ego vydachi: Prikaz Minzdrava Rossii ot 13.10.2021 № 987n* [On approval of the form of the birth document and the procedure for issuing it: Order No. 987n of the Ministry of Health of Russia dated October 13, 2021]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

16. Ministry of Health of Russia. (n.d.) *Prezhdevremennnye rody: klinicheskie rekomendatsii (utverzhdeny Minzdravom Rossii)* [Premature birth: clinical guidelines (approved by the Ministry of Health of Russia)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus" (Accessed: 21st September 2022).

17. Russian Federation. (2020) *Prigovor Balezinskogo rayonnogo suda Udmurtskoy Respubliki ot 13 iyulya 2020 g. po delu № 1-111/2020* [Verdict of the Balezinsky District Court of the Udmurt Republic dated July 13, 2020, in case No. 1-111/2020]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/JA4za98j475Q/?regular-txt=Prigovor+Balezinskogo+rayonnogo+suda+Udmurtskoy+Respubliki+ot+13+iyulya+2020+g.+po+delu+№+1-111%2F2020++®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Stat'ya+106.+Ubiystvo+mater'yu+novorozhdennogo+rebenka%28UK+RF%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1662128025550 (Accessed: 21st September 2022).

18. Russian Federation. (2020) *Prigovor Luzskogo rayonnogo suda Kirovskoy oblasti ot 17 iyulya 2020 g. po delu № 1-49/2020* [Sentence of the Luzsky District Court of the Kirov Region dated July 17, 2020 in case No. 1-49/2020]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/uHWs38USxdZm/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Stat'ya+106.+Ubiystvo+mater'yu+novorozhdenного+rebenka%28UK+RF%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1662127392039 (Accessed: 21st September 2022).
19. Russian Federation. (2018) *Prigovor Kaluzhskogo oblastnogo suda № 2-11/2018 UK-2-11/2018 ot 19 dekabrya 2018 g. po delu № 2-11/2018* [Sentence of the Kaluga Regional Court No. 2-11/2018 UK-2-11/2018 of December 19, 2018 in case No. 2-11/2018]. [Online] Available from: [https://Prigovor № 2-11/2018 UK-2-11/2018 ot 19 dekabrya 2018 g. po delu № 2-11/2018::SudAkt.ru \(sudact.ru\)](https://Prigovor № 2-11/2018 UK-2-11/2018 ot 19 dekabrya 2018 g. po delu № 2-11/2018::SudAkt.ru (sudact.ru) (Accessed: 21st September 2022).) (Accessed: 21st September 2022).
20. wikipedia.org. (n.d.) *Delo Eliny Sushkevich* [Case of Elina Sushkevich]. [Online] Available from: [https://Delo Eliny Sushkevich–Vikipediya](https://Delo Eliny Sushkevich–Vikipediya (Accessed: 21st September 2022).) (Accessed: 21st September 2022).
21. Vinogradova, I.V. & Krasnov, V.M. (2013) Sostoyanie zdorov'ya detey s ekstremal'no nizkoy massoy tela pri rozhdenii v otdalennyye periody zhizni [Health status of children with extremely low birth weight in late life]. *Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny*. 6(1). pp. 20–25.
22. Tyustina, G.G. (2016) *Zashchita prav nesovershennoletnikh deviantnogo povedeniya* [Protection of the rights of minors with deviant behavior]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
23. Bailey, N.A. & Diaz-Barbosa, M. (2018) Effect of maternal substance abuse on the fetus, neonate, and child. *Pediatrics in Review*. 39(11). pp. 550–559. DOI: 10.1542/pir.2017-0201
24. Wallén, E., Auvinen, P. & Kaminen-Ahola, N. (2021) The effects of early prenatal alcohol exposure on epigenome and embryonic development. *Genes (Basel)*. 12(7). pp. 1095. DOI: 10.3390/genes12071095
25. Schölin, L. (2017) *Preduprezhdenie vreda, prichinyaemogo podverzhennost'yu vozdeystviyu alkogolya v period beremennosti: Ekspress-obzor i primery iz praktiki gosudarstv-chlenov VOZ* [Preventing harm caused by exposure to alcohol during pregnancy: A quick review and examples from public health practice of WHO member-countries]. WHO.
26. Marshall, M. F., Taylor, J. & DeBruin, D. (2020) Ferguson v. City of Charleston Redux: Motivated Reasoning and Coercive Interventions in Pregnancy. *Pediatrics*. 146. pp. 586–592. DOI: 10.1542/peds.2020-0818Q
27. Goodman, D., Whalen, B. & Hodder, L.C. (2019) It's time to support, rather than punish, pregnant women with substance use disorder. *JAMA Network Open*. 2(11). pp. e1914135. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2019.14135

Информация об авторах:

Басова А.В. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского (Саратов, Россия). E-mail: allsar@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-9155-5957

Комкова Г.Н. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: komkova_galina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2572-2443

Басова Т.А. – кандидат медицинских наук, доцент кафедры акушерства и гинекологии лечебного факультета Саратовского государственного медицинского университета

имени В.И. Разумовского (Саратов, Россия). E-mail: kotabas@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7840-4211

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Basova A.V., Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation); Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: allsar@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-9155-5957

Komkova G.N., Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: komkova_galina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2572-2443

Basova T.A., Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: kotabas@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7840-4211

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.01.2023,
одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 21.01.2023;
approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 342.6
doi: 10.17223/22253513/53/2

Административное усмотрение в системе обеспечения государственного суверенитета: функциональный анализ

Сергей Викторович Ведяшкин¹, Дмитрий Игоревич Зайцев²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, sergved@rambler.ru*

² *Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, zaytsew93@bk.ru*

Аннотация. Проанализировано административное усмотрение в системе юридических средств, обеспечивающих государственный суверенитет, в контексте анализа функций административного права и органов государственного управления. Проведен анализ особенностей его реализации. Даны авторские предложения по совершенствованию существующей в Российской Федерации системы мер обеспечения суверенитета, одно из основных мест в которой занимает административное усмотрение.

Ключевые слова: административное усмотрение, суверенитет, государственный суверенитет, функции права, функциональный подход, функции органов государственного управления

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

Для цитирования: Ведяшкин С.В., Зайцев Д.И. Административное усмотрение в системе обеспечения государственного суверенитета: функциональный анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 22–34. doi: 10.17223/22253513/53/2

Original article
doi: 10.17223/22253513/53/2

Administrative discretion in the system of ensuring state sovereignty: a functional analysis

Sergey V. Vedyashkin¹, Dmitriy I. Zaytsev²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
sergved@rambler.ru*

² *Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russian Federation,
zaytsew93@bk.ru*

Abstract. Discretionary powers of the law enforcement system in general and state security bodies in particular is a deep problematic layer of modern human rights theory.

Analysis of administrative discretion of executive authorities in the functional-legal context is required in order to be able to assess the discretionary activity of these bodies in general and as a whole, and not in any part.

Regulatory and protective function of administrative law play an important role in the system of ensuring state sovereignty. However, sovereignty must be preserved both in normal (normal, everyday, ordinary) and extraordinary (special, special, extraordinary) conditions. In the first case, there are no threats to statehood, and sovereignty is maintained by sub-functions of the regulatory function. In the second case, there are already some appropriate extraordinary circumstances (military conflicts, rebellions against the government, natural disasters, etc.), for the elimination of which both functions under discussion are involved, but above all - the protective function.

Administrative discretion in ensuring state sovereignty is mainly present in the framework of the protective function, it is realised in ensuring state sovereignty only when there are such extraordinary circumstances that threaten the statehood as such.

Modern theory and practice of ensuring state sovereignty usually distinguish two basic approaches to the discretionary powers of executive authorities in emergency conditions. The first of them is based on the norms of Russian law, and the second - on the norms of international law, and for simplicity of the reader's perception we will designate them conventionally as the Russian approach and the international approach.

The international approach declares the opposite - in order to neutralise internal and external threats to state sovereignty, the agents of executive power have the right not only to exercise all the powers granted to them by law, but also to significantly exceed them, guided by the ancient maxim «necessitas legem non habet».

Freedom of action in relation to the Russian approach is described by the formula «intra legem» (from the Latin «within the law»): in the event of an emergency situation, a competent person can choose only those managerial decisions that are explicitly provided for in a special regulatory legal act. This approach mediates the classical domestic ideas about administrative discretion as a purely legal category.

The authors concluded that in the Russian Federation administrative discretion plays a priority role in the system of ensuring state sovereignty. In this regard, in almost any country, the competence and specificity of the activities of special services officers, if not provoking, at least not preventing the commission of certain unlawful acts against citizens in conditions that threaten the existence of the state itself. It is considered to be a very modest «payment» for state security (but in Western countries it is still much larger than in Russia).

Keywords: administrative discretion, sovereignty, state sovereignty, functions of law, functional approach, functions of public administration bodies

Financing: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00764.

For citation: Vedyashkin, S.V. & Zaytsev, D.I. (2024) Administrative discretion in the system of ensuring state sovereignty: a functional analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 22–34. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/2

Дискреционные полномочия правоохранительной системы в целом и органов государственной безопасности в частности – это глубинный проблемный пласт современной теории прав человека. Так, профессор Университета Висконсина Герман Гольдштейн¹ [1] был уверен в том, что полицейское

¹ Один из крупнейших криминологов США, автор концепции проблемно-ориентированной полиции (см. следующую сноску). В 2018 г. был удостоен самой престижной награды в мире в области криминологии – Стокгольмской премии по криминологии.

усмотрение «ужасающе в той степени, в которой оно может нарушать свободы гражданина, вторгаться в его личную жизнь, внезапно и прямо воздействовать на него» [2. Р. XII]. Если же с аналогичной правозащитной позиции взглянуть на работу тайной полиции, то она, вероятно, представится сущим кошмаром. Дело в том, что ее компетенция – как фиксируется, например, в обобщающем данный вопрос докладе Венецианской комиссии от 15 декабря 2015 г. «О демократическом надзоре за секретными службами» – чаще всего является *полностью дискреционной*, что позволяет соответствующим ведомствам не только максимально жестко попираť права подозрительных лиц, но и совершать это без какого-либо контроля со стороны парламента и суда [3. Р. 18]. Другими словами, силовые структуры, призванные охранять наиболее важные права человека, имеют наибольшие же возможности для поражения этих прав – бесконтрольного, безнаказанного и систематического [4. С. 77].

Данный парадокс хорошо известен как восточный архетипический образ: герой-протагонист борется с драконом, убивает его, после чего сам превращается в дракона [5. С. 132–135]. В советской литературе эту фабулу отчасти пересказал Е.Л. Шварц в пьесе «Дракон» [6. С. 89–166]. О чем-то похожем размышлял и немецкий философ Фридрих Ницше, когда говорил: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем» [7. С. 629]. При желании в науке и искусстве можно найти множество сюжетов и суждений, буквально или опосредованно дублирующих озвученные.

В настоящей статье мы попробуем изучить описанную проблему в контексте обеспечения государственного суверенитета. Какова роль административного усмотрения в системе его обеспечения? Могут ли специальные службы защищать безопасность своей страны, не прибегая к «драконовским мерам»¹ [8. Р. 321], нарушающим права, свободы и законные интересы населения? Кто должен нести ответственность за правонарушения, совершенные должностными лицами государственных органов в рамках своих дискреционных полномочий при принятии мер по обеспечению государственного суверенитета? По итогам статьи авторы постараются дать собственные оригинальные ответы на эти вопросы.

В качестве основного метода исследования избран *функциональный анализ*. Он, как констатируется в тематических трудах, способствует обнаружению самых фундаментальных свойств рассматриваемых объектов и самых стабильных, устойчивых связей между ними [9. С. 77]. Думается, что для погружения в такую сложную и неоднородную материю, как система обеспечения государственного суверенитета, функциональный метод является одним из наиболее релевантных.

¹ Для европейской культуры слово «дракон» есть прежде всего отсылка к Драконту – законодателю Афинской республики, имя которого обрело нарицательный характер из-за того, что в 621 г. до н. э. он издал свод законов, предусматривающий в качестве санкции за большинство правонарушений (в том числе таких малозначительных, как праздничный образ жизни или кража фруктов) смертную казнь.

Изучение административного усмотрения органов исполнительной власти в функционально-правовом разрезе требуется для того, чтобы иметь возможность оценить дискреционную деятельность данных органов *в общем и целом*, а не в какой-либо части. Например, 20 марта 2023 г. Президент России В.В. Путин выступил на расширенном заседании коллегии МВД России, где отметил, что «в целом <...> результаты работы [органа] положительные» [10]. Это значило, что за прошедший год (2022 г.) общая направленность правового регулирования в установленной для министерства сфере деятельности не подверглась кардинальным изменениям (поворотам); эффективность правового воздействия полиции на общественные отношения либо стабильно росла, либо колебалась в приемлемых для нее диапазонах; однако служащими допускались отдельные проступки и нарушения. Что же касается административного усмотрения, то для нас очевидно, что оно *одновременно* детерминировало как торжество законности (принятие грамотных управленческих решений в юридически неопределенных или фактически нестандартных ситуациях), так и ее низложение (полицейский произвол и административные ошибки). Тем не менее *на функциональном уровне* реализация дискреционных полномочий МВД России явилась вполне успешной.

К сожалению, необходимо признать, что обсуждение поднятого нами вопроса затрудняется слабой или, по меньшей мере, недостаточной степенью научной разработанности и административного усмотрения [11. С. 119–120], и функций административного права [12. С. 33]. В этой связи перед тем, как обратиться к проблеме дискреционных полномочий органов, обеспечивающих суверенитет государства, нужно посвятить некоторое внимание корреляции административного усмотрения и функций административного права. Здесь нам хочется подчеркнуть следующие аспекты.

Во-первых, под функциями права традиционно понимаются не направления правового регулирования, но *направления правового воздействия*. Подобным образом, в частности, дефинируют их С.С. Алексеев и Т.Н. Радько в своих ставших уже классическими работах [13. С. 191; 14. С. 68]. Правовое регулирование отличается от правового воздействия тем, что регулирование осуществляется посредством правовых средств [15. С. 298], а воздействие – при помощи правовых средств и неправовых средств [16. С. 289]. Соответственно, гипотетически дискреционные полномочия органов исполнительной власти *могут* претворяться в жизнь в рамках функций права, в том числе функций административного права, причем во всех своих «ипостасях» – правовой, неправовой и внеправовой формах.

Во-вторых, предмет административного права в самом общем виде охватывает собой общественные отношения в сфере государственного управления [17. С. 47], поэтому дискреционные полномочия могут присутствовать не только в функциях административного права, но и *в функциях государственного управления*. На наш взгляд, у административного права есть всего две функции, характерные для любой фундаментальной отрасли права, – *регулятивная функция* и *охранительная функция*, каждая из которых, в свою очередь, имеет множество подфункций [18. С. 74–85]. Некоторые функции

государственного управления практически тождественны функциям или подфункциям административного права¹ [19. С. 159–160; 20. С. 156–164], но ставить знак равенства между ними нельзя. В численном измерении функций государственного управления больше, а с содержательной точки зрения они разнообразнее. Административное усмотрение служит одним из нескольких «мостов» между функциями административного права и функциями государственного управления (например, правовое воздействие может перестать быть таковым и трансформироваться в сугубо управленческое воздействие исключительно при реализации дискреционных полномочий).

В-третьих, нередко административное усмотрение используется для того, чтобы эквilibрировать между функциями/подфункциями административного права или функциями государственного управления. Это позволяет оперативно реагировать на смену обстановки и принимать наиболее эффективные властно-управленческие решения.

Таким образом, административное усмотрение может находить свое выражение:

- внутри функций административного права;
- между функциями административного права;
- внутри подфункций административного права;
- между подфункциями административного права;
- внутри функций государственного управления;
- между функциями государственного управления;
- между функциями административного права и функциями государственного управления;
- между подфункциями административного права и функциями государственного управления.

В настоящее время некоторые ученые считают, что обеспечение государственного суверенитета есть самостоятельная функция государства [21. С. 68–171; 22. С. 71; 23. С. 30]. Мы полагаем, это не совсем верно. Обеспечение суверенитета скорее представляет собой деятельность, направленную на применение *комплекса разноплановых правовых и неправовых средств*, т.е. определенную совокупность различных функций, которую при всем желании не получится объединить в некую общую функцию. Кроме того, вряд ли уместно говорить именно о *функциях государства*, так как эти функции являются максимально абстрактными и отвлеченными, а потому если и реализуются при обеспечении суверенитета, то лишь в малой своей части. Более точным было бы включать в систему обеспечения государственного суверенитета либо группу подфункций административного права, либо группу функций государственного управления.

Для целей данного исследования нужно также пояснить, в чем состоит разница между осуществлением регулятивной функции административного

¹ Так, в зарубежных исследованиях в качестве функции государственного управления иногда выделяется мотивация, ей с некоторой натяжкой идентична такая подфункция административного права, как стимулирование.

права и охранительной функции административного права (и соответствующих им подфункций) применительно к обеспечению государственного суверенитета. Но сначала нам потребуется вкратце охарактеризовать каждую из поименованных функций.

Регулятивная функция воплощается в жизнь посредством установления прав и обязанностей, запретов и ограничений, полномочий и компетенции субъектов административного права [24. С. 365], т.е. их правовых статусов. Регулятивная функция распадается на исполнительную, разрешительную, организационную, нормотворческую (правовостановительную) и контрольно-надзорную подфункции [12. С. 34]. Реализация регулятивной функции может сопровождаться сравнительно малозначительными нарушениями прав и свобод граждан.

Охранительная функция принуждает субъектов административного права соблюдать нормы административного законодательства [24. С. 365–366]. Охранительная функция содержит в себе превентивную (предупредительную, пресекательную, карательную), компенсационную, восстановительную и профилактическую подфункции [12. С. 34]. С охранительной функцией связано большинство серьезных правонарушений должностных лиц в отношении граждан.

И регулятивная, и охранительная функция административного права играют важную роль в системе обеспечения государственного суверенитета. Однако суверенитет необходимо сохранять как в нормальных (обычных, повседневных, ординарных), так и в чрезвычайных (специальных, особых, экстраординарных) условиях. В первом случае какие-либо угрозы для государственности отсутствуют, и суверенитет поддерживается подфункциями регулятивной функции. Во втором случае уже наличествуют некоторые подобающие чрезвычайные обстоятельства (военные конфликты, восстания против правительства, стихийные бедствия и др.), для устранения которых задействуются обе обсуждаемые функции, но прежде всего – охранительная функция.

Административное усмотрение при обеспечении государственного суверенитета главным образом присутствует *в рамках охранительной функции*. «Чрезвычайная ситуация, – утверждает профессор Университета Британской Колумбии Джослин Стейси (*Jocelyn Stacey*), – является одним из ярких образчиков использования свободы усмотрения» [25. Р. 35]. Близкие по смыслу мнения высказываются и в России. «В чрезвычайных обстоятельствах, – свидетельствует Т.Н. Шмидт, – сфера усмотрения и дискреционных полномочий расширяется и обуславливается самим предметом правового регулирования – нестабильными, кризисными <...> общественными отношениями» [26. С. 51].

Можно ли быть уверенным в том, что увеличение объемов дискреционных полномочий приводит только к положительным или только к отрицательным результатам? Думается, что нельзя. Как метко замечает П.П. Серков, природа дискреции ярче всего отражается в ее дуализме: административное усмотрение может повлечь за собой как позитивные, так и негативные последствия [27. С. 377], причем, добавим от себя, и те и другие последствия могут произойти *единовременно*, в процессе совершения одного дискреционного действия. Вот

почему рост административного усмотрения автоматически влечет за собой увеличение рисков использования этого усмотрения в противоправных целях (что оказывает сложное и гетерогенное влияние на многие подотрасли и институты административного права и административного процесса – например, на административную ответственность [28. С. 348]).

Как видим, для изучения родовых особенностей административного усмотрения в системе обеспечения государственного суверенитета достаточно сосредоточиться на охранительной функции административного права. Поскольку обе функции административного права осуществляются в тесной взаимосвязи [29. С. 75], выявленные особенности будут присущи и регулятивной функции, хотя, конечно же, в гораздо меньшей степени.

Как было установлено ранее, охранительная функция административного права реализуется при обеспечении государственного суверенитета только тогда, когда наступают такие чрезвычайные обстоятельства, которые угрожают *государственности как таковой*.

В современной теории и практике обеспечения государственного суверенитета обыкновенно обособляются два базовых подхода к дискреционным полномочиям органов исполнительной власти в чрезвычайных условиях. Первый из них зиждется на нормах российского права, а второй – на нормах международного права, и для простоты читательского восприятия мы обозначим их условно как *российский подход* и *международный подход*.

Российский подход гласит, что любые экстраординарные полномочия должны быть четко закреплены в законе (что, в сущности, отсылает нас к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом [30]). Как справедливо пишет по этому поводу С.А. Старостин, «общедозволительный тип правовой регламентации противоречит сути чрезвычайного правового режима регулирования» [31. С. 83]. По этой причине все меры и (или) ограничения, которые могут вводить российские государственные органы в особых условиях, перечислены в отечественном законодательстве – в Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [32], Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [33], Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [34] и других законах. К числу указанных мер, например, относятся: приостановление полномочий региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления; усиление охраны общественного порядка, специальных объектов, а также объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения; введение и обеспечение особого режима въезда на некоторую территорию и выезда с нее; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; введение комендантского часа.

Международный подход декларирует обратное – в целях нейтрализации внутренних и внешних угроз государственному суверенитету агенты исполнительной власти вправе не только осуществлять все предоставленные им

законом полномочия, но и значительно превышать их, руководствуясь античной максимой «*necessitas legem non habet*» (с лат. «необходимость не знает закона») [35. С. 7]. Исключением являются действия, нарушающие некоторые права человека, которые не подлежат ограничению ни при каких условиях¹. Соответственно, по верному мнению С.В. Лебеда, отечественная парадигма чрезвычайного управления опирается на принцип «запрещено все, что не разрешено», а интернациональная – на принцип «разрешено все, что не запрещено» [36. С. 22]. В странах Западной Европы и США, как правило, также господствуют аналогичные воззрения на допустимость пренебрежения позитивным правом при возникновении опасностей для государственного суверенитета.

Таким образом, свобода действий применительно к российскому подходу описывается формулой «*intra legem*» (с лат. «в рамках закона»): при наступлении чрезвычайной ситуации компетентное лицо может выбрать лишь те управленческие решения, которые прямо предусмотрены в специальном нормативно-правовом акте. Данный подход опосредует классические отечественные представления об административном усмотрении как о сугубо правовой категории² [37. С. 73–78; 38. С. 51–52, 69–70]. Что же касается чрезвычайного регулирования в зарубежных странах, то здесь разумнее упомянуть о формуле «*contra legem*» (с лат. «против закона»): уполномоченные органы борются с экстремальными угрозами так, как будто закона не существует вовсе. Этот подход, в свою очередь, иллюстрирует привычную для западных стран оценку административного усмотрения как неправового (или внеправового) института [11. С. 121–123].

С функциональной точки зрения названное отличие между двумя подходами раскрывается в том, что при обеспечении государственного суверенитета отечественный правоприменитель вправе действовать лишь *в пределах функций (подфункций) административного права*, в то время как зарубежный правоприменитель может выйти за их границы и начать принимать решения уже *в рамках функций государственного управления*. Следовательно, у иностранного должностного лица, с одной стороны, несравненно больше фактических (легальных и дискреционных, т.е. формальных и неформальных) возможностей для защиты государственного суверенитета, а с другой стороны, и больше возможностей для нарушения прав человека.

Трудно определить однозначно, какой из подходов лучше, а какой – хуже. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, и каждый может

¹ Таковыми являются исключительно права и свободы первого поколения (личные) – право на жизнь, достоинство, гражданство, свобода совести и т.д.

² На правовой характер административного усмотрения указывали еще советские правоведы А.П. Коренев и В.Н. Дубовицкий. Концептуального пересмотра данной позиции пока не произошло, хотя некоторые современные российские авторы, в том числе и мы, отстаивают гипотезу о том, что административное усмотрение имеет не одну, а несколько форм реализации – правовую, неправовую и внеправовую (либо правовую и неправовую).

быть полезен или вреден для конкретной страны в зависимости от того или иного исторического периода.

Вместе с тем на практике разница между изученными нами подходами обнаруживается далеко не всегда. Дело в том, что российский законодатель наделил правоприменителя довольно широким комплексом правовых средств – мер и ограничений, в результате чего его дискреционные полномочия могут абсолютно не отличаться от аналогичных полномочий должностных лиц в государствах, где само установление таких мер и ограничений отдается на усмотрение органов исполнительной власти и их должностных лиц.

Подводя итог, отметим, в 1755 г. один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин (*Benjamin Franklin*) сказал: «Тот, кто готов пожертвовать свободой ради безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности» [39. Р. 424]. Проведенное исследование продемонстрировало, что сегодня данная фраза в большей степени актуальна для России, нежели для стран Западной Европы и США. Именно в нашей стране законодатель наиболее осторожно относится к предоставлению дискреционных полномочий государственным органам, отчетливо понимая, какие катастрофические события могут за этим последовать¹ [40. С. 35].

Тем не менее даже в Российской Федерации административное усмотрение играет приоритетную роль в системе обеспечения государственного суверенитета. В этом плане практически в любой стране компетенция и специфика деятельности сотрудников специальных служб если и не провоцирует, то по крайней мере не препятствует совершению отдельных противоправных деяний в отношении граждан в условиях, угрожающих существованию самого государства. Считается, что это весьма скромная «плата» за государственную безопасность (но в западных странах она все равно намного крупнее, чем в России).

В России юридическая ответственность за указанные противоправные деяния ложится на лиц, которые их допустили. В иностранных государствах, где при обеспечении государственного суверенитета чередуются функции (подфункции) административного права и функции государственного управления, ответственность подобного свойства может отсутствовать в принципе. Причина этого в том, что зарубежный законодатель обычно презюмирует, что в некоторых экстраординарных ситуациях правоприменитель должен действовать вне правового поля и не думать о том, что за его действия ему предъявят иск на астрономическую сумму или вообще арестуют.

Список источников

1. Knutson K. Policing pioneer, law school professor Herman Goldstein dies at 88 // University of Wisconsin–Madison. Official website. URL: <https://news.wisc.edu/policing-pioneer-law-school-professor-herman-goldstein-dies-at-88/> (дата обращения: 24.06.2024).

¹ Помимо этого, в России усмотрение нередко ассоциируется с коррупцией.

2. Goldstein H. Problem-Oriented Policing. N.Y., 1990.
3. European Commission for Democracy through Law. Report on the Democratic Oversight of the Security Services. Strasbourg, 2015.
4. Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / пер. с франц. С. Денисова. М., 2015.
5. Драконова табличка (дунганская сказка) // Сказки народов Китая / пер. с кит. М., 1961.
6. Шварц Е.Л. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2010.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Сочинения. М., 2002.
8. Стрелков А.В. Драконт // Большая российская энциклопедия. Т. 9. М., 2007.
9. Чернявский А.Г. Функциональный подход к сущности права // Образование и право. 2018. № 4.
10. Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 26.06.2024).
11. Зайцев Д.И. Антология административного усмотрения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5.
12. Ведяшкин С.В. Охранительная функция административного права: концепт и реализация // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26.
13. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М., 1981.
14. Радько Т.Н. Теория функций права. М., 2014.
15. Груздев В.В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2.
16. Емельянов Б.М., Правкин С.А. Теория государства и права. Конспект лекций. М., 2004.
17. Россинский Б.В. Современное понимание предмета административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3-1.
18. Актуальные проблемы административного права и административного процесса / под общ. ред. С.А. Старостина. М., 2022.
19. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник. М., 2010.
20. Анисифорова М.В. Стимулирование в системе функций административного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11.
21. Васильев А.В. Обеспечение государственного суверенитета как функция государства // Право, экономика и управление : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары, 2020.
22. Сенин И.Н., Филина Н.В. Политические функции государства // Образование и право. 2022. № 3.
23. Щепалов С.В. Теория государства и права : конспект лекций. Петрозаводск, 2008.
24. Старилов Ю.Н. Административное право : в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998.
25. Stacey J. The Constitution of the Environmental Emergency. Portland, Oregon, 2018.
26. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования: к постановке проблемы // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2017. № 15.
27. Серков П.П., Соловей Ю.П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 4.
28. Зокиров Т.З. Роль административного усмотрения в дореволюционной России как предпосылки возникновения принципа федерализма в правовом регулировании административной ответственности // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : XXIV Международная научно-практическая конференция в рамках XIII Московской юридической недели. М., 2024.
29. Актуальные проблемы административного права и административного процесса / под общ. ред. С.А. Старостина. М., 2022.

30. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. М., 2022.
31. Старостин С.А. Чрезвычайные административно-правовые режимы. М., 2022.
32. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.
33. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.
34. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.
35. Агамбен Дж. Номо Сасер. Чрезвычайное положение. М., 2011.
36. Лебедь С.В. Международно-правовые основы обеспечения прав человека в условиях чрезвычайного положения. М., 2003.
37. Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.
38. Дубовицкий В.Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении. Минск, 1984.
39. Franklin B. Pennsylvania Assembly: Reply to the Governor, 11 November 1755 // The Papers of Benjamin Franklin. Volume 6: April 1, 1755 through September 24, 1756 / ed. by L.W. Labaree. New Haven, 1963.
40. Никитин А.А. Усмотрение в праве и его признаки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 6 (89).

References

1. Knutson, K. (2020) *Policing pioneer, law school professor Herman Goldstein dies at 88*. [Online] Available from: <https://news.wisc.edu/policing-pioneer-law-school-professor-herman-goldstein-dies-at-88/> (Accessed: 24th June 2024).
2. Goldstein, H. (1990) *Problem-Oriented Policing*. New York: McGraw-Hill.
3. European Commission for Democracy through Law. (2015) *Report on the Democratic Oversight of the Security Services*. Strasbourg: European Commission for Democracy through Law.
4. Benoit, A. (2015) *Po tu storonu prav cheloveka. V zashchitu svobod* [On the Other Side of Human Rights. In Defense of Freedoms]. Translated from French: S. Denisova. Moscow: IOI.
5. Anon. (1961) *Drakonova tablichka (dunganskaya skazka)* [The Dragon Tablet (Dungan Tale)]. In: *Skazki narodov Kitaya* [Fairy Tales of the Peoples of China]. Translated from Chinese by M. Cherkasova, A.A. Tishkov & B.L. Riftin. Moscow: State Publishing House of Fiction.
6. Shvarts, E.L. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Knogovek.
7. Nietzsche, F. (2002) *Po tu storonu dobra i zla. Sochineniya* [Beyond Good and Evil. Works]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
8. Strelkov, A.V. (2007) *Drakont* [Drakont]. In: Kravets, S.L. (ed.) *Bol'shaya russiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Vol. 9. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
9. Chernyavskiy, A.G. (2018) *Funktsional'nyy podkhod k sushchnosti prava* [Functional Approach to the Essence of Law]. *Obrazovanie i pravo*. 4. pp. 73–78.
10. Official Website of the President of Russia. (n.d.) *Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD* [Extended Meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (Accessed: 26th June 2024).
11. Zaytsev, D.I. (2024) *Anthology of Administrative Discretion. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5. 118-124. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2024.117.5.118-124

12. Vedyashkin, S.V. (2017) Protective function of administrative law: concept and realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 26. pp. 33–44. DOI: 10.17223/22253513/26/3
13. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General Theory of Law: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
14. Radko, T.N. (2014) *Teoriya funktsiy prava* [Theory of the Functions of Law]. Moscow: Prospekt.
15. Gruzdev, V.V. (2011) Voprosy sootnosheniya pravovogo vozdeystviya i pravovogo regulirovaniya [Issues of the relationship between legal impact and legal regulation]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2. pp. 297–310.
16. Emelyanov, B.M. & Pravkin, S.A. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava. Konspekt lektsiy* [Theory of State and Law. Lecture Notes]. Moscow: MIEMP.
17. Rossinskiy, B.V. (2021) Sovremennoe ponimanie predmeta administrativnogo prava [Modern understanding of the subject of administrative law]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. S3-1. pp. 37–43. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-37-43
18. Starostin, S.A. (ed.) (2022) *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i administrativnogo protsessa* [Topical problems of administrative law and administrative process]. Moscow: Prospekt.
19. Atamanchuk, G.V. (2010) *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* [Theory of Public Administration]. Moscow: Omega.
20. Anisiforova, M.V. (2023) Stimulation in the System of Functions of Administrative Law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 11. pp. 156–164. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.111.11.156-164
21. Vasiliev, A.V. (2020) Obespechenie gosudarstvennogo suvereniteta kak funktsiya gosudarstva [Ensuring state sovereignty as a function of the state]. *Pravo, ekonomika i upravlenie* [Law, Economics, and Management]. Proc. of the Conference. Cheboksary.
22. Senin, I.N. & Filina, N.V. (2022) Political functions of the state. *Obrazovanie i pravo*. 3. pp. 69–72. (In Russian). DOI: 10.24412/2076-1503-2022-3-69-72
23. Shchepalov, S.V. (2008) *Teoriya gosudarstva i prava: konspekt lektsiy* [Theory of State and Law: Lecture Notes]. Petrozavodsk: [s.n.].
24. Starilov, Yu.N. (1998) *Administrativnoe pravo: v 2 ch.* [Administrative Law: in 2 vols]. Vol. 1. Voronezh: Voronezh State University.
25. Stacey, J. (2018) *The Constitution of the Environmental Emergency*. Portland, Oregon: McGill University.
26. Shmidt, T.N. (2017) Chrezvychaynoe pravovoe regulirovanie kak samostoyatel'nyy vid pravovogo regulirovaniya: k postanovke problemy [Emergency legal regulation as an independent type of legal regulation: Towards the formulation of the problem]. *Altayskiy vestnik gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby*. 15. pp. 47–53.
27. Serkov, P.P. & Solovey, Yu.P. (2022) Administrativnoe usmotrenie: voprosy i otvety (chast' 1) [Administrative discretion: questions and answers (Part 1)]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. 19(4). pp. 374–383.
28. Zokirov, T.Z. (2024) Rol' administrativnogo usmotreniya v dorevolutsionnoy Rossii kak predposylki vzniknoveniya printsipa federalizma v pravovom regulirovaniy administrativnoy otvetstvennosti [The role of administrative discretion in pre-revolutionary Russia as a prerequisite for the emergence of the principle of federalism in the legal regulation of administrative responsibility]. *Pravovoe obespechenie suvereniteta Rossii: problemy i perspektivy* [Legal Support of the Sovereignty of Russia: Problems and Prospects]. Proc. of the 24th Conference. Moscow.
29. Starostin, S.A. (ed.) (2022) *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i administrativnogo protsessa* [Topical Problems of Administrative Law and Administrative Process]. Moscow: Prospekt.
30. Russian Federation. (2022) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii, prinyataya vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g., s izmeneniyami, odobrennymi v khode*

obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g. [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. Moscow: [s.n.].

31. Starostin, S.A. (2022) *Chrezvychaynye administrativno-pravovye rezhimy* [Emergency administrative and legal regimes]. Moscow: Prospekt.

32. Russian Federation. (2001) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 30 maya 2001 g. № 3-FKZ "O chrezvychaynom polozhenii" [Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of May 30, 2001, "On the State of Emergency"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 23. Art. 2277.

33. Russian Federation. (2002) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 30 yanvarya 2002 g. № 1-FKZ "O voennom polozhenii" [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of January 30, 2002, "On Martial Law"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 5. Art. 375.

34. Russian Federation. (1995) Federal'nyy zakon ot 3 aprelya 1995 g. № 40-FZ "O federal'noy sluzhbe bezopasnosti" [Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995, "On the Federal Security Service"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 15. Art. 1269.

35. Agamben, J. (2011) *Homo Sacer. Chrezvychaynoe polozhenie* [Homo Sacer. State of Emergency]. Translated from English. Moscow: Evropa.

36. Lebed, S.V. (2003) *Mezhdunarodno-pravovye osnovy obespecheniya prav cheloveka v usloviyakh chrezvychaynogo polozheniya* [International Legal Foundations for Ensuring Human Rights in a State of Emergency]. Law Cand. Diss. Moscow.

37. Korenev, A.P. (1978) *Normy administrativnogo prava i ikh primenenie* [Norms of Administrative Law and Their Application]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

38. Dubovitskiy, V.N. (1984) *Zakonnost' i usmotrenie v sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [Legality and Discretion in Soviet Public Administration]. Minsk: Nauka i tekhnika.

39. Franklin, B. (1963) Pennsylvania Assembly: Reply to the Governor, 11 November 1755. In: Labaree, L.W. (1963) *The Papers of Benjamin Franklin*. Vol. 6. New Haven.

40. Nikitin, A.A. (2012) *Usmotrenie v prave i ego priznaki* [Discretion in law and its features]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 6(89). pp. 34–41.

Информация об авторах:

Ведяшкин С.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, административного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergved@rambler.ru

Зайцев Д.И. – ассистент кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: zaytsew93@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vedyashkin S.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergved@rambler.ru

Zaytsev D.I., Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow, Russian Federation). E-mail: zaytsew93@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 11.02.2024;
approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 343.137.9
doi: 10.17223/22253513/53/3

Защита чести и достоинства судьи при осуществлении в отношении него уголовного судопроизводства

**Александр Юрьевич Епихин^{1, 2}, Сергей Владимирович Тасаков³,
Екатерина Павловна Гришина⁴**

¹ *Казанский федеральный университет, Казань, Россия*

² *Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Казань, Россия*

³ *Чувашский государственный университет им. Н.И. Ульянова, Чебоксары, Россия*

⁴ *Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия*

^{1, 2} *doc@epihin.ru*

³ *tasakov@mail.ru*

⁴ *Grishina.K.ru@yandex.ru*

Аннотация. На основе данных судебной практики, научных исследований анализируются проблемы защиты чести и достоинства судьи при осуществлении в отношении него уголовного преследования в контексте баланса частных и публичных интересов. Обращается внимание на недопустимость умаления престижа профессии судьи. Отмечается, что не следует истолковывать случаи вынесения обвинительных приговоров в отношении конкретных судей как дискредитирующие весь судейский корпус России; уголовное преследование судьи не должно ставить под сомнение его деловую репутацию до вынесения обвинительного приговора.

Ключевые слова: суд, судебная власть, деловая репутация, честь, достоинство, уголовное преследование, независимость, неприкосновенность

Для цитирования: Епихин А.Ю., Тасаков С.В., Гришина Е.П. Защита чести и достоинства судьи при осуществлении в отношении него уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 35–44. doi: 10.17223/22253513/53/3

Original article
doi: 10.17223/22253513/53/3

Protection of honour and dignity of a judge in criminal proceedings against him or her

Alexander Yu. Epikhin^{1, 2}, Sergey V. Tasakov³, Ekaterina P. Grishina⁴

¹ *Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation*

² *Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation*

³ *Chuvash State University named after N.I. Ulyanov, Cheboksary, Russian Federation*

⁴ *Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation*

^{1, 2} doc@epihin.ru

³ tasakov@mail.ru

⁴ Grishina.K.ru@yandex.ru

Abstract. Criminal proceedings against judges is a serious problem that has not only a complex legal, but also ethical and applied nature, because the public importance of criminal proceedings, involving the use of coercive measures, deprivation of immunity, significantly affects the special procedural status of judges, and criminal prosecution reduces public confidence in the judiciary. Due to these circumstances, the purpose of this article is to find ways to achieve a balance of public principles and private interests.

The solution of the problem identified in the article was carried out on the basis of official data of published judicial practice, including - on the resources of information and telecommunication network 'Internet', as well as on the analysis of scientific research of domestic scientists.

The use of methods of scientific analysis, generalization, comparison and legal modeling allowed the authors to gradually explore and propose a solution with scientific and practical significance to the following problematic issues related to the criminal prosecution of judges: a) restoration of the rights and protection of the honor, dignity and business reputation of judges illegally prosecuted; b) protection of honor and dignity, as well as ensuring the safety of judges against whom a guilty verdict has entered into force, c) activation of the activities of the state and bodies of the judicial community to strengthen and practically implement guarantees of the independence of judicial bodies, respect and compliance with its constituent requirements, as well as maintaining organizational and legal guarantees of the independence of judges, exceptions illegal influence on them when making decisions, including from the position of judicial discretion; d) identification and analysis of the reasons for the illegal criminal prosecution of judges, as well as the proposal of ways to eliminate such situations.

The authors come to the following conclusions: 1) cases of convictions against specific judges should not be broadly interpreted as discrediting the entire judicial corps of Russia; 2) criminal prosecution of a judge should not justify any actions aimed at humiliating the honor and dignity of a judge, as well as questioning his business reputation (especially in the media and before sentencing) such actions should be suppressed, and those responsible for their commission should be brought to justice; 3) it is unacceptable to diminish the authority and importance of justice, the prestige of the judicial profession, and a decrease in the level of trust.

Keywords: court, judiciary, business reputation, honour, dignity, criminal prosecution, independence, inviolability

For citation: Epikhin, A.Yu., Tasakov, S.V. & Grishina, E.P. (2024) Protection of honour and dignity of a judge in criminal proceedings against him or her. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 35–44. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/3

Правосудие, осуществляемое судьей, имеет важное значение для общества, государства, личности. Осуществлять правосудие могут только особые должностные лица, наделенные специальными полномочиями, которым гарантирована независимость их деятельности и вынесения решений. Наличие гарантий независимости судей является требованием справедливого судебного разбирательства.

Существующая на сегодняшний день законодательная модель независимости судей не замыкается «на самой себе», поскольку связана с необходимостью решения ряда проблем юридического и этического характера, вызываемых проблемами судейской ответственности.

Следует согласиться с Н.В. Романенко, отмечающим ряд важных аспектов уголовного преследования судей во взаимосвязи с их независимостью, в числе которых «(1) признание функции по отправлению правосудия в качестве основной исключительной конституционной функции уголовно преследуемого судьи; (2) запрет отмены или умаления самостоятельности судов и независимости судей, причинения ущерба репутации судей, оказания давления на них путем уголовного преследования за их профессиональную деятельность; (3) повышенный уровень уголовно-правовой охраны судей как носителей судебной власти; (4) обеспечение независимости уголовно преследуемого судьи; (5) недопущение умаления авторитета правосудия, обеспечение укрепления престижа должности судьи, повышения уровня доверия населения к судебной власти даже в условиях уголовного преследования ее представителей» [1. С. 54–55].

В Российской Федерации независимость судей закреплена на конституционном уровне (ст. 120 Конституции РФ), что свидетельствует об особом внимании государства к статусу судей, призванному способствовать обеспечению законности и правопорядка в стране. Достойным продолжением конституционного предписания является норма Кодекса судейской этики о признании независимости судебной власти (ч. 1 ст. 8).

Весомой гарантией независимости судей является их неприкосновенность.

Неприкосновенность обеспечивается, в том числе, особой процедурой возбуждения уголовного дела и уголовного преследования. На основании ч. 3 ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) решение по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу принимается «в отношении судьи Конституционного Суда РФ – Председателем Следственного комитета РФ (далее – СК РФ) с согласия Конституционного Суда РФ; в отношении судьи иного суда и мирового судьи – Председателем СК РФ с согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ», которая вправе принять решение о приостановлении полномочий судей («Положением о порядке работы квалификационной коллегии судей» от 22 марта 2007 г. (ч. 2 ст. 26)) [2]. При этом подача обращения о приостановлении полномочий судьи в ВККС РФ является правом, а не обязанностью должностных лиц, в частности председателя СК РФ. Подобная процедура установлена в п. 2 ч. 1 ст. 447, п. 3 и 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

В 2023 г. Высшая квалификационная коллегия судей (далее – ВККС) дала согласие на возбуждение уголовных дел в отношении 22 судей¹.

¹ ВККС опубликовала итоги 2023 г. URL: <https://pravo.ru/news/250876>

Закон «О статусе судей в Российской Федерации» регламентирует порядок при изменении квалификации состава преступления в ходе расследования уголовного дела, в результате чего возможно ухудшение положения судьи. В таком случае действуют те же правила, что и при возбуждении уголовного дела (ч. 3 ст. 16).

Имеется особенность и в процедуре задержания лица, обладающего статусом судьи (ст. 91 УПК РФ).

Закон «О статусе судей в Российской Федерации» запрещает личный допрос судьи. Исключение составляют случаи необходимости обеспечения безопасности других людей и только в случаях, предусмотренных федеральным законодательством (п. 2 ч. 5 ст. 16).

Особенности процедуры уголовного преследования судей, с одной стороны, обусловлены проявлением частного (личность судьи) и публичного (интересы правосудия) начал [2. С. 350–361], необходимостью создания препятствий для их необоснованного преследования, в том числе за вынесенное решение, с другой стороны – важностью соблюдения положения о неотвратимости ответственности каждого, независимо от его занимаемого должностного положения, за совершение преступления. Однако следует отметить и общественную значимость последствий совершения лицами, наделенными судебскими полномочиями, преступлений. Уголовное преследование судей, с одной стороны, подрывает авторитет судебной власти и доверие к ней граждан, с другой – оно затрагивает честь, достоинство и доброе имя судьи, в отношении которого инициируется такое производство.

Можно классифицировать случаи вынесения судьям приговоров как связанные с профессиональной деятельностью (в широком значении), так и не связанные с таковой.

При этом первый вариант предполагает уголовное преследование и привлечение к уголовной ответственности:

- за совершение лицом, обладающим статусом судьи, преступлений с использованием своего должностного положения;
- как средство определенного воздействия на судью или его «наказания» за принципиальную профессиональную позицию.

Второй вариант – за совершение вне судебной деятельности общеуголовных противоправных общественно опасных деяний.

Первая ситуация, в силу общественной значимости, должна находиться не только в фокусе внимания правоохранительных органов, но и судебного сообщества, а также и общества, его институтов.

Примеры тому не единичны. Так, 15 марта 2021 г. Мытищинским городским судом вынесен обвинительный приговор бывшему судье Кузьминского суда г. Москвы Р. Якубаеву, приговоренному к лишению свободы сроком на 4,5 года с отбыванием наказания в колонии строго режима за получение взятки в 500 000 руб. [3], а 26 августа 2023 г. Московский областной суд приговорил судью С. Котова к 9 годам колонии строго режима и штрафу в 26 млн руб. по делу о взятке в 13 млн руб. [4].

Является важным, чтобы независимость судей не перерастала в злоупотребление полномочиями. Поэтому, давая правовую оценку гарантиям независимости, Конституционный Суд РФ указал, что неприкосновенность судей не означает освобождения от уголовной ответственности [5].

Как следствие, сама процедура уголовного преследования не должна, так или иначе, препятствовать привлечению лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, но и должна не допускать случаи привлечения к ответственности с иной целью, что особенно важно для лиц, обладающих статусом судьи. В частности, одной из проблем, с которой сталкиваются следователи на практике при расследовании уголовных дел, создающей препятствия для расследования и привлечения к ответственности, – это отсутствие в законе процессуальных сроков на принятие решения о даче согласия на возбуждение уголовного дела и правовая неопределенность в этом вопросе. Не решает вопрос и наличие нормы, содержащейся в законе «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», предусматривающей, что решения квалификационных коллегий судей вступают в силу немедленно, в силу возможности обжаловать это решение. Как отмечается Н.В. Романенко, в этих случаях следственные органы, понимая возможность отмены решения, ждут, когда судья исчерпает все процессуальные возможности обжалования решения квалификационной коллегии судей о даче согласия на возбуждение уголовного дела [6. С. 83–84].

Как препятствие, отмечается отсутствие в законодательстве четких критериев рассмотрения квалификационными коллегиями судей, в том числе и ВККС РФ, данных категорий дел и, как следствие, неоднократное рассмотрение обращений и принятие противоречащих решений [6. С. 84].

Важным является контроль со стороны судейского сообщества на всех этапах уголовного преследования лиц, обладающих статусом судьи, а также общественный контроль в силу того, что уголовное преследование судей способствует созданию негативного имиджа не только ему самому, но и судебной системе в целом.

При этом, как представляется, не следует расширительно истолковывать случаи вынесения обвинительных приговоров в отношении конкретных судей как дискредитирующие весь судейский корпус России.

Между тем презумпция невиновности и законный интерес привлекаемого к уголовной ответственности, в силу не только частного, но и публичного интереса, требует, чтобы информация о задержании лица, обладающего статусом судьи, заключении его под стражу и любая иная до вынесения приговора, давалась бы для СМИ в корректной форме.

Ситуация может сложиться так, что сами правоохранительные органы в дальнейшем не усмотрят в деянии судьи признаков преступления, что означает отсутствие соответствующих оснований уголовного преследования.

Не следует игнорировать и такое обстоятельство, что вынесение судом решения, впоследствии отмененного вышестоящей судебной инстанцией, не всегда свидетельствует о реализации судьей преступного умысла. Осо-

бенно если вопрос об уголовном преследовании судьи, принявшего это решение, не возникает. В большинстве случаев – это возможный результат усталости судьи вследствие его загруженности, недостаточного уровня профессиональной подготовки, несовершенства применяемого в конкретном деле законодательства, а иногда и субъективной мотивации (судья – самостоятельная личность со своим внутренним духовным миром, а не машина правосудия, действующая на основе искусственного интеллекта, который, несмотря на существующую практику его внедрения в судебную деятельность, никогда не заменит собой человека, живого межличностного общения) [7. С. 77–85].

Уголовное преследование лиц, обладающих статусом судьи, не должно играть роль фактора, оправдывающего пренебрежение интересами отдельно взятой личности, принесения их в жертву государственным и (или) общественным интересам.

Следует также признать оправданным ограничение действий средств массовой информации, блогеров и иных граждан, которые могут при определенных обстоятельствах рассматриваться как злоупотребление правом с их стороны. Прежде всего, подобное ограничение (никоим образом не свидетельствующее об ограничении свободы массовой информации) должно коснуться самой информации до принятия соответствующего решения Конституционным Судом РФ или ВККС РФ. Особенно подобное ограничение должно действовать в отношении «медиатрибунала» или предварительной общественной квалификации деяния, совершенного судьей (некорректно и неэтично именовать его взяточником, убийцей, коррупционером, мошенником и т.п., особенно если принять во внимание действие принципа презумпции невиновности, закрепленного в ст. 49 Конституции РФ).

Что касается уголовного преследования с целью определенного воздействия на судью или его «наказания» за принципиальную профессиональную позицию, то здесь важным является наличие гарантий независимости судей, обеспечения его безопасности [8] в самой процедуре привлечения к уголовной ответственности.

Правовым средством защиты судьи от подобных действий является предписание ч. 2 ст. 16 Закона о статусе судей о недопустимости привлечения судьи, в том числе после прекращения его полномочий, к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Кроме того, не допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в случае, если соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей или с его участием, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный (ч. 8 ст. 448 УПК РФ).

В этих случаях задача борьбы с преступностью согласуется другими направлениями уголовно-процессуальной политики.

Как уже отмечалось, уголовное преследование возможно и за совершение судьей преступления, не связанного с его профессиональной деятельностью.

К примеру, ВККС РФ согласилась с возбуждением дела «в отношении М. Якуша, бывшего мирового судьи судебного участка № 1 Урупского судебного района Карачаево-Черкесии, выехавшего на автомобиле Toyota Land Cruiser Prado на встречную полосу на скорости 150 км/ч и столкнувшимся с легковым автомобилем Kia Rio. В результате происшествия водитель Kia Rio получил тяжелые травмы, а оба пассажира скончались [9].

В этой ситуации является важным контроль и со стороны судейского сообщества с целью недопущения злоупотребления полномочиями должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование. А вот что касается информирования населения о подобных фактах, то они должны быть ограничены, так как усиливают негативный имидж судебной системы в целом.

Неприкосновенность и независимость судей самым непосредственным образом связаны с обеспечением защиты чести и достоинства судьи. Уважение этих качеств в любой ситуации правового характера является действенным средством повышения эффективности правосудия, а также способствования формированию самосознания судей. Полагаем, что для подробного изложения вопроса о защите чести и достоинства судьи при производстве в отношении его уголовного преследования необходимо сопоставление понятий «честь» и «достоинство» как юридических и лингвистических категорий.

Честь и достоинство судьи – универсальные нравственно-этические и правовые категории, при этом право на защиту достоинства установлено Конституцией РФ (ст. 12). Честь – это внутреннее, данное самому себе право оценивать себя и свое существование в категориях самоуважения [10. С. 185]. Достоинство в словарных источниках определяется посредством олицетворения его с высокими моральными качествами [11]. Связанной с честью и достоинством категорией выступает деловая репутация судьи – нематериальное благо, отражающее его профессиональные, деловые качества.

На основе перечисленных личностных установок судья предстает как профессионал значимых нравственных качеств [12. С. 38–41]. Поэтому исключительная редкость случаев уголовного преследования судей (0,5% от общего количества судей в России) не может рассматриваться как «нечто неестественное» [1. С. 71–72]. Честь и достоинство судьи должны быть непреложным объектом правовой защиты при совершении процессуальных действий, а также критерием их особого порядка. В частности, в силу ст. 449 УПК РФ, «судья, задержанный по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, за исключением случаев задержания на месте преступления, должен быть освобожден немедленно после установления личности». Даже при первом приближении усматривается очевидная коллизия правовых предписаний ст. 449 УПК РФ и ч. 5 ст. 16 Закона о статусе судей.

В процессуально-правовом и фактическом смысле задержание представляет собой существенное ограничение ряда конституционных прав и свобод:

право на неприкосновенность личности, свободу передвижения, а также влечет за собой дискомфорт, вызванный нахождением в изоляторе временного содержания, возможные нравственные страдания и переживания.

Защита чести, достоинства и деловой репутации судьи реализуется в течение всей процедуры рассмотрения материалов Конституционным Судом РФ либо ВККС РФ, что является абсолютно верным. Так, ВККС РФ дала Следственному комитету РФ согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи, находящегося семь лет в отставке, который с этим решением не согласился и обратился в Верховный Суд РФ, было принято решение отказать в удовлетворении жалобы бывшего судьи [13]. Аналогичная ситуация отражена в решении Верховного Суда РФ, который отказал в иске об отмене решения ВККС РФ о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении мирового судьи [14].

Между тем полагаем важным наличие еще одной гарантии. Следует дополнить содержание ст. 297 УК РФ ч. 3 в следующей редакции: «3. Деяние, выразившееся в оскорблении судьи, связанное с обвинением его в совершении преступления, содержащееся в средствах массовой информации либо совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”».

В заключение отметим, что уголовное судопроизводство в отношении лиц, обладающих статусом судьи, представляет собой серьезную проблему, обладающую не только сложной правовой, но и этической, а также прикладной природой. Современное отечественное уголовное судопроизводство в отношении судьи является сегментом уголовного-процессуального права, нуждающимся в концептуальной и правовой доработке, в том числе в контексте обеспечения права судьи на защиту чести и достоинства в связи с уголовным преследованием.

Список источников

1. Романенко Н.В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 54–55.
2. Зайцев О.А., Абшилава Г.В. Конвергенция частного и публичного и ее проявление в уголовном судопроизводстве // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. 2015. С. 350–361.
3. Сергеев Н. Взял немного, но сел основательно // Сайт газеты «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4729695>
4. Солопов М. Судью приговорили по делу о взятке за содействие фигурантам дела о наркоторговле // ЭГ «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/28/992308-mosobljud>
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.04.1996. № 14. Ст. 1549.
6. Романенко Н.В. Проблемные вопросы получения согласия в квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела в отношении судьи // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2 (20). С. 82–87.

7. Тасаков С.В., Гришина Е.П. Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам // Вестник Казанского юридического университета МВД России. 2022. Т. 13, № 4. С. 77–85.
8. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар : Полиграф-сервис, 2000. 165 с.
9. Вараксин М. ВККС разрешила преследование судьи за ДТП на встрече // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/229232/?ysclid=lr9fx7bv6r768462418>
10. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Сергиев Посад, 1994. С. 185.
11. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/52042?ysclid=lr9mlwwf55154152661>
12. Балашов А.Н., Батурина Н.А. Судебная ошибка: в центре внимания – субъективный фактор // Российский судья. 2010. № 1. С. 38–41.
13. ВС не против дела в отношении бывшего судьи. URL: <https://www.law.ru/news/25533-vs-ne-protiv-dela-v-otnoshenii-byvshego-sudi?ysclid=lr9p84v9ow8352876>
14. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № АПЛ23-306 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был. (дата обращения: 04.06.2024).

References

1. Romanenko, N.V. (2022) *Kontseptsiya sovershenstvovaniya osobogo poryadka ugovnogo proizvodstva v otnoshenii sudey v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of improving the special procedure for criminal proceedings against judges in the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg. pp. 54–55.
2. Zaytsev, O.A. & Abshilava, G.V. (2015) *Konvergentsiya chastnogo i publicnogo i ee proyavlenie v ugovnom sudoproizvodstve* [Convergence of the private and the public and its manifestation in criminal proceedings]. In: Golubtsov, V.G. & Kuznetsova, O.A. (eds) *Pyatyy Permskiy kongress uchenykh-yuristov. Izbrannye materialy* [The Fifth Perm Congress of Legal Scholars. Selected Materials]. Moscow: Statut. pp. 350–361.
3. Sergeev, N. (n.d.) *Vzyl nemnogo, no sel osnovatel'no* [Pilfering, but long sentence]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4729695>
4. Solopov, M. (2023) *Sud'yu prigovorili po delu o vzyatke za sodeystvie figurantam dela o narkotorgovle* [Judge sentenced in case of bribery for assisting defendants in drug trafficking case]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/28/992308-mosoblsud>
5. Russian Federation. (1996) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 07.03.1996 № 6-P Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 3 stat'i 16 Zakona Rossiyskoy Federatsii "O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhalobami grazhdan R.I. Mukhametshina i A.V. Barbasha* [Resolution No. 6-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 7, 1996, On verifying the constitutionality of Paragraph 3 of Article 16 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" in connection with the complaints of citizens R.I. Mukhametshin and A.V. Barbash]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 1549.
6. Romanenko, N.V. (2018) *Problemnnye voprosy polucheniya soglasiya v kvalifikatsionnoy kollegii sudey na vzbuzhdenie ugovnogo dela v otnoshenii sud'i* [Problems of obtaining consent in the qualification board of judges to initiate a criminal case against a judge]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*. 2(20). pp. 82–87.
7. Tasakov, S.V. & Grishina, E.P. (2022) *Tsifrovye tekhnologii v sfere pravosudiya po ugovnym delam* [Digital technologies in the field of justice in criminal cases]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii*. 13(4). pp. 77–85.
8. Epikhin, A.Yu. (2000) *Kontseptsiya bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [The concept of personal security in criminal proceedings]. Syktvykar: Poligraf-servis.

9. Varaksin, M. (n.d.) *VKKS razreshila presледovanie sud'i za DTP na vstrechke* [The High Qualification Commission of Judges allowed the prosecution of a judge for an accident in the oncoming lane]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/story/229232/?ysclid=lr9fx7bv6r768462418>
10. Archimandrite Platon. (1994) *Pravoslavnoe npravstvennoe bogoslovie* [Orthodox Moral Theology]. Sergiev Posad: [s.n.]. p. 185.
11. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (n.d.) *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/52042?ysclid=lr9mlwwf55154152661>
12. Balashov, A.N. & Baturina, N.A. (2010) *Sudebnaya oshibka: v tsentre vnimaniya – sub"ektivnyy faktor* [Judicial error: Focus on the subjective factor]. *Rossiyskiy sud'ya*. 1. pp. 38–41.
13. Law.ru. (2020) *VS ne protiv dela v otnoshenii byvshego sud'i* [The Supreme Court is not against the case against the former judge]. [Online] Available from: <https://www.law.ru/news/25533-vs-ne-protiv-dela-v-otnoshenii-byvshego-sudi?ysclid=lr9p84v9ow8352876>
14. The Supreme Court of the Russian Federation. (2023) *Apellyatsionnoe opredelenie Apellyatsionnoy kollegii Verkhovnogo Suda RF ot 05.09.2023 N APL23-306* [Appellate ruling N APL23-306 of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 5, 2023]. [Online] Available from: SPS “KonsultantPlyus.” (Accessed: 4th June 2024).

Информация об авторах:

Епихин А.Ю. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского федерального университета (Казань, Россия); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (Казань, Россия). E-mail: doc@epihin.ru

Тасаков С.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. Н.И. Ульянова (Чебоксары, Россия). E-mail: tasakov@mail.ru

Гришина Е.П. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: Grishina.K.ru@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Epikhin A.Yu., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russian Federation) E-mail: doc@epihin.ru

Tasakov S.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of Chuvash State University named after N.I. Ulyanov (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: tasakov@mail.ru

Grishina E.P., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: Grishina.K.ru@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 23.05.2024;
approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 342.9

doi: 10.17223/22253513/53/4

Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета в Соединенных Штатах Америки и Федеративной Республике Германия

Сергей Михайлович Зубарев¹, Евгений Вячеславович Косырев²,
Мария Сергеевна Крылова³

*^{1, 2, 3} Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия*

¹ smzubarev@msal.ru

² evkosyrev@msal.ru

³ marie_kr@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности публично-правового обеспечения государственного суверенитета в таких «недружественных» России государствах, как Соединенные Штаты Америки и Федеративная Республика Германия. Проанализированы теоретико-правовые основы государственного суверенитета в США, а также его публично-правовое обеспечение на примере федерального законодательства о лоббизме и об иностранном влиянии. Применительно к Германии рассматриваются конституционные основы обеспечения государственного суверенитета, а также положения отдельных нормативных правовых актов в области противодействия иностранному влиянию.

Ключевые слова: публично-правовое обеспечение, государственный суверенитет, США, ФРГ, лоббизм, иностранное влияние

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

Для цитирования: Зубарев С.М., Косырев Е.В., Крылова М.С. Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета в Соединенных Штатах Америки и Федеративной Республике Германия // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 44–64. doi: 10.17223/22253513/53/4

Original article

doi: 10.17223/22253513/53/4

Public law enforcement of State sovereignty in the United States of America and the Federal Republic of Germany

Sergey M. Zubarev¹, Evgeniy V. Kosyrev²,
Maria S. Krylova³

^{1, 2, 3} *Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russian Federation*

¹ *smzubarev@msal.ru*

² *evkosyrev@msal.ru*

³ *marie_kr@mail.ru*

Abstract. The sharp aggravation of the international situation in recent years has acutely raised the question of the essence and content of state sovereignty of individual countries. The analysis of foreign experience of public-law provision of state sovereignty on the example of such 'unfriendly' states as the United States of America (hereinafter - the USA) and the Federal Republic of Germany (hereinafter also FRG, Germany) has not only cognitive, but also applied value for the improvement of public-law provision of state sovereignty of the Russian Federation.

The emergence of the USA as a sovereign state took place in the struggle for independence from Great Britain. The colonial past and opposition to the traditional view of sovereignty as the absolute, unrestricted power of the monarch led to the US adherence to the concept of popular sovereignty, according to which the source of all power is the people. This provision is clearly enshrined in the preamble to the US Constitution, which establishes a system of dualistic federalism, stipulating that not only the federal government, but also the governments of each state within its competence have sovereign powers (granted by the people).

The Foreign Agents Registration Act, passed as early as 1938, and the Lobbying Disclosure Act of 1995 play an important role in the public law enforcement of US state sovereignty. These laws contain strict requirements for registration of lobbyists and foreign agents, disclosure of information and general transparency of their activities. Legislation on lobbying and agents of foreign influence also exists at the state level. The requirements for lobbying and foreign agents vary from state to state in terms of their strictness and elaboration, differing significantly from federal legislation, but still strengthening the latter and contributing to the state sovereignty of the United States as a whole.

German sovereignty is a consequence of the country's difficult history, which lost it as a result of defeat in World War II and had to rebuild it while in the midst of the Cold War and then as part of the unification process. Membership in NATO and later in the European Union, on the one hand, gave the FRG the opportunity to rise to the same level as other European countries and to get most of its sovereign rights back, on the other hand, it led to a limitation of sovereignty. The public-law provision of German state sovereignty is based on the provisions of the supreme legislative act of the country.

According to the Constitution of the Federal Republic of Germany, while participating in the development of the European Union, Germany can, by means of a law approved by the Bundestag, transfer sovereign rights not only to the European Union but also to intergovernmental institutions. In addition, the exercise of sovereign state

powers falling within the competence of the Länder may be transferred by them, with the consent of the Federal Government, to border agencies of neighbouring states.

Unlike the USA, counteraction to foreign influence in the Federal Republic of Germany does not have a developed legislative basis. At the normative level, there is no concept of a 'foreign agent' and no single act regulating the activities of collective and individual entities that receive funding or other support from abroad. A single normative legal act regulating lobbying activities, the German Lobbyists' Register Act, was adopted only in 2021, and it applies only to the representation of interests in the German Bundestag and in the Federal Government.

Keywords: public law enforcement, state sovereignty, USA, FRG, lobbyism, foreign influence

Financing: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00764.

For citation: Zubarev, S.M., Kosyrev, E.V. & Krylova, M.S. (2024) Public law enforcement of State sovereignty in the United States of America and the Federal Republic of Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 45–65. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/4

Резкое обострение международной обстановки в последние годы остро поставило вопрос о сущности и содержании государственного суверенитета отдельных стран. В этой связи интерес представляет изучение подобного опыта как дружественных, так и недружественных России стран. Действующий перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия¹ (далее – «недружественные» государства), состоит в основном из стран, относящихся к так называемому Западному миру. Анализ зарубежного опыта публично-правового обеспечения государственного суверенитета на примере таких «недружественных» государств, как Соединенные Штаты Америки (США) и Федеративная Республика Германия (далее также ФРГ, Германия, Федерация) имеет не только познавательное, но и прикладное значение для совершенствования публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации.

Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета в Соединенных Штатах Америки

Несмотря на широкое распространение концепции государственного суверенитета в мировой юридической науке, в каждом отдельном государстве может быть обнаружено превалирование определенных доктринальных подходов к пониманию суверенитета. Зачастую на это влияют различные

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

факторы, определяющие в своей совокупности индивидуальные характеристики конкретного государства. Так, в Соединенных Штатах Америки наибольшее влияние на развитие и современное состояние концепции государственного суверенитета оказали особенности исторического развития, федеративное территориальное устройство, значение судебного прецедента, обусловленное принадлежностью к англосаксонской правовой семье.

Становление США как суверенного государства происходило в борьбе за независимость от Великобритании. Колониальное прошлое и противостояние традиционному в то время взгляду на понятие суверенитета как абсолютной, ничем не ограниченной власти монарха обусловили приверженность США концепции народного суверенитета, согласно которой источником всей власти является народ. Данное положение нашло четкое закрепление в преамбуле Конституции США.

Вопреки тому, что многие ученые называют народный суверенитет фикцией, обосновывающей легитимность существующей власти [1. Р. 115–132; 2. Р. 1877; 3. Р. 2653; 4. Р. 204; 5], данная идея серьезно повлияла на американскую доктрину государственного суверенитета. Так, согласно ученому-конституционалисту Х.Э. Уиллису, «само существование концепции суверенитета зависит от подхода к его определению: суверенитет в значении абсолютной, неконтролируемой, деспотической власти или неделимой и неограниченной власти, равно как и власти принуждать к послушанию, – не существует» [6. Р. 451].

У.Р. Хан выделяет семь фундаментальных конституционно-правовых принципов американской концепции народного суверенитета, к которым он относит: «верховенство права, ограничение публичной власти, неотчуждаемые права человека, равные политические права, отделение церкви от государства, власть федеральных государственных органов над штатами, национальную независимость и ограниченный авторитет международного права» [7. Р. 292]. Связующим звеном данных принципов является утверждение о том, что сувереном в США выступает именно народ, а не федеральные органы власти, не штаты, не международные организации и не Бог.

При этом каждый человек суверенен в значении обладания неотчуждаемыми правами, которые органы публичной власти обязаны уважать. Также каждый американец обладает политическими правами и может участвовать в управлении государством, являясь суверенным актором в политической жизни общества. Народ выражает свою волю посредством права, в первую очередь через высший закон страны – Конституцию США. Через принятие Конституции народом США были созданы органы публичной власти, разделенные на разные ветви и уровни, были установлены пределы их власти. Ни один штат не имеет права аннулировать какой-либо федеральный закон или выйти из Союза. Кроме того, американский народ суверенен и независим как единое целое и не подчиняется никаким иностранным законам или власти. Политические представители американского народа имеют право отменять международные договоры и другие формы международного права [7. Р. 293].

На протяжении времени каждый из этих принципов развивался, что привело к глубоким изменениям в толковании Конституции США. Решающую роль в этом процессе сыграли решения Верховного суда США. За время его существования получило развитие множество доктрин, связанных с конституционно-правовым пониманием суверенитета: доктрина равного суверенитета¹ и «антикомандная» доктрина² (обе доктрины основываются на Десятой поправке к Конституции США³); доктрина суверенного иммунитета [8]⁴ (Одиннадцатая поправка к Конституции США⁵), доктрина двойного суверенитета⁶ (возникла при толковании Пятой поправки к Конституции США⁷) и др.

В целом данные концептуальные идеи иллюстрируют существующую в США «систему дуалистического федерализма, основанную на жестком разграничении предметов ведения между Союзом и штатами» [9. С. 116], при которой суверенными полномочиями (предоставленными народом) в рамках своей компетенции обладают не только федеральные органы власти, но и органы власти каждого штата в отдельности.

Так, по мнению Верховного суда США, сущность доктрины равного суверенитета состоит в ограничении полномочий Конгресса на том основании, что Соединенные Штаты были и остаются союзом штатов, имеющих равную власть, достоинство и полномочия⁸. При этом «антикомандная» доктрина обосновывает недопустимость вмешательства федеральных органов государственной власти в деятельность штатов, например, путем принуждения к изданию актов, направленных на реализацию и исполнение федеральных регуляторных программ⁹.

¹ См.: *Nw. Austin Mun. Util. Dist. No. One v. Holder*, 557 U.S. 193, 2009; *Shelby Cnty. v. Holder*, 570 U.S. 529, 2013.

² См.: *New York v. United States*, 505 U.S. 144, 1992; *Printz v. United States*, 521 U.S. 898, 1997; *Murphy v. National Collegiate Athletic Association*, 584 U.S., 2018.

³ The Tenth Amendment (Amendment X) to the United States Constitution // Library of Congress. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-10/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ См.: *Ex parte Young*, 209 U.S. 123, 1908; *Edelman v. Jordan*, 415 U.S. 651, 1974. См. подробнее о суверенном иммунитете: CRS Report. *Federalism-Based Limitations on Congressional Power: An Overview*. R45323, 2023. P. 31–38.

⁵ The Eleventh Amendment (Amendment XI) to the United States Constitution // Library of Congress. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-11/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁶ См.: *Abbate v. United States*, 359 U.S. 187, 1959; *Bartkus v. Illinois*, 359 U.S. 121, 1959; *Puerto Rico v. Valle*, 579 U.S., 2016; *Gamble v. United States*, 587 U.S., 2019; *Denezpi v. United States*, 596 U.S., 2022.

⁷ The Fifth Amendment (Amendment V) to the United States Constitution // Library of Congress. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-5/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ См.: *Nw. Austin Mun. Util. Dist. No. One v. Holder*, 557 U.S. 193, 2009; *Shelby Cnty. v. Holder*, 570 U.S. 529, 2013; *Coyle v. Smith*, 221 U.S. 559, 1911.

⁹ См. подробнее об «антикомандной» доктрине: CRS Report. *The Supreme Court Bets Against Commandeering: Murphy v. NCAA, Sports Gambling, and Federalism*. LSB10133,

Многоуровневая организация государственного аппарата США в первую очередь требует от теории суверенитета объяснения распределения власти внутри и между различными сегментами общества [7. Р. 295]. В США действует гибридный (централизованно-децентрализованный) политико-правовой механизм, который в американской юридической доктрине и парламентской практике обозначается выражением «двойной режим» и означает одновременное регулирование одних и тех же видов общественных отношений со сторон и центральных (федеральных) властей, и властей субъектов федерации (штатов). Хотя штаты учитывают в своей деятельности федеральное законодательство, при двойном режиме оно не направлено напрямую на унификацию или гармонизацию законодательства штатов [10. С. 187–190].

Двойной режим применяется в различных областях правового регулирования, например, «из-за двойного федерально-штатного регулирования каждая операция с ценными бумагами подчиняется как минимум двум регуляторным схемам: федеральному праву и праву одного из штатов, а фирмы, торгующие ценными бумагами в национальных масштабах, потенциально подчиняются регулированию в каждом штате» [11. Р. 33]. Одним из преимуществ применения данного режима является обеспечение усиленной защиты инвесторов, что повышает надежность американского рынка капитала и способствует привлечению инвестиционных ресурсов. В целом, приверженность двойному режиму обусловлена сущностью американского федерализма, основанного на политико-правовой конкуренции между различными уровнями публичной власти США, включающей как вертикальную конкуренцию (федерация – штаты), так и горизонтальную (штат – штат) [10. С. 212–226].

Немаловажным фактором является столкновение доктрин о суверенитете с теорией прав человека. Например, пересечение доктрины двойного суверенитета с запретом повторного уголовного преследования за одно и то же преступление, установленного Пятой поправкой к Конституции США и общепринятым правовым принципом *ne bis in idem* (никто не подлежит ответственности дважды за одно и то же деяние). Рассматриваемая доктрина, основываясь на том, что Пятая поправка действует только на федеральном уровне, делает законным вынесение федеральным судом (или судом другого штата) решения об осуждении лица, в отношении которого ранее уже был вынесен обвинительный приговор в суде штата за совершение тех же преступных действий (бездействия).

Верховный суд США в своих решениях неоднократно отстаивал необходимость сохранения доктрины двойного суверенитета, обосновывая это существованием двух суверенитетов, черпающих власть из разных источников и способных решать одни и те же вопросы на одной и той же территории; каждый из них реализует свой суверенитет, руководствуясь собственными соображениями при определении того, что является преступлением¹.

2018; CRS Report. Immigration Enforcement & the AntiCommandeering Doctrine: Recent Litigation on State Information-Sharing Restrictions. LSB10386, 2020.

¹ См.: United States v. Lanza, 260 U.S. 377, 1922. P. 382.

«Там, где есть два суверена, есть два закона и два “преступления”»¹. Поэтому если государственные органы разных уровней власти (или разных штатов) имеют дублирующую юрисдикцию, то лицо может совершить преступное действие (бездействие), которое будет нарушать законы соответствующих «суверенов» одновременно.

Примечательно, что под действие доктрины двойного суверенитета подпадает дублирование юрисдикций с территориями индейских резерваций², но не с неинкорпорированными организованными территориями США, к которым относится, например, Содружество Пуэрто-Рико [12]. Согласно позиции Верховного суда США, это обусловлено разными источниками суверенных прав федеральной власти, власти штатов (первоначально независимых государств) и власти индейских резерваций. В то же время Пуэрто-Рико получил право принять собственную Конституцию от Конгресса США, чем объясняется производный характер его самоуправления³.

Значение прав человека находит отражение и в доктрине суверенного иммунитета, в рамках исследования которой К. Бретшнайдер и Д. Макнами пришли к выводу, что «необходимым условием демократической легитимности является то, что суверен должен уважать фундаментальные конституционные права граждан. И поэтому когда штат нарушает эти права, он больше не действует как демократический суверен и не пользуется иммунитетом от судебных исков» [8. Р. 1229].

Р.Э. Барнетт также связывает легитимность Конституции США с концепцией прав человека. Он последовательно критикует теории, основанные на «согласии управляемых» и довольно распространенные в научной литературе США, считая несостоятельными обоснования такого согласия (например, участие человека в голосовании, его постоянное проживание в США и др.) [1. Р. 118–122]. Используя в качестве ключевого элемента легитимности права человека, Р.Э. Барнетт выстраивает на данном фундаменте собственную теорию конституционной легитимности, основой которой является следующий тезис: «легитимная правовая система – это та, которая дает гарантии того, что ее предписания, ограничивающие свободу, необходимы для защиты прав других и не нарушают ненадлежащим образом права тех, кому они навязываются» [1. Р. 143]. Представляется, что подобный подход может быть использован в качестве основы публично-правового обеспечения государственного суверенитета.

Как отмечалось ранее, концепция народного суверенитета постулирует, что органы публичной власти были созданы народом. Следовательно, они в своей деятельности должны отражать волю народа, и только народ может оказывать влияние на принятие ими решений. Издание правовых актов, регулирующих оказание влияния на принятие решений органами публичной

¹ См.: *Gamble v. United States*, 587 U.S., 2019.

² См.: *Denezpi v. United States*, 596 U.S., 2022.

³ См.: *Puerto Rico v. Valle*, 579 U.S., 2016.

власти США является одним из основных направлений публично-правового обеспечения суверенитета в США.

К такому влиянию в первую очередь можно отнести лоббирование и, в целом, осуществление деятельности в интересах определенных лиц, в том числе иностранных. Основными федеральными законами США, регулирующими подобные отношения, являются Закон о раскрытии лоббистской деятельности 1995 г.¹ (и внесший в него поправки Закон о честном лидерстве и открытой власти 2007 г.²), а также Закон о регистрации иностранных агентов 1938 г.³ Разумеется, законодательство США, регулирующее оказание влияния на органы публичной власти США, не ограничивается данными законами и представляет собой обширный пласт правовых актов как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Тем не менее перечисленные акты выступают базисом федерального регулирования деятельности отечественных и иностранных «агентов влияния».

Применение указанных нормативных правовых актов не должно нарушать установленные Первой поправкой к Конституции США право народа мирно собираться и обращаться к органам государственной власти с петициями, а также свободой слова и печати⁴. Так, принятый в 1995 г. Закон о раскрытии лоббистской деятельности ужесточил существовавшие ранее требования к лоббистам, но вместе с тем сохранил баланс с правом обычных граждан обращаться с петициями к государственным органам⁵. Это было достигнуто не использованием запретов в отношении лоббистской деятельности, а смещением фокуса на необходимость регистрации лоббистов, раскрытия информации и повышения общей прозрачности их деятельности. Однако прослеживается довольно яркая тенденция к постепенному ужесточению соответствующих требований как в отношении американских лоббистов, так и иностранных агентов.

Данный закон включил отсутствовавшие ранее четкие определения понятий «лоббист», «лоббистская деятельность», «лоббистский контакт»⁶, а также требование о регистрации у секретаря Палаты представителей и секретаря Сената⁷. Кроме того, впервые должностные лица органов исполнительной власти (а не только законодательной, как было ранее) стали считаться объектом лоббирования⁸.

¹ S.1060. Lobbying Disclosure Act (LDA). 1995.

² H.R.2316. Honest Leadership and Open Government Act (HLOGA). 2007.

³ 22 U.S. Code § 611–621. Foreign Agents Registration Act (FARA). 1938.

⁴ The First Amendment (Amendment I) to the United States Constitution // Library of Congress. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-1/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ См.: CRS Report. The Lobbying Disclosure Act at 20: Analysis and Issues for Congress. R44292. 2015. P. 10–11.

⁶ 2 U.S. Code § 1602. Definitions.

⁷ См. подробнее: CRS Report. Lobbying Registration and Disclosure: The Role of the Clerk of the House and the Secretary of the Senate. RL34377. 2021.

⁸ 2 U.S. Code § 1602. Definitions.

В 2007 г. после крупного скандала с лоббистом Д. Абрамоффом [13–15] Закон о честном лидерстве и открытой власти внес изменения в Закон о раскрытии лоббистской деятельности¹. Поправки коснулись уточнения пороговых значений для регистрации и определения лоббистской деятельности, изменения частоты отчетности (вместо полугодовых отчетов были введены ежеквартальные периоды отчетности), расширения подлежащей раскрытию информации, необходимости подготовки полугодовых отчетов о вкладах в избирательную кампанию, а также требований раскрытия информации коалициями и ассоциациями. При этом заявления о регистрации и раскрытии информации должны быть предоставлены в сети Интернет в доступном для публичного ознакомления формате². Кроме того, Закон ввел запрет для зарегистрированных лоббистов на предоставление членам Конгресса (и работникам Конгресса) подарков и путешествий³. В свою очередь, для государственных служащих, включая членов Конгресса, были ужесточены правила раскрытия финансовой информации и наложены ограничения на поиск работы за пределами органов власти⁴.

Учитывая динамическое развитие как технологий лоббизма, так и информационно-коммуникационных технологий, Закон о честном лидерстве и открытой власти постепенно теряет свою эффективность в некоторых аспектах. Например, основными практиками, с которыми приходится бороться государству в настоящее время, являются проблемы «теневого лоббирования» (деятельность незарегистрированных лоббистов), «лоббирования по инициативам масс» (продвижение определенных идей среди населения, мотивирование граждан к действию, зачастую путем направления обращений в органы публичной власти), проблема «вращающихся дверей» (переход государственных служащих на работу в частный сектор либо поступление на государственную службу бывших работников из частного сектора)⁵. Противодействие указанным практикам, скорее всего, потребует внесения поправок в соответствующее законодательство, однако нужно принимать во внимание сложность разработки эффективных правовых мер противодействия подобным технологиям лоббизма.

¹ См. подробнее: CRS Report. Lobbying Registration and Disclosure: Before and After the Enactment of the Honest Leadership and Open Government Act of 2007. R40245. 2011.

² См.: CRS Report. The Lobbying Disclosure Act at 20: Analysis and Issues for Congress. R44292. 2015. P. 13.

³ 2 U.S. Code § 1613. Prohibition on provision of gifts or travel by registered lobbyists to Members of Congress and to congressional employees. См. подробнее: CRS Report. Acceptance of Gifts by Members and Employees of the House of Representatives Under New Ethics Rules of the 110th Congress. RS22566. 2008; CRS Report. The Receipt of Gifts by Federal Employees in the Executive Branch. R43660. 2014.

⁴ См.: CRS Report. The Lobbying Disclosure Act at 20: Analysis and Issues for Congress. R44292. 2015. P. 12–13.

⁵ См.: CRS Report. The Lobbying Disclosure Act at 20: Analysis and Issues for Congress. R44292. 2015. P. 20–28.

США контролируют деятельность не только отечественных лоббистов, но и лиц, продвигающих интересы иностранных субъектов. В данном контексте необходимо рассмотреть Закон о регистрации иностранных агентов, который устанавливает, что ни одно лицо не может действовать в качестве агента иностранного принципала, не предоставив Генеральному прокурору США достоверное и полное заявление о регистрации¹. Важным аспектом регистрации является предоставление полной информации об осуществляемой деятельности.

Закон о регистрации иностранных агентов 1938 г. определяет круг лиц, относящихся к «иностранному принципалу» (англ.: *foreign principal*) и их «агентам» (англ.: *agent of foreign principal*), а также выделяет закрытый перечень исключений, при которых подобная регистрация обязательна². К ним относятся: государственные служащие и обслуживающий персонал дипломатических представительств и консульских учреждений; должностные лица иностранных органов власти; определенные лица, имеющие право заниматься юридической практикой и занимающиеся определенным юридическим представительством; лица, осуществляющие лоббистскую деятельность и зарегистрированные в соответствии с Законом о раскрытии лоббистской деятельности; осуществление частной и неполитической деятельности, включая сбор средств³; проведение религиозных, учебных или научных занятий; защита органов власти иностранного государства, критически важного для обороны США⁴.

Исключения объединяют лиц, обладающих специальным статусом, и лиц, осуществляющих определенную деятельность. При этом наиболее значимым исключением является возможность избежать необходимости «двойной» регистрации и по Закону о раскрытии лоббистской деятельности, и по Закону о регистрации иностранных агентов. Однако данная норма вызывает немало споров, существуют мнения о необходимости ее полной отмены либо зеркального переноса в Закон о раскрытии лоббистской деятельности⁵.

«Политическая деятельность», осуществляемая иноагентами в соответствии с Законом, представляет собой крайне широко сформулированную категорию, не ограничивающуюся лоббизмом и включающую в себя любую деятельность, которая может оказать каким-либо образом влияние на ведомство или должностное лицо органов власти США в процессе разработки, принятия или изменения внутренней и внешней политики США, а также в

¹ 22 U.S. Code § 612. Registration statement.

² 22 U.S. Code § 613. Exemptions.

³ Однако Министерство юстиции США пришло к выводу, что продвижение туризма не является частной или неполитической деятельностью, поскольку туризм способствует экономическому развитию, что отвечает общественным и политическим интересам каждого иностранного государства.

⁴ 22 U.S. Code § 613. Exemptions.

⁵ См.: CRS Report. Foreign Agents Registration Act (FARA): Background and Issues for Congress. R46435. 2015. P. 20–21.

области политических или общественных интересов органов власти иностранного государства или иностранной политической партии¹. Представляется, что используемая формулировка не в полной мере соответствует принципу правовой определенности и может оказывать негативное воздействие на правоприменение.

Данный Закон предусматривает ответственность за несоблюдение положений о регистрации иностранных агентов. За последние 35 лет уголовному наказанию подверглись иноагенты, действующие на территории США в интересах органов власти и/или отдельных лиц Государства Катар, Арабской Республики Египет, Китайской Народной Республики, Малайзии, Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка, Турецкой Республики, Украины, Исламской Республики Пакистан, Республики Зимбабве, Республики Ирак, Государства Кувейт и др.²

В настоящее время в прессе и политических кругах США отмечается, что Закону о регистрации иностранных агентов необходимы поправки. В первую очередь указанный Закон должен быть направлен на пресечение попыток иностранного влияния на процесс принятия решений органами власти США. Тем не менее, учитывая его нынешнее содержание и неточность формулировок, на практике он может налагать дополнительную нагрузку на гражданское общество, обременяя его представителей необходимостью регистрации при наличии у них трансграничных контактов, которые присутствуют достаточно часто, учитывая современные процессы глобализации³. В то же время Исследовательская служба Конгресса предлагает следующие направления реформирования Закона: пересмотр перечня исключений с целью их уточнения и конкретизации, расширение полномочий Министерства юстиции США по проведению расследования нарушений, обновление требований к маркировке материалов с учетом развития цифровых технологий и др.⁴ Однако эти предложения не предполагают существенных изменений регулирования в данной области.

Рассматривая Закон о регистрации иностранных агентов, нельзя не упомянуть нормы об «агентах иностранных органов власти», содержащиеся в параграфе 951 Титула 18 Кодекса законов США [16]⁵. В указанном параграфе под «агентом иностранных органов власти» понимается лицо, которое

¹ 22 U.S. Code § 611. Definitions.

² См.: Criminal Enforcement // An Informational Resource in a New Era of Foreign Agents Registration Act Enforcement. URL: <https://www.fara.us/resources-criminal> (дата обращения: 10.07.2024).

³ The Danger of the Foreign Agents Registration Act to Civil Society // The International Center for Not-for-Profit Law. URL: <https://www.icnl.org/wp-content/uploads/2023.07-FARA-Legislative-Briefer.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ См.: CRS Report. Foreign Agents Registration Act (FARA): A Legal Overview. IF11439. 2023.

⁵ 18 U.S. Code § 951. Agents of foreign governments. За нарушение этой статьи была осуждена в 2019 г. в США М.В. Бутина.

соглашается действовать в США под руководством или контролем иностранного органа власти или должностного лица. При этом устанавливается перечень исключений, например, не являются агентами иностранных органов власти должным образом аккредитованные дипломатические или консульские должностные лица иностранного государства, признанные Государственным департаментом США¹.

И Закон о регистрации иностранных агентов, и параграф 951 направлены на ограничение скрытого иностранного влияния в США, но они используют разные подходы для достижения этой цели.

В первую очередь различаются используемые понятия: «агент иностранного принципала» и «агент иностранных органов власти». Понятие «агент иностранного принципала», используемое в Законе о регистрации иностранных агентов, безусловно шире, поскольку диапазон иностранных принципалов охватывает большее количество лиц, не ограничиваясь при этом иностранными органами власти.

С другой стороны, виды деятельности, направленные на помощь иностранным органам власти и подлежащие раскрытию в соответствии с параграфом 951, скорее, предполагают сбор информации и установление связей². Закон о регистрации иностранных агентов, напротив, распространяется больше на политическую деятельность, в частности лоббистскую, а также на другие формы влияния на должностных лиц органов публичной власти и на общественность в целом.

Таким образом, в отношении отечественного и иностранного влияния на органы власти США на федеральном уровне действует обособленное законодательство. Его исполнение находится в ведении разных государственных органов: агентами иностранного влияния занимается Министерство юстиции США, а отечественными лоббистами – Конгресс. Зачастую такая организация подвергается критике, и в целях упрощения обеспечения соблюдения существующего законодательства предлагается консолидировать администрирование всей деятельности, связанной с регистрацией и раскрытием информации о лоббировании, в одном органе государственной власти³.

Законодательство о лоббизме и агентах иностранного влияния существует и на уровне штатов. Требования, предъявляемые к лоббированию, различаются от штата к штату с точки зрения их строгости и проработанности, значительно отличаясь от федерального законодательства, но все же усиливая последнее и способствуя прозрачности лоббистской деятельности [17. Р. 68–69].

В последнее время на уровне штатов отмечается всплеск законопроектов, связанных с правовым регулированием деятельности иностранных

¹ 18 U.S. Code § 951. Agents of foreign governments.

² См., например: Barrack v. United States Department of Justice, № 1:2022cv01800. Doc. 22. District Colorado. 2022.

³ См.: CRS Report. Foreign Agents Registration Act (FARA): An Overview. IF10499. 2024.

агентов. В 2024 г. legislatures (законодательные собрания) штатов Аризона, Калифорния, Джорджия, Оклахома, Теннесси, Иллинойс и Западная Вирджиния представили проекты законов штатов о регистрации иностранных агентов. Многие из них дублируют положения Федерального закона, но также добавляют и более специфические требования. Так, законопроекты штатов Аризона, Иллинойс, Оклахома и Теннесси включают уточнения относительно иностранного принципа, перечисляя конкретные страны, такие как, например, Китайская Народная Республика (включая Гонконг), Республика Куба, Исламская Республика Иран, Корейская Народно-Демократическая Республика, Российская Федерация, Королевство Саудовская Аравия и Боливарианская Республика Венесуэла. На данный момент сложно сделать вывод о том, будут ли приняты соответствующие законы, но в мае 2024 г. губернатором штата Джорджия уже было наложено вето на проект Закона Сената штата Джорджия № 368¹. Основной причиной стало отсутствие в нем перечня исключений, что предполагало слишком большой диапазон лиц, которые подлежали бы регистрации в качестве иностранных агентов.

Рассмотренное законодательство США о лоббировании и иностранном влиянии как одно из направлений публично-правового обеспечения суверенитета США представляет собой форму противодействия внутренним и внешним угрозам политической и социально-экономической стабильности. При этом необходимость соответствия Первой поправке к Конституции США (являющейся частью Билля о правах) компенсируется поступательным ужесточением требований, предъявляемых к лоббистам и иностранным агентам в части регистрации их статуса и раскрытия информации об осуществляемой деятельности.

Многоуровневый характер существующей в США системы дуалистического федерализма оказывает непосредственное влияние на реализацию концепции народного суверенитета. Это находит отражение в развитой практике Верховного суда США, нередко в пересечении с теорией прав человека. А учитывая ту роль, которую права человека играют в современном обществе, и то значение, которое имеет эффективное публично-правовое обеспечение суверенитета для стабильного развития общества и государства, необходимо поддержание баланса в практическом соотношении данных категорий.

Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета в Федеративной Республике Германия

Раскрывая опыт публично-правового обеспечения государственного суверенитета в ФРГ, нельзя не сказать об отправной точке его возникновения. В 1990 г. между ГДР, ФРГ, Великобританией, США, СССР и Францией был

¹ Foreign Agents Registration Act // The International Center for Not-for-Profit Law. URL: <https://www.icnl.org/our-work/us-program/foreign-agents-registration-act> (дата обращения: 10.07.2024).

подписан, а в 1991 г. вступил в силу «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии». Данный договор урегулировал вопросы объединения двух Германий, в ст. 7 было установлено следующее положение: Великобритания, США, СССР и Франция прекращают действие своих прав и ответственности в отношении Берлина и Германии в целом. В результате прекращают свое действие связанные с ними четырехсторонние соглашения, решения и практика и распускаются все соответствующие институты четырех держав. Тем самым объединенная Германия обретает полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами¹.

Отмечается, что германский суверенитет – следствие непростой истории этой страны, которая потеряла его в результате поражения во Второй мировой войне и была вынуждена восстанавливать, находясь в эпицентре холодной. Членство в Европейском союзе (далее также ЕС, Союз) и НАТО, «с одной стороны, предоставило ФРГ возможность подняться на один уровень с другими европейскими странами и получить часть прав обратно, с другой – привело к ограничению суверенитета» [18. С. 125]. В основе публично-правового обеспечения государственного суверенитета Германии лежат положения высшего законодательного акта страны.

Данный нормативный правовой акт называется «Основной закон Федеративной Республики Германия» (далее – Основной закон ФРГ), он был принят и вступил в силу в 1949 г.² Здесь примечательны ст. 23 «Европейский союз» и 24 «Передача суверенных прав межгосударственным учреждениям». В первой из них, в частности, указывается, что Германия участвует в развитии Европейского союза, для этого Федерация может путем принятия закона, одобряемого Бундестагом, передавать суверенные права. В статье 24 говорится, что Федерация может на основании закона передавать осуществление своих суверенных прав межгосударственным учреждениям, при этом предусматривается возможность ограничения суверенных прав Федерации в целях обеспечения мирного и прочного порядка в Европе и в отношениях между народами всего мира. Германия является федеративным государством и состоит из 16 земель, в связи с этим в данной статье также указывается, что осуществление суверенных прав в области государственных полномочий и государственных задач, входящих в компетенцию земель, может передаваться ими с согласия Федерального правительства приграничным учреждениям сопредельных государств.

Отметим, что ограничение суверенных прав Федерации в пользу иных субъектов международного права возможно на основании достаточно оценочных понятий, это может представлять угрозу для государственного суверенитета Германии, при этом допускается ограничение суверенитета даже

¹ МИД России // Многосторонние договоры. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50877/ (дата обращения: 01.07.2024).

² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz> (дата обращения: 15.06.2024).

земель. Однако можно привести правовую позицию, сформулированную Федеральным конституционным судом ФРГ в Постановлении от 14.10.2004 по жалобе Гергюлю (Goerguelu). По мнению Суда, «Основной закон ФРГ имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но не предусматривает отказа от суверенитета»¹.

О главенстве суверенитета Федерации над суверенитетом ее субъектов гласит ст. 37 Основного закона ФРГ «Принуждение со стороны Федерации», в которой устанавливается, что если земля не выполняет федеральные обязательства, возложенные на нее Основным законом или другим федеральным законом, Федеральное правительство может с согласия бундесрата принять необходимые меры, чтобы путем принуждения со стороны Федерации побудить землю к выполнению ее обязательств. Также Федеральное правительство или его уполномоченный имеет право давать указания всем землям и их ведомствам.

При этом в Основном законе ФРГ не уточняется, о каких конкретно мерах идет речь, однако можно отметить, что данное положение направлено на обеспечение исполнения федерального законодательства одинаково всеми землями Германии.

В иных нормативных правовых актах содержатся различные меры, направленные на обеспечение государственного суверенитета Германии. Прежде всего, это противодействие иностранному влиянию. В Германии не существует закрепленного на нормативном уровне понятия, аналогичного американскому «иностранному агент», а также отсутствует единый нормативный акт, регулирующий деятельность коллективных и индивидуальных субъектов, получающих финансирование либо иную поддержку из-за рубежа. Вместе с тем Закон ФРГ от 05.08.1964 «О регулировании законодательства об общественных объединениях» (далее – Закон об общественных объединениях) отдельно выделяет объединения иностранцев, под которыми в соответствии со ст. 14 понимаются объединения, членами или руководителями которых являются все или преимущественно иностранцы, также указывается, что объединения, членами или руководителями которых являются все или преимущественно иностранные граждане государства – члена Европейского Союза, не считаются объединениями иностранцев².

Статья 14 Закона устанавливает дополнительные положения, в соответствии с которыми может быть запрещена деятельность объединений иностранцев. В части 2 этой статьи об общественных объединениях отмечается, что деятельность объединений иностранцев может быть запрещена в случае, если наносит ущерб или ставит под угрозу формирование политической воли в Федеративной Республике Германия, наносит ущерб или угрожает

¹ Order of the Second Senate of 14 October 2 BvR 1481/04 (§ 30, ч. I C) // Bundesverfassungsgericht. URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/en/decisions/rs20041014_2bvr148104en.html

² Gesetz zur Regelung des öffentlichen Vereinsrechts (Vereinsgesetz) // Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vereinsg/BJNR005930964.html> (дата обращения: 20.06.2024).

общественной безопасности, порядку или другим важным интересам Федеративной Республики Германия, т.е. можно сказать, что деятельность объединений иностранцев может быть запрещена в случае осуществления ее против государственного суверенитета Германии.

В статье 15 Закона об общественных объединениях дополнительно указывается, что рассмотренные выше положения применяются к объединениям, зарегистрированным за рубежом, организация или деятельность которых распространяется на территориальную сферу действия данного Закона.

Часть 4 ст. 19 рассматриваемого закона устанавливает, что Федеральное правительство может, с согласия Бундесрата, нормативным актом возложить на объединения иностранцев и иностранные объединения обязанность регистрироваться и предоставлять информацию, издавать нормативные акты о содержании, форме и порядке регистрации, а также более подробно регулировать обязанность предоставления информации. При этом в ч. 1 ст. 21 указывается, что лицо, умышленно или по неосторожности нарушившее положение нормативного акта, изданного в соответствии с п. 4 ст. 19, признается виновным в совершении административного правонарушения, если в нормативном акте содержится ссылка на это положение о штрафах за конкретное правонарушение.

В 1966 г. было принято Постановление Федерального правительства от 28.07.1966 «О применении Закона “О регулировании законодательства об общественных объединениях”»¹. В данном нормативном правовом акте примечательна ст. 20, в ч. 1 которой определяется, что объединения иностранцев, зарегистрированные по месту нахождения, в области применения Закона об общественных объединениях должны предоставлять информацию компетентному органу власти по запросу: 1) об их деятельности; 2) если они политически активны: а) имена и адреса его членов; б) о происхождении и использовании своих средств.

Однако в данном случае неясны последствия нарушения данной нормы. Отметим, что законодательство об административных правонарушениях в Германии не систематизировано, существует Закон от 24.05.1968 «Об административных правонарушениях»², который устанавливает только порядок привлечения к административной ответственности, а также содержит ряд административных правонарушений, отдельные составы административных правонарушений содержат иные профильные законы [19. С. 146–153].

Тем самым, рассмотренные нормативные правовые акты не квалифицируют отдельно объединения, финансируемые или получающие иную поддержку из-за рубежа и, соответственно, не предусматривают к ним дополнительные требования, происходит выделение объединений исключительно

¹ Verordnung zur Durchführung des Gesetzes zur Regelung des öffentlichen Vereinsrechts (Vereinsgesetz) // Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vereinsgdv/BJNR004570966.html> (дата обращения: 20.06.2024).

² Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWiG) // Bundesministerium der Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/owig_1968/BJNR004810968.html#BJNR00481096 (дата обращения: 20.06.2024).

на основании гражданства руководителей и членов объединений, что не позволяет урегулировать или ограничить деятельность первых из указанных объединений, которая может быть связана с нанесением ущерба государственному суверенитету Германии.

Также отметим, что в Германии не существует нормативных правовых актов, устанавливающих особый статус для физических лиц, получающих финансирование из-за рубежа и проявляющих, например, активность в политической сфере. Однако следует обратить внимание на проект Директивы Европейского парламента и Совета ЕС «Установление гармонизированных требований на внутреннем рынке к прозрачности представительства интересов от имени третьих стран и внесение поправок в Директиву (ЕС) 2019/1937»¹. Эта директива направлена на содействие надлежащему функционированию внутреннего рынка при осуществлении деятельности с целью оказания влияния на разработку, формулирование или реализацию политики или законодательства или процесса принятия государственных решений в ЕС, осуществляемой от имени третьих стран, путем установления гармонизированных правил для обеспечения высокого уровня прозрачности такой деятельности при осуществлении на внутреннем рынке.

Угрозу государственному суверенитету ФРГ представляет неконтролируемая лоббистская деятельность. В немецкой литературе справедливо отмечается, что «в погоне за прибылью лоббистские структуры могут оказать иностранному государству услуги в ущерб национальным интересам» [20. С. 19–30].

Долгое время в Германии отсутствовал единый нормативный правовой акт, регулирующий данную деятельность, но указывалось на необходимость его скорейшего принятия [21. С. 53–59; 22]. Закон ФРГ от 16.04.2021 «О реестре лоббистов» (далее – Закон о реестре лоббистов)² распространяется на представительство интересов в Бундестаге Германии, а также в Федеральном правительстве. Под представительством интересов понимается любой контакт, имеющей целью непосредственное или косвенное влияние на процесс формирования воли или принятие решений органами, членами, фракциями или группами Бундестага Германии, а также на принятие решений Федеральным правительством. Лица, осуществляющие представительство интересов, называются в данном законе заинтересованными сторонами.

Однако в реестре лоббистов обязаны регистрироваться только, например, те субъекты, которые осуществляют описанную деятельность на постоянной основе либо в коммерческих целях от имени третьих лиц. Регистрация также может быть и добровольной. Регистрация, в частности, дает право

¹ Vorschlag für eine RICHTLINIE DES EUROPÄISCHEN PARLAMENTS UND DES RATES zur Festlegung harmonisierter Anforderungen im Binnenmarkt an die Transparenz der Interessenvertretung im Auftrag von Drittländern und zur Änderung der Richtlinie (EU) 2019/1937 // Eine offizielle Website der Europäischen Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2023%3A637%3AFIN> (дата обращения: 22.06.2024).

² Lobbyregister // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.lobbyregister.bundestag.de/informationen-und-hilfe/rechtsvorschriften-parlamentarische-materialien-gl-2022--863566> (дата обращения: 10.07.2024).

присутствовать на публичных слушаниях комитетов Бундестага Германии. На июль 2024 г. в данном реестре содержится 5 646 записей, подавляющее большинство из зарегистрированных субъектов являются юридические лица (86,01%), у заинтересованных лиц преобладают такие области интересов, как экономика, окружающая среда, наука, исследования и технологии¹.

Отметим, что при регистрации необходимо предоставлять в том числе и финансовую информацию за истекший финансовый год (сведения об отдельных субсидиях и грантах, предоставленных государственными органами Германии, Европейским союзом, его государствами-членами или третьими странами, касающихся основной корпоративной и организационной цели субъекта предоставления интересов). Тем не менее в законе не указывается, как быть если организация получает основной доход от субсидий иностранных государств, должна ли она в таком случае быть зарегистрирована в реестре лоббистов?

Закон предусматривает административную ответственность за нарушение установленных правил, штраф может достигать пятидесяти тысяч евро.

В соответствии с Законом о реестре лоббистов принят Кодекс поведения для заинтересованных сторон, утвержденный Постановлением Бундестага Германии 22.02.2024².

На наш взгляд, Закон о реестре лоббистов имеет следующие слабые стороны: он предусматривает обязанность регистрации заинтересованных сторон только в определенных случаях, также ими фактически могут являться те из них, которые «существуют» за счет финансирования из зарубежных стран; кроме того, устанавливаемая административная ответственность не способна в полной мере обеспечить соблюдение рассмотренных положений. С другой стороны, Германия долгое время нуждалась в таком законодательном акте, и можно сказать, что это только первый шаг к регулированию лоббистской деятельности в данной стране.

Список источников

1. Barnett R.E. Constitutional Legitimacy // Columbia Law Review. 2003. Vol. 103, № 1. P. 111–148.
2. Sant'Ambrogio M. Standing in the Shadow of Popular Sovereignty // Boston University Law Review. 2015. Vol. 95. P. 1869–1935.
3. Levinson S. Popular Sovereignty and the United States Constitution: Tensions in the Ackermanian Program // The Yale Law Journal. 2014. № 123. P. 2574–3152.
4. Laski H.J. Theory of Popular Sovereignty // Michigan Law Review. 1919. Vol. 17, is. 3. P. 201–215.
5. Morgan E.S. Inventing the People: The Rise of Popular Sovereignty in England and America. W.W. Norton & Company. New York, 1988. 318 p.

¹ Lobbyregister // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.lobbyregister.bundestag.de/startseite> (дата обращения: 10.07.2024).

² Lobbyregister // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.lobbyregister.bundestag.de/informationen-und-hilfe/rechtsvorschriften-parlamentarische-materialien-gl-2022--863566> (дата обращения: 10.07.2024).

6. Willis H.E. The Doctrine of Sovereignty Under the United States Constitution // *Articles by Maurer Faculty*. 1929. № 1256. P. 437–475.
7. Huhn W.R. Constantly Approximating Popular Sovereignty: Seven Fundamental Principles of Constitutional Law // *William & Mary Bill of Rights Journal*. 2010. Vol. 19, is. 2. Article 2. P. 1–50.
8. Brettschneider C., McNamee D. Sovereign and State: A Democratic Theory of Sovereign Immunity // *Texas Law Review*. 2015. Vol. 93. P. 1229–1297.
9. Лафитский В.И. Конституционные основы федерализма в США // *Журнал российского права*. 2007. № 3 (123). С. 116–127.
10. Четвериков А.О. Интеграция и управление на рынках капитала: политико-правовые механизмы. М. : Русайнс, 2024. 260 с.
11. Couture W.G. Principles for State Prosecution of Securities Crime in a Dual-Regulatory, Multi-Enforcer Regime // *University of Pennsylvania Journal of Business Law*. 2019. Vol. 22, № 1.
12. Ирхин И.В. Конституционно-правовой статус неинкорпорированных территорий США // *Правоведение*. 2018. Т. 62, № 3. С. 484–500.
13. Krishnakumar A.S. Towards a Madisonian 'Interest-Group' Approach to Lobbying Regulation // *Alabama Law Review*. 2007. Vol. 58. P. 1–58.
14. Rand K.R.L., Light S.A. How Congress Can and Should 'Fix' The Indian Gaming Regulatory Act: Recommendations for Law and Policy Reform // *Virginia Journal of Social Policy & the Law*. 2006. Vol. 13, № 3. P. 396–473.
15. Light S.A., Rand K.R.L. The 'Tribal Loophole' Federal Campaign Finance Law and Tribal Political Participation After Jack Abramoff // *Gaming Law Review*. 2006. Vol. 10, № 3. P. 230–239.
16. Aaron D. 18 U.S.C. Section 951 and the Non-traditional Intelligence Actor Threat from the First World War to the Present Day // *Seton Hall Legislative Journal*. 2021. Vol. 45. P. 1–33.
17. Gorovaya Ya.I., Kremyanskaya E.A. Lobbying: Its Role in and Impact on the US Government System // *Journal of Law and Administration*. 2022. № 18 (1). P. 63–72.
18. Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран / [В.Б. Белов и др. ; отв. ред. В.Б. Белов]. М. : Весь Мир, 2018. 204 с.
19. Политова Е.Ю. Кодекс об административных правонарушениях как правовая основа административной ответственности в Германии и России (материальные аспекты) // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 11. С. 146–153.
20. Дембицкий С.Г. Институт лоббирования в системе функционального представительства групп экономических интересов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2010. № 4. С. 19–30.
21. Агапов И.О., Фалькина Т.Ю. К вопросу о правовом регулировании лоббирования в Германии // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2015. № 3. С. 53–59.
22. Ведяшкин С.В., Юсубов Э.С. и др. Современные избирательные системы. Вып. 18 / под ред. А.А. Автономова, Л.И. Ласенко. М. : Рос. центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии РФ, 2023. 496 с.

References

1. Barnett, R.E. (2003) Constitutional Legitimacy. *Columbia Law Review*. 103(1). pp. 111–148.
2. Sant'Ambrogio, M. (2015) Standing in the Shadow of Popular Sovereignty. *Boston University Law Review*. 95. pp. 1869–1935.
3. Levinson, S. (2014) Popular Sovereignty and the United States Constitution: Tensions in the Ackermanian Program. *The Yale Law Journal*. 123. pp. 2574–3152.
4. Laski, H.J. (1919) Theory of Popular Sovereignty. *Michigan Law Review*. 17(3). pp. 201–215.

5. Morgan, E.S. (1988) *Inventing the People: The Rise of Popular Sovereignty in England and America*. New York: W.W. Norton & Company.
6. Willis, H.E. (1929) The Doctrine of Sovereignty Under the United States Constitution. *Articles by Maurer Faculty*. 1256. pp. 437–475.
7. Huhn, W.R. (2010) Constantly Approximating Popular Sovereignty: Seven Fundamental Principles of Constitutional Law. *William & Mary Bill of Rights Journal*. 19(2). Article 2. pp. 1–50.
8. Brettschneider, C. & McNamee, D. (2015) Sovereign and State: A Democratic Theory of Sovereign Immunity. *Texas Law Review*. 93. pp. 1229–1297.
9. Lafitskiy, V.I. (2007) Konstitutsionnye osnovy federalizma v SShA [Constitutional Foundations of Federalism in the USA]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3(123). pp. 116–127.
10. Chetverikov, A.O. (2024) *Integratsiya i upravlenie na rynkakh kapitala: politiko-pravovye mekhanizmy* [Integration and Management in Capital Markets: Political and Legal Mechanisms]. Moscow: Rusayns.
11. Couture, W.G. (2019) Principles for State Prosecution of Securities Crime in a Dual-Regulatory, Multi-Enforcer Regime. *University of Pennsylvania Journal of Business Law*. 22(1). pp. 30–80.
12. Irkhin, I.V. (2018) Konstitutsionno-pravovoy status neinkorporirovannykh territoriy SShA [Constitutional and Legal Status of Unincorporated Territories of the USA]. *Pravovedenie*. 62(3). pp. 484–500.
13. Krishnakumar, A.S. (2007) Towards a Madisonian 'Interest-Group' Approach to Lobbying Regulation. *Alabama Law Review*. 58. pp. 1–58.
14. Rand, K.R.L. & Light, S.A. (2006) How Congress Can and Should 'Fix' The Indian Gaming Regulatory Act: Recommendations for Law and Policy Reform. *Virginia Journal of Social Policy & the Law*. 13(3). pp. 396–473.
15. Light, S.A. & Rand, K.R.L. (2006) The 'Tribal Loophole' Federal Campaign Finance Law and Tribal Political Participation After Jack Abramoff. *Gaming Law Review*. 10(3). pp. 230–239.
16. Aaron, D. (2021) 18 U.S.C. Section 951 and the Non-traditional Intelligence Actor Threat from the First World War to the Present Day. *Seton Hall Legislative Journal*. 45. pp. 1–33.
17. Gorovaya, Ya.I. & Kremyanskaya, E.A. (2022) Lobbying: Its Role in and Impact on the US Government System. *Journal of Law and Administration*. 18(1). pp. 63–72.
18. Belov, V.B. (ed.) (2018) *Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta – opyt Evrosoyuza i evropeyskikh stran* [Protection of State Sovereignty – Experience of the European Union and European Countries]. Moscow: Ves' Mir.
19. Politova, E.Yu. (2022) The Code of Administrative Offences as the Legal Basis of Administrative Responsibility in Germany and Russia (Material Aspects). *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 11. pp. 146–153. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2022.99.11.146-153
20. Dembitskiy, S.G. (2010) Institut lobbirovaniya v sisteme funktsional'nogo predstavitel'stva grupp ekonomicheskikh interesov [The Institute of Lobbying in the System of Functional Representation of Economic Interest Groups]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: ekonomika*. 4. pp. 19–30.
21. Agapov, I.O. & Falkina, T.Yu. (2015) K voprosu o pravovom regulirovanii lobbirovaniya v Germanii [On the Legal Regulation of Lobbying in Germany]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 3. pp. 53–59.
22. Vedyashkin, S.V., Yusubov, E.S. et al. (2023) *Sovremennye izbiratel'nye sistemy* [Modern Electoral Systems]. Vol. 18. Moscow: Russian Center for Training in Electoral Technologies under the Central Election Commission of the Russian Federation.

Информация об авторах:

Зубарев С.М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: smzubarev@msal.ru. ORCID: 0000-0003-4322-3602. ResearcherID: B-2029-2019.

Косырев Е.В. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: evkosyrev@msal.ru

Крылова М.С. – инспектор учебно-методического управления, соискатель кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: marie_kr@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zubarev S.M., Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow, Russian Federation). E-mail: smzubarev@msal.ru. ORCID: 0000-0003-4322-3602. ResearcherID: B-2029-2019.

Kosyrev E.V., Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow, Russian Federation). E-mail: evkosyrev@msal.ru

Krylova M.S., Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow, Russian Federation). E-mail: marie_kr@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 25.06.2024;
approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 343.2

doi: 10.17223/22253513/53/5

Актуальные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации

Вячеслав Иванович Селиверстов¹, Федор Владимирович Грушин²

¹ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, vis_home@list.ru

² НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru

Аннотация. С учетом современного развития общественных отношений, действующего уголовно-исполнительного законодательства, системы факторов рассматриваются актуальные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации: гуманизация исполнения и отбывания уголовных наказаний; обеспечение прав и законных интересов осужденных; оптимизация организационно-структурного построения системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы и иных субъектов уголовно-исполнительных отношений; внедрение информационных технологий в деятельность уголовно-исполнительной системы; имплементация международных стандартов в уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, гуманизация, обеспечение прав и свобод осужденных

Для цитирования: Селиверстов В.И., Грушин Ф.В. Актуальные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 66–81. doi: 10.17223/22253513/53/5

Original article

doi: 10.17223/22253513/53/5

Actual directions of penal enforcement policy of the Russian Federation

Vyacheslav I. Seliverstov¹, Fedor V. Grushin²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, vis_home@list.ru

² FКУ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation, fedor062@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article was to analyse the current topical directions of the penal enforcement policy of the Russian Federation, which is quite dynamic, constantly developing and improving, taking into account the influence of economic, political, social and spiritual factors on it.

There are quite a large number of topical directions of the penal enforcement policy of the Russian Federation, among which the authors have identified the following: humanisation of the execution and serving of criminal sentences; ensuring the rights and legitimate interests of convicts; optimisation of the organisational and structural structure of the system of institutions and bodies executing criminal sentences; ensuring the security of the penal enforcement system and other subjects of penal enforcement relations; introduction of information technologies; implementation of inter-prisoner relations; and implementation of the international legal framework. Humanisation was most clearly manifested in changes in the types of regime and conditions of serving sentences for socially vulnerable categories of convicts.

The trend of humanisation has affected both those convicted of crimes of minor and medium gravity and those convicted of serious and especially serious crimes, including those serving life imprisonment. In order to ensure the rights and legitimate interests of convicted prisoners, it is necessary to create effective safeguards to protect them from cruel or inhuman treatment, unlawful violence and the use of torture. Within the framework of optimising the organisational and structural design of the system of institutions and bodies executing criminal sentences, there are three projects reflected in the conceptual documents. In ensuring the security of the penal correctional system and other subjects of criminal-executive relations and the introduction of information technologies, it is planned to create a comprehensive system for the protection of the information system operating in the penal correctional system, including the protection of the personal data of both inmates and correctional personnel. An important element of security is the technical equipment of correctional institutions and correctional centres. Within the framework of the implementation of international standards in penal legislation and practical activities of the penal correctional system, it is pointed out that due to recent foreign policy events, the considered direction of penal policy is now beginning to lose its dominant importance, however, in the current realities, additional measures should be taken to strengthen national guarantees of respect for the rights of convicted prisoners, created, among other things, by taking into account the UN international standards in the field of treatment of prisoners.

The constant and priority directions in the development of penal enforcement policy over the past decades have been the humanisation of the procedure and conditions for serving sentences and ensuring the rights and legitimate interests of convicts. However, this constancy of penal enforcement policy does not prevent the emergence of new directions, which are reflected in the current penal enforcement legislation and the activities of institutions and bodies executing criminal sentences and other measures of a criminal-legal nature.

Keywords: penal enforcement policy, humanisation, ensuring the rights and freedoms of convicts

For citation: Seliverstov V.I., Grushin F.V. (2024) Actual directions of penal enforcement policy of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 66–81. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/5

Невозможно переоценить значение и роль проводимой государством уголовно-исполнительной политики, так как на ее основе формируется и развивается действующее уголовно-исполнительное законодательство, а равно осуществляется практическая деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Уголовно-исполнительная политика, проводимая без учета системы факторов, на основе рефлексии к складывающимся в текущий момент случайным обстоятельствам способна спровоцировать крайне негативные явления, выступающие в качестве дестабилизирующего фактора для любого государства. В конечном итоге непродуманная уголовно-исполнительная политика может привести к разочарованию населения в способности государства обеспечить законность и правопорядок во время исполнения наказания. Применительно к пенитенциарной сфере она может провоцировать такие последствия, как массовые беспорядки, групповые неповиновения, голодовки, членовредительство и пр. Все эти моменты, как правило, находят моментальное, нередко искаженное, отражение в отечественных и зарубежных СМИ [1, 2], вызывая негативную реакцию в обществе по отношению к деятельности всей уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

Кроме того, проблемы, возникающие при реализации уголовно-исполнительной политики в практической деятельности, в отдельных случаях используются как средство давления на наше государство как внутренними, так и внешними противниками. Так, недавняя естественная смерть в местах лишения свободы радикального оппозиционера в тот же день вызвала бурную реакцию как в средствах массовой информации, внесенных в Реестр иностранных агентов [3], так и среди государств, внесенных в Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц [4, 5].

Проблемы развития уголовно-исполнительной политики, ее актуальные направления, принципы, формы, методы, стратегия и тактика отражения в уголовно-исполнительном законодательстве неоднократно становились предметом рассмотрения на самых различных уровнях [6–8], в том числе учеными [9–14] и практиками [15], что позволяет говорить о несомненной актуальности рассматриваемой темы.

Ключевым документом, определяющим современные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, является Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция-2030), утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (в ред. от 27.05.2023). В качестве основных целей, отраженных в Концепции-2030, можно выделить: соблюдение прав лиц, находящихся в учреждениях УИС; гуманизацию их содержания; предотвращение преступлений, совершаемых подучетными лицами; совершенствование различных видов работ, проводимых с осужденными; сохранение ценностей, являющихся традиционными для нашей страны, и пр.

Для достижения целей, указанных в Концепции-2030, в данном документе определены четырнадцать основных направлений совершенствования и развития УИС, осуществление которых на ведомственном уровне раскрывается в Плане мероприятий по реализации положений Концепции-

2030, утвержденном Приказом Министерства юстиции РФ от 25 июня 2021 г. № 103. Основные направления УИС демонстрируют стремление государства обеспечить преемственность и постоянство в развитии УИС, так как они содержались в ранее действовавших концептуальных документах, в частности в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (в ред. от 23.09.2015).

Кроме того, в Концепции-2030 имеются направления, которые ранее не ставились перед УИС. Например, изменения в государственном устройстве России повлекли то, что в мае 2023 г. появилось направление по обеспечению деятельности учреждений и органов УИС, созданных на территориях новых субъектов РФ, в соответствии с законодательством РФ. Речь идет о Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областях.

В монографической и учебной литературе акцентируется внимание на тех или иных направлениях политики в зависимости от их актуальности. Как представляется (наша позиция нашла отражение в юридической литературе [16. С. 36–46; 17]), следует сосредоточиться на раскрытии следующих направлений уголовно-исполнительной политики на современном этапе развития государства.

1. *Гуманизация исполнения и отбывания уголовных наказаний.* Данное направление в уголовно-исполнительной политике сохраняется на протяжении более чем тридцати последних лет и является стратегическим, поскольку связано с переоценкой роли и, главное, эффективности жестких мер воздействия на осужденных, произошедших на рубеже XXI в. Такая переоценка давалась политическим властям государства нелегко: на фоне всплеска преступности в стране в конце 1990-х гг. преобладающие ожидания в обществе были связаны с надеждами на усиливающееся карательное воздействие.

Гуманизация в тот период времени отразилась в различных изменениях уголовно-исполнительного законодательства:

- улучшение условий отбывания наказания (в первую очередь для социально уязвимых категорий осужденных: несовершеннолетних; беременных женщин; женщин, имеющих малолетних детей; инвалидов);
- совершенствование (улучшение) правового статуса осужденных (в части, например, выездов за пределы исправительных учреждений, трудоустройства осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, возможности ходатайства в суд об условно-досрочном освобождении и пр.);
- сокращение видов исправительных учреждений и корректировка правил направления в них осужденных (например, исключение из видов исправительных учреждений воспитательных колоний усиленного режима, колоний строгого режима для осужденных женского пола);
- развитие системы контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, и иные меры уголовно-правового характера в целом и за соблюдением прав осужденных в частности (например, создание общественных советов при ФСИН России и ее территориальных

органах, образование общественных наблюдательных комиссий, введение должности помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими и пр);

– совершенствование медицинского, психологического, социального обеспечения осужденных.

Гуманизация востребована и в настоящее время, о чем свидетельствуют последние изменения, внесенные в УИК РФ. Так, в частности, Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» были существенно увеличены суммы денежных средств, разрешаемых осужденным к расходованию для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости. Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 285-ФЗ «О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» упрощен перевод положительно характеризующихся осужденных, совершивших особо тяжкие преступления (за исключением отдельных преступлений), из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение (сокращен минимально необходимый срок отбытия наказания в исправительной колонии строгого режима). Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в статью 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» увеличено минимальное количество телефонных разговоров, с 6 до 12 в год, предоставляемых осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы.

В контексте гуманизации обращения с осужденными нельзя обойти вниманием такое актуальное направление политики государства, как сохранение и развитие традиционных семейных ценностей, что опять же нашло отражение в приведенном выше Федеральном законе от 13 июня 2023 г. № 211-ФЗ. В результате изменений осужденные женщины, отбывающие лишение свободы, могут помещать в дома ребенка исправительных учреждений своих детей в возрасте до четырех лет, а не трех как это было ранее.

В рамках гуманизации необходимо сказать об оказании осужденным качественной медицинской помощи, вплоть до использования достижений телемедицины при постановке диагноза и лечения больных осужденных в местах лишения свободы. Отдельное гуманистическое направление – это освоения в случаях тяжелого заболевания, препятствующего отбыванию наказания в исправительных учреждениях [18, 19].

Также в рамках гуманизации уголовно-исполнительного законодательства возможно рассматривать и положения нового Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», направленного на оказание социальной помощи различным категориям осужденным, в том числе отбывшим наказание.

При реализации в уголовно-исполнительном законодательстве тенденции гуманизации нередко возникает вопрос о ее пределах. Пределы гуманизации или человеколюбия есть, они определяются интересами по обеспечению защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Кроме того, даже при совместимости этих интересов с ценностями гуманизма необходимо просчитывать последствия принимаемых, как мы считаем, гуманных решений.

Так, оценивая тенденцию гуманизации при освобождении от отбывания лишения свободы осужденных, имеющих тяжелые заболевания, следует сказать о ее пределах, которые гарантируют от того положения, когда гуманизация (човеколюбие) превращается в свою противоположность, а именно необоснованную жестокость по отношению к осужденным. Именно так мы можем оценивать предложения об установлении обязанности суда освободить осужденного в случае, если он страдает такой болезнью, препятствующей отбыванию лишения свободы. Как свидетельствует Девятая специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей (декабрь 2022 г.), в местах лишения свободы достаточно осужденных, в том числе больных, потерявших социальные связи с семьей, родственниками и другим позитивным окружением. Освобождение таких больных осужденных, нередко не способных себя обслуживать, без решения вопросов, где они будут проживать и кто за ними будет ухаживать, вряд ли можно отнести к проявлению гуманизма. Данное решение, наоборот, по своей сути будет проявлением жестокости к такому осужденному, независимо от того, как он сам оценивает эту ситуацию. Выход видится в создании для таких осужденных специализированных условий отбывания наказания (хосписов).

2. Обеспечение прав и законных интересов осужденных. Для реализации данного направления в первую очередь необходимо создание эффективно действующих гарантий, обеспечивающих защиту осужденных от жестокого или бесчеловечного обращения, незаконного насилия и применения пыток. Не случайно в Концепции-2030 предусмотрено обеспечение безопасности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, пресечение фактов применения к ним сотрудниками УИС незаконных методов воздействия, бесчеловечного, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения, а также неправомерного применения физической силы и специальных средств.

По итогам прошедшей 4 декабря 2023 г. встречи Президента РФ с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека был вновь поднят вопрос об усилении мер противодействия насилию в местах лишения свободы. Как отметил 17 января 2024 г. председатель Совета Валерий Фадеев, практически все поднятые членами Совета проблемы нашли отражение в поручениях Президента РФ [20]. В частности, в Перечне поручений от 14 января 2024 г., по итогам заседания Совета, Следственному комитету Российской Федерации было поручено принять меры по повышению эффективности расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с пытками и истязаниями лиц, находящихся в местах лишения свободы [21].

При этом знаковым является то, что Всеобщая декларация прав человека (ООН, 1948) останется базовым документом в деятельности Совета по развитию гражданского общества и правам человека [22].

В 2022 г. Россия выбыла из Совета Европы. Такое решение России назревало в течение последних десяти лет. Однако выход из-под юрисдикции правозащитных органов Совета Европы, в частности Европейского суда по правам человека, должен стимулировать не ослабление, а, наоборот, усиление существующих механизмов защиты прав человека в России. В данной ситуации полагаем, что необходимы изменения и дополнения уголовно-исполнительного законодательства, в частности введения нормы о соблюдении тайны телефонных разговоров осужденных с адвокатом. На доктринальном уровне целесообразна дискуссия о создании надгосударственного института, контролирующего деятельность правоохранительных органов в целом и УИС в частности [23].

3. *Оптимизация организационно-структурного построения системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.* В рамках данного направления можно выделить три проекта, нашедших отражение в Концепции-2030 и Плане по ее реализации.

Первый – проект создания региональных и межрегиональных учреждений УИС объединенного типа. Официальная идеология данного проекта заключается в открытии таких учреждений, где смогут отбывать лишение свободы осужденные к разным видам режима (общего, строгого, особого), а также содержаться под стражей подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений.

Реализация данного проекта имеет определенные положительные последствия.

Во-первых, это позволило бы приблизиться к выполнению международных рекомендаций, а также действующего уголовно-исполнительного законодательства (ст. 73 УИК РФ) об отбывании осужденными наказания в виде лишения свободы по месту постоянного жительства. Применительно к географическим условиям России данное требование трансформируется в цель отбывания наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором осужденный проживал или был осужден либо в котором проживает его семья.

Во-вторых, за счет модернизации и унификации общих для всех исправительных учреждений и следственных изоляторов функций (осуществление надзора, обеспечение трудовой занятости, материально-технического обеспечения и т.п.) создание учреждений объединенного типа имеет явный экономический эффект, так как это позволило бы выполнить эти функции меньшим составом персонала.

В-третьих, создание учреждений объединенного типа позволило бы улучшить инфраструктуру городов России, особенно республиканских, краевых и областных центров. Недаром в Концепции-2030 в качестве вызова, обусловившего разработку и принятие данного концептуального документа, указано на необходимость рационального расположения учреждений УИС

в населенных пунктах, исключающее возможность негативного влияния на городскую среду и распространение среди молодежи криминальной субкультуры, а в основных направлениях поставлена задача передислокации учреждений УИС за пределы городов в районы с доступными коммуникациями и транспортной логистикой [24].

Кроме того, жилищное строительство, активно развернувшееся в последнее время во многих городах России, сталкивается с определенными трудностями инфраструктурного и экономического порядка. Во-первых, ощущается нехватка площадей для такой застройки. Между тем исправительные учреждения и тюрьмы были построены довольно давно, некоторые в позапрошлом веке. Некоторые из них оказались почти в центральной части городов и сдерживают их развитие.

Во-вторых, существует этическая проблема, напрямую влияющая на уровень жизни населения в городах. В них, как правило, возводится многоэтажное жилье, нередко просто небоскребы. И едва ли будет доставлять жителям этих домов вид из окон на исправительную колонию с ее распорядком дня. Кроме того, такое соседство не будет способствовать обеспечению режима и правопорядка в исправительном учреждении.

Учитывая масштабность проекта, создание первого учреждения объединенного типа планируется открыть в 2028 г. в Калужской области. В настоящее время готова проектно-сметная документация, в 2024 г. приступили к строительству. В будущем суперучреждении будут содержаться до четырех тысяч подозреваемых, обвиняемых и осужденных, трудиться в ней будут свыше одной тысячи двухсот работников персонала. Кроме того, согласно Генеральной схеме размещения учреждений УИС такие учреждения планируется открыть в Бурятии и новых присоединенных регионах России.

Проект открытия учреждений объединенного типа вызвал оживленную дискуссию в науке уголовно-исполнительного права. Одни авторы раскрывали преимущества открытия таких учреждений [25] и перспективы проекта [26], третьи акцентировали свое внимание на пространственном расположении и организационно-штатном наполнении объединенных учреждений [27], четвертые – на особенностях обеспечения режима и безопасности в них [28].

Не избежала идея объединенных учреждений и критических оценок. В последнее время с учетом происходящих в стране событий, а именно консолидации материальных ресурсов на выполнении задач специальной военной операции, проект открытия учреждений объединенного типа стал ассоциироваться с построением «сияющего града на холме», реальное воплощение которого, за счет внутренних ресурсов УИС, представляется похожим на «всеобщую тюремизацию», имевшую место в Концепции-2020 [29. С. 69]. Указанные позиции критического плана, на наш взгляд, имеют право на существование, поскольку на строительство в Калужской области первого учреждения объединенного типа согласно первичной смете потребуются свыше 12 млрд руб. Из опыта строительства в 2000–2016 гг. следственного изолятора «Кресты» в Санкт-Петербурге следует ожидать почти двойного увеличения данной суммы. Большие материальные затраты могут

скорректировать сроки реализации проекта либо даже его приостановку или исключение из концептуального документа.

Второй проект – это введение в России института пробации. Согласно официальной идеологии пробация должна быть способной обеспечить внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания, а также преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах отбывания уголовного наказания. С этой целью подготовлен и в 2023 г. принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации». При одобрении идеи внедрения в процесс исполнения уголовных наказаний пробационных технологий сам закон получил неоднозначную оценку среди специалистов. На наш взгляд, это связано с излишним применением в нормах закона иностранных терминов, имеющих неоднозначное понимание. Кроме того, содержание закона «занаучено», он больше похож на монографию, чем на свод норм. При этом в самом законе есть противоречия, особенно когда регламентируется пенитенциарная пробация.

Третий проект заключается в существенном развитии сети исправительных центров, в которых отбывают наказание осужденные к принудительным работам. Данный проект основывался на выводе о том, что в 2020–2021 гг. около 180 тыс. осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, имели право по решению суда на замену лишения свободы принудительными работами. С целью формирования желания осужденных попасть в исправительные центры предполагалось создание улучшенных жилищных и материально-бытовых условий отбывания принудительных работ, в том числе за счет коммерческих организаций. Все это постепенно было реализовано, однако проведение специальной военной операции на Украине с направлением в зоны боевых действий осужденных сократило круг лиц, которые могли бы быть переведены из исправительных учреждений в исправительные центры. Соответственно, указанное положение не позволило столь широко распространить исправительные центры, открыв их даже в местностях Крайнего Севера, что должно было повлечь зачет времени работы осужденных к принудительным работам в условиях Арктической зоны в срок отбывания наказания в льготном исчислении.

4. *Обеспечение безопасности УИС и иных субъектов уголовно-исполнительных отношений. Внедрение информационных технологий.* Современный этап существования государства и общества неразрывно связан с развитием и цифровой трансформацией. Существующие в настоящее время процессы цифровизации приобрели глобальный трансграничный характер, проникли практически во все сферы жизнедеятельности общества и государства, стали их неотъемлемой частью и непрерывно воздействуют на различных субъектов правоотношений, в том числе и в процессе уголовно-исполнительной деятельности.

В рамках данного направления запланировано создание комплексной системы защиты информационной системы, функционирующей в УИС, в том

числе защиты персональных данных как осужденных (проблема обеспечения права осужденных на защиту персональных данных во время отбывания лишения свободы как никогда актуальна в современных условиях [30]), так и персонала исправительных учреждений. Важный элемент безопасности – техническое оснащение исправительных учреждений и исправительных центров. Предполагается внедрение передовых интегрированных систем безопасности, современных технических средств охраны и надзора, а также использование технологий электронного контроля (электронные браслеты, беспроводные технологии и др.) и глобальных навигационных систем ГЛОНАСС (ГЛОНАСС/GPS).

Концепция-2030 содержит самостоятельный раздел XIV «Цифровая трансформация и научно-техническое развитие уголовно-исполнительной системы», в рамках которого предусмотрено, например, создание и развитие систем сбора и обработки данных и принятие решений на основе результатов применения искусственного интеллекта. Исходя из данной политико-правовой установки, в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» предусматривается ведение единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация. Под данным реестром понимается государственная информационная система, содержащая информацию о видах, сроках, результатах реализации мероприятий пробации, лицах, в отношении которых применяется пробация. Ведение единого реестра возложено на ФСИН России.

5. *Имплементация международных стандартов в уголовно-исполнительное законодательство и практическую деятельность УИС.* С момента принятия УИК РФ и до начала 2022 г. развитие уголовно-исполнительного законодательства происходило с учетом внешнеполитических факторов, которые были одними из наиболее значимых в системе факторов, оказывающих воздействие на развитие УИС [31. С. 20].

Вместе с тем в силу последних внешнеполитических событий рассматриваемое направление уголовно-исполнительной политики в настоящее время юридически и фактически утратило свое доминирующее значение. Так, Президент РФ на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от 4 декабря 2023 г. заявил: «...продолжается процесс деградации международной системы обеспечения и продвижения прав человека. Ее институты, фактически контролируемые Западом, демонстрируют политическую ангажированность, лицемерие и неприкрытую избирательность» [32]. В результате, например, после принятия Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» упоминания о ЕСПЧ были исключены из УИК РФ и ряда других нормативных правовых актов.

Однако, на наш взгляд, рассматриваемый фактор хотя и утратил свое доминирующее значение, но полностью не снят с повестки дня. Так, в отечественные законодательство и практику имплементированы не все стандарты

ООН, которые представлены в своем большинстве рекомендательными актами. Есть что поправить в российском законодательстве исходя из положений актов ООН, являющихся обязательными для исполнения государствами, включая Россию (Пакт ООН о гражданских и политических правах, Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания).

Кроме того, в настоящее время нет оснований для вывода о том, что полностью устранено влияние на уголовно-исполнительное законодательство и практику исполнения уголовных наказаний европейских стандартов обращения с осужденными. В заявлении Министерства иностранных дел РФ от 15 марта 2022 г. «О запуске процедуры выхода из Совета Европы» [33] констатируется, что «положения основных договорно-правовых актов Совета Европы включены в российское законодательство. Продолжится выполнение уже принятых постановлений Европейского Суда по правам человека, если они не противоречат Конституции Российской Федерации».

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Современная уголовно-исполнительная политика РФ достаточно динамична, она постоянно развивается и совершенствуется с учетом влияния на нее экономических, политических, социальных и духовных факторов.

При всем динамизме уголовно-исполнительной политики постоянными и приоритетными направлениями ее развития на протяжении последних десятилетий является гуманизация порядка и условий отбывания наказания и обеспечение прав и законных интересов осужденных. Однако такое постоянство уголовно-исполнительной политики не препятствует появлению новых направлений, которые находят свое отражение в действующем уголовно-исполнительном законодательстве и деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Выбытие в марте 2022 г. России из Совета Европы и выход из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека должны стимулировать не ослабление, а, наоборот, усиление существующих механизмов защиты прав человека в России. Как представляется, в сложившихся реалиях должны быть предприняты дополнительные меры по усилению национальных гарантий соблюдения прав осужденных, основанных в том числе на международных стандартах ООН в сфере обращения с заключенными. Также должны быть созданы новые международные площадки, в которых на равноправных началах полноценно участвует Российская Федерация.

Список источников

1. В Хакасии подавлен тюремный бунт, возбуждено уголовное дело. URL: http://www.trud.ru/article/25-07-2016/1340044_v_hakasii_podavlen_tjuremnyj_bunt_vozbuzhdeno_ugolovnoe_delo.html (дата обращения: 20.02.2024).

2. Избиения в ярославской колонии. URL: <https://ru.euronews.com/2018/07/22/yaroslavl-prison-scandal> (дата обращения: 20.02.2024).

3. Соболь: за убийством Навального стоит Путин. URL: <https://www.m.youtube.com/TVRain> (дата обращения: 20.02.2024).

4. Джо Байден возложил ответственность за смерть Алексея Навального на российские власти и пригрозил за нее «совсем другой ответственностью». URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/02/2024/65cfa0d99a79470f1dbd529a?ysclid=lsu3v5144j897389484&from=copy> (дата обращения: 20.02.2024).

5. МИД Франции вызвал посла России из-за смерти Навального. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65d3d08d9a7947ab28dc503b?ysclid=lsu434a5gp571651133&from=copy> (дата обращения: 20.02.2024).

6. Заседание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от 04.12.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72905> (дата обращения: 12.02.2024).

7. Путин обсудил меры по совершенствованию уголовных наказаний. URL: <https://tg.ru/2022/10/26/putin-obsudil-mery-po-sovershenstvovaniyu-ugolovnyh-nakazaniy.html?ysclid=lsodrlsl7o885909106> (дата обращения: 12.02.2024).

8. Правительство внесло в Госдуму законопроект об изменениях в уголовно-исполнительном законодательстве. URL: <http://government.ru/activities/selection/301/37471/> (дата обращения: 12.02.2024);

9. Селиверстов В.И. Совершенствование уголовно-исполнительной политики и законодательства в аспекте факторного подхода // Организация и правовое обеспечение деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2023. С. 111–117.

10. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы / С.В. Максимов, В.Л. Шульц, Л.Б. Алексеева [и др.]. М. : Проспект, 2021. 824 с.

11. Уткин В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика // Международный пенитенциарный журнал. 2017. № 1. С. 60–63

12. Уткин В.А. О некоторых аспектах уголовной и уголовно-исполнительной политики в современных внешнеполитических реалиях // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 27–28 октября 2022 года. Вып. 10. Томск : Том. ин-т повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 8–10.

13. Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительная наука как фактор развития уголовно-исполнительной политики и законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 169–174.

14. Лесников Г.Ю. К вопросу о принципах уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного права // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 187–188.

15. Кренслер Ф.Ф. Современная уголовно-исполнительная политика // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4. С. 159–166.

16. Уголовно-исполнительное законодательство. Проблемы Общей части : учеб. пособие / под ред. В.И. Селиверстова. Новокузнецк, 2022. 143 с.

17. Грушин Ф.В. Некоторые направления развития современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 3(9). С. 26–32.

18. Попов А.П., Морозов А.Ю. Болезнь осужденного как основание освобождения от наказания // Общество и право. 2012. № 5. С. 124–126.

19. Селиверстов В.И. Досрочное освобождение осужденных из мест лишения свободы вследствие тяжелого заболевания, препятствующего отбыванию наказания: нерешенные вопросы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 2. С. 102–108.

20. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/valeriy_fadeev_prakticheski_vse_podnyatye_na_vstreche_s_prezidentom_temy_nashli_otrazhenie_v_poruche/?special_version=Y&ysclid=lsk1fhhbui915261458 (дата обращения: 02.02.2024).
21. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 16.02.2024).
22. URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/press/vseobshchaya_deklaratsiya_prav_ostanetsya_bazovym_dokumentom_zayavili_v_spch/ (дата обращения: 02.02.2024).
23. Грушин Ф.В., Павлова Л.В. Уголовно-исполнительная система: современное состояние и возможные направления развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 4 (251). С. 18–25.
24. Селиверстов В.И., Посмаков П.Н. Концептуальные и организационные основы создания объединенных (многофункциональных) исправительных учреждений // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 59–64.
25. Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. Учреждения объединенного типа: постановка проблемы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 1. С. 9–12.
26. Горбань Д.В., Южанин В.Е. Комплексные исправительные учреждения на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4 (56). С. 733–741.
27. Усеев Р.З. Основы концепции учреждения уголовно-исполнительной системы объединенного типа (гипотеза): пространственное развитие, законодательство, правоприменение // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4 (45). С. 71–79.
28. Южанин В.Е., Горбань Д.В. Проблемные вопросы обеспечения режима и безопасности в исправительных учреждениях объединенного типа // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4 (55). С. 67–71.
29. Уткин В.А. К вопросу об учреждениях объединенного типа // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 67–80.
30. Сивцова А.Ю. Право на защиту персональных данных осужденных к лишению свободы: итоги анкетного исследования // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 124–129.
31. Селиверстов В.И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 19–29.
32. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/18/72905> (дата обращения: 03.02.2024).
33. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/?ysclid=lee02rb88t76885926 (дата обращения: 03.02.2024).

References

1. *Trud.* (2016) *V Khakasii podavlen tyuremnyy bunt, vzbuzhdeno ugovolnoe delo* [Prison riot suppressed in Khakassia, criminal case opened]. [Online] Available from: http://www.trud.ru/article/25-07-2016/1340044_v_xakasii_podavlen_tjuremnyj_bunt_vzbuzhdeno_ugolovnoe_delo.html (Accessed: 20th February 2024).
2. Euronews.com. (2018) *Izbieniya v yaroslavskoy kolonii* [Beatings in a Yaroslavl colony]. [Online] Available from: <https://ru.euronews.com/2018/07/22/yaroslavl-prison-scandal> (Accessed: 20th February 2024).
3. Youtube. (n.d.) *Sobol': za ubiystvom Naval'nogo stoit Putin* [Sobol: Putin is behind Navalny's murder]. [Online] Available from: <https://www.m.youtube.com/TVRain> (Accessed: 20th February 2024).
4. RBC. (n.d.) *Dzho Bayden vozlozhil otvetstvennost' za smert' Alekseye Naval'nogo na rossiyskie vlasti i prigrozil za nee "sovsem drugoy otvetstvennost'yu"* [Joe Biden blamed the death of Alexei Navalny on the Russian authorities and threatened "completely different responsibility" for it]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/>

16/02/2024/65cfa0d99a79470f1dbd529a?ysclid=lsu3v5144j897389484&from=copy (Accessed: 20th February 2024).

5. RBC. (n.d.) MID *Frantsii vyzval posla Rossii iz-za smerti Naval'nogo* [The French Foreign Ministry summoned the Russian ambassador due to Navalny's death]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65d3d08d9a7947ab28dc503b?ysclid=lsu434a5gp571651133&from=copy> (Accessed: 20th February 2024).

6. Russian Federation. (2024) *Zasedanie Soveta pri Prezidente RF po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka ot 04.12.2024* [Meeting of the Presidential Council for Civil Society and Human Rights, December 4, .2024]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/72905> (Accessed: 12th February 2024).

7. RG.ru. (2022) *Putin obsudil mery po sovershenstvovaniyu ugolovnykh nakazaniy* [Putin discussed measures to improve criminal penalties]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/10/26/putin-obsudil-mery-po-sovershenstvovaniyu-ugolovnykh-nakazaniy.html?ysclid=lsodrlsl7o885909106> (Accessed: 12th February 2024).

8. Russian Federation. (n.d.) *Pravitel'stvo vneslo v Gosdumu zakonoproekt ob izmeneniyakh v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve* [The government submitted to the State Duma a bill on amendments to the criminal executive legislation]. [Online] Available from: <http://government.ru/activities/selection/301/37471/> (Accessed: 12th February 2024).

9. Seliverstov, V.I. (2023) *Sovershenstvovanie ugolovno-ispolnitel'noy politiki i zakonodatel'stva v aspekte faktornogo podkhoda* [Improving the penal policy and legislation in the aspect of the factor approach]. In: *Organizatsiya i pravovoe obespechenie deyatel'nosti organov i uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v sovremennykh usloviyakh* [Organization and legal support for the activities of bodies and institutions of the penal system in modern conditions]. Proc. of the Conference. pp. 111–117.

10. Maksimov, S.V., Shults, V.L., Alekseeva, L.B. et al. (2021) *Ugolovnaya politika Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy* [Criminal Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects]. Moscow: Prospekt.

11. Utkin, V.A. (2017) *Sudebnaya praktika i ugolovno-ispolnitel'naya politika* [Judicial practice and penal policy]. *Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy zhurnal*. 1. pp. 60–63

12. Utkin, V.A. (2022) *O nekotorykh aspektakh ugolovnoy i ugolovno-ispolnitel'noy politiki v sovremennykh vneshnepoliticheskikh realiyakh* [On some aspects of criminal and penal policy in modern foreign policy realities]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo* [Penal System: Pedagogy, Psychology and Law]. Proc. of the Conference. Tomsk, October 27–28, 2022. Vol. 10. Tomsk: Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service. pp. 8–10.

13. Grushin, F.V. (2017) Penology as a factor in the development of penal policy and legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 169–174. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/24

14. Lesnikov, G.Yu. (2023) *K voprosu o printsipakh ugolovno-ispolnitel'noy politiki i ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [On the principles of penal policy and penal law]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 5(221). pp. 187–188.

15. Krensler, F.F. (2010) *Sovremennaya ugolovno-ispolnitel'naya politika* [Modern Penal Policy]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4. pp. 159–166.

16. Seliverstov, V.I. (ed.) (2022) *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo. Problemy Obschey chasti* [Penal Legislation. Problems of the General Part]. Novokuznetsk: [s.n.].

17. Grushin, F.V. (2021) *Nekotorye napravleniya razvitiya sovremennoy ugolovno-ispolnitel'noy politiki Rossiyskoy Federatsii* [Some directions of development of the modern penal policy of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 3(9). pp. 26–32.

18. Popov, A.P. & Morozov, A.Yu. (2012) *Bolezn' osuzhdenного kak osnovanie osvobozhdeniya ot nakazaniya* [Illness of a convict as a basis for release from punishment]. *Obshchestvo i pravo*. 5. pp. 124–126.

19. Seliverstov, V.I. (2022) Dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennykh iz mest lisheniya svobody vsledstvie tyazhelogo zabolovaniya, prepyatstvuyushchego otbyvaniyu nakazaniya: nereshennye voprosy [Early release of convicts from places of imprisonment due to a serious illness that prevents them from serving their sentence: unresolved issues]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*. 2. pp. 102–108.

20. Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights. (2024) *Valeriy Fadeev: Prakticheski vse podnyatye na vstreche s Prezidentom temy nashli otrazhenie v porucheniakh* [Valery Fadeyev: Almost all the topics raised at the meeting with the President were reflected in the instructions]. [Online] Available from: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/valeriy_fadeev_prakticheski_vse_podnyatye_na_vstreche_s_prezidentom_temy_nashli_otrazhenie_v_poruche/?special_version=Y&ysclid=lsk1f1hbui915261458 (Accessed: 2nd February 2024).

21. Russian Federation. (2024) *Perechen' porucheniyy po itogam zasedaniya Soveta po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [List of instructions following the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (Accessed: 16th February 2024).

22. Russian Federation. (2024) *Vseobshchaya deklaratsiya prav ostanetsya bazovym dokumentom, zayavili v SPCh* [The Universal Declaration of Human Rights will remain the basic document, the HRC said]. [Online] Available from: https://www.president-sovet.ru/presscenter/press/vseobshchaya_deklaratsiya_prav_ostanetsya_bazovym_dokumentom_zayavili_v_spch/ (Accessed: 2nd February 2024).

23. Grushin, F.V. & Pavlova, L.V. (2023) Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: sovremennoe sostoyanie i vozmozhnye napravleniya razvitiya [Penal system: The current state and possible directions of development]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 4(251). pp. 18–25.

24. Seliverstov, V.I. & Posmakov, P.N. (2021) Kontseptual'nye i organizatsionnye osnovy sozdaniya ob"edinennykh (mnogofunktsional'nykh) ispravitel'nykh uchrezhdeniy [Conceptual and organizational foundations for the creation of united (multifunctional) correctional institutions]. *Bezopasnost' biznesa*. 4. pp. 59–64.

25. Antipov, A.N. & Strogovich, Yu.N. (2022) Uchrezhdeniya ob"edinennogo tipa: postanovka problemy [Combined-type institutions: problem statement]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 1. pp. 9–12.

26. Gorban, D.V. & Yuzhanin, V.E. (2021) Kompleksnye ispravitel'nye uchrezhdeniya na so-vremennom etape reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Integrated correctional institutions at the current stage of reforming the penal system of the Russian Federation]. *Penitentsiarnaya nauka*. 15(4-56). pp. 733–741.

27. Useev, R.Z. (2021) Osnovy kontseptsii uchrezhdeniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy ob"edinennogo tipa (gipoteza): prostranstvennoe razvitie, zakonodatel'stvo, pravoprimerenie [Fundamentals of the concept of an institution of the penal system of a combined type (hypothesis): Spatial development, legislation, law enforcement]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 4(45). pp. 71–79.

28. Yuzhanin, V.E. & Gorban, D.V. (2023) Problemnye voprosy obespecheniya rezhima i bez-opasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ob"edinennogo tipa [Problem issues of ensuring the regime and security in combined-type correctional institutions]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 4(55). pp. 67–71.

29. Utkin, V.A. (2023) On the combined-type institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 49. pp. 67–80. (In Russian).

30. Sivtsova, A.Yu. (2022) Pravo na zashchitu personal'nykh dannykh osuzhdennykh k lishe-niyu svobody: itogi anketnogo issledovaniya [The right to protect personal data of persons sentenced to imprisonment: results of a questionnaire study]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 5(51). pp. 124–129.

31. Seliverstov, V.I. (2023) Sovershenstvovanie ugovovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh: osnovnye faktory i napravleniya [Improving the penal legislation in modern conditions: Main factors and directions]. *Penitentsiarnaya nauka*. 17(1-61). pp. 19–29.

32. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/18/72905> (Accessed: 3rd February 2024).

33. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2022) *Zayavlenie MID Rossii o zapuske protsedury vykhoda iz Soveta Evropy* [Statement by the Russian Foreign Ministry on the launch of the procedure for leaving the Council of Europe]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/?ysclid=lee02rb88t76885926 (Accessed: 3rd February 2024).

Информация об авторах:

Селиверстов В.И. – профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vis_home@list.ru

Грушин Ф.В. – доцент, доктор юридических наук, главный научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: fedor062@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Seliverstov V.I., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vis_home@list.ru

Grushin F.V., Doctor of Law, Associate Professor, Chief Scientific Officer, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: fedor062@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 341.01

doi: 10.17223/22253513/53/6

Формирование ценностей в международном праве: историко-правовой анализ

Екатерина Сергеевна Третьякова¹

¹ *Пермский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Пермь, Россия, etretyakova@hse.ru*

Аннотация. Правовые ценности» как дискуссионная категория, не исследовались ранее в международном праве, тем более в контексте историко-правового анализа. Проведен теоретико-правовой анализ категории «правовые ценности», установлено их соотношение с принципами права, осуществлен историко-правовой анализ формирования ценностей в международном праве XIX в., дана их характеристика и определено значение, в том числе для современного международного права.

Ключевые слова: правовые ценности, принципы права, история международного права

Для цитирования: Третьякова Е.С. Формирование ценностей в международном праве: историко-правовой анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 82–90. doi: 10.17223/22253513/53/6

Original article

doi: 10.17223/22253513/53/6

Formation of values in international law: historical and legal analysis

Ekaterina S. Tretyakova¹

¹ *Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics,
Perm, Russian Federation, etretyakova@hse.ru*

Abstract. At present, in the transitional period of the evolution of the international legal system, it becomes more relevant than ever to turn to historical and legal studies of various aspects of the formation of international law, to search for political and legal constants, evolutionary regularities, legal traditions and, of course, legal values formed at previous stages, because it is they who keep the results of past legal activity and allow understanding and reforming the current legal systems, determining the conceptual vectors of development.

Legal values, among other things, have a direct normative form. First of all, these are principles of law as basic principles reflecting the general format of legal regulation in a particular legal system at a particular stage of its development. Principles allow

building a legal system in accordance with the (ideal) attitudes of society, their non-recognition or ignoring leads to various kinds of conflict situations in society.

Principles of law are designed to fulfil the axiological function, which consists in the fact that they include the understanding of values in law, in the legal system, legislate the basis of the legal ideal.

International law, as well as national law, can certainly be considered as an object of value relation from the standpoint of the categories of good and evil, true and untrue, permissible or prohibited, just and unjust.

International law as an independent legal system has been recognised since the 19th century, at the same time, as a result of the intensification of international relations, international law was actively developed. In parallel, the corresponding international legal values began to be formed, including those reflected in the principles of international law, which in this period have not yet been legally formalised, however, on the basis of the analysis of international legal relations can be formulated. In the author's opinion, such principles include the principle of co-operation, the principle of settling disputes by peaceful means, the prohibition of trade in Negroes, and the legal status of diplomatic representatives and consular agents. These principles are directly related to the international legal values that were in the process of formation.

In the course of the conducted research it was established that in the XIX century, the period of active formation of international law, including the formation and formalisation of international legal values took place. Despite the fact that the considered legal values and relevant principles back in the XIX century, we cannot but note that they have their direct significance for modern international law. Moreover, international legal values are in direct relationship with the legal values of individual states and influence national legal systems and their values.

Keywords: legal values, principles of law, history of international law

For citation: Tretyakova, E.S. (2024) Formation of values in international law: historical and legal analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 82–90. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/6

В настоящее время, в переходный период эволюции международно-правовой системы, как никогда становится актуальным обращение к историко-правовым исследованиям различных аспектов формирования международного права, поиск политико-правовых констант, эволюционных закономерностей, правовых традиций и, безусловно правовых ценностей, сформированных на предыдущих этапах, ведь именно они хранят результаты прошлой правовой деятельности и позволяют понимать и реформировать действующие правовые системы, определяя концептуальные векторы развития.

Проблема определения понятия ценностей является одной из наиболее сложных, оно используется практически во всех сферах философского знания, при этом дискуссионным остается вопрос, являются ли ценности, лежащие в основе права, непосредственно юридическими или носят нравственный характер, есть ли у них всеобщие философские основания? Так, О.В. Мартышин ссылается на то, что право должно быть справедливым, следовательно, есть представление о справедливости, к которой и стремится право [1. С. 6], с этой позицией не согласен профессор В.С. Нерсисянц который в своих трудах отмечает, что в праве и государстве не применяются всеобщие ценности философско-этического порядка, а наоборот, создаются

собственные ценности, которые затем признаются и применяются в различных областях жизни [2. С. 28].

Представляется, что многочисленные трактовки правовых ценностей в определенной степени условны, ведь правовые ценности синкретичны, подвижны и историчны, выбор аспекта и критерия для классификации может зависеть от различных факторов. В задачу настоящего исследования не входит глубокий анализ понимания сущности права, правовых ценностей. Автор придерживается позиции, что право обладает дуалистической природой, являясь, с одной стороны, трансцендентной ценностью, с другой – безусловной ценностью – средством, стоящим на службе у общества и государства, поэтому право можно рассматривать и с позиции социального позитивизма, как продукт развития общества и государства, соответственно, имеет свою форму. При этом стоит отметить, что правовые ценности не являются следствием правовых норм, их юридического оформления, а наоборот, влияют на их содержание, определяя причины их возникновения и исчезновения, например, справедливость, права человека, правовая культура, правовое мышление, правосознание, безопасность, защищенность.

Существуют различные определения правовых ценностей. Д.В. Деккерт определяет состав правовых ценностей как систему правовых знаний, взглядов, правовые установки и ценностные ориентации [3. С. 146]. Доктор юридических наук А.Н. Бабенко под правовыми ценностями понимает формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые переживаются и определяются культурой, предопределяют выбор поведения, а также юридическую оценку событий [4. С. 14]. У Е.В. Быковой мы видим, что «правовые ценности – это существенно значимые и обусловленные культурой формы позитивного отношения людей к правовой действительности, которые определяют выбор поведения, соответствующий правовой системе общества, а также юридическую оценку событий» [5. С. 22]. «Правовые ценности, – отмечает А.В. Скоробогатов, – определяют нормативную основу, обеспечивающую возможность существования правовой реальности» [6. С. 20].

Логически возникает вопрос: имеют ли правовые ценности непосредственное нормативное оформление? Как представляется, ответ на этот вопрос должен быть положительным и связан, в первую очередь, с принципами права как базовыми началами, отражающими общий формат правового регулирования в конкретной правовой системе на конкретном этапе ее развития. Принципы позволяют выстраивать правовую систему в соответствии с (идеальными) установками общества, их непризнание или игнорирование приводит к различного рода конфликтным ситуациям в обществе. Поэтому, продолжая говорить о праве, следует отметить, что его содержательное единство не в последнюю очередь обуславливается определенной «моральной базой», признаваемой государством или государствами.

Принципы права призваны выполнять аксиологическую функцию, которая состоит в том, что они включают понимание ценностей в праве, в правовой системе, закрепляют законодательно основы правового идеала.

Важно отметить, что принципы права выступают не только отражением некоторых идеальных представлений о правовых явлениях, но и на практике направлены на развитие, усовершенствование ценностей права, на придание правовым феноменам ценностных свойств.

При этом нельзя не согласиться с мнением М.С. Балаянца, что правовед не в состоянии выйти за пределы бытия своей правовой системы, он включен в бытие, а поэтому его познание всегда детерминировано ценностями, укоренившимися в правовой системе [7]. Таким образом, стоит признать, что, анализируя правовые ценности, представляется нецелесообразным абстрагироваться от соответствующих закономерностей возникновения, функционирования и развития правовых систем.

Поддерживая подход С.С. Алексеева о делении правовых ценностей на ценности правовой системы и ее отдельных отраслей, которые существуют в качестве ценностей публичного и частного права, автор настоящего исследования считает возможным использовать и категорию «международно-правовые ценности» или категорию «ценности в международном праве».

Международное право, как и право национальное, безусловно, могут рассматриваться как объекты ценностного отношения с позиций категорий добра и зла, истинного и неистинного, допустимого или запретного, справедливого и несправедливого.

Международное право как самостоятельная правовая система стало признаваться начиная с XIX в., в это же время в результате интенсификации международных отношений получило активное развитие и международное право. Параллельно стали формироваться соответствующие международно-правовые ценности, в том числе нашедшие отражение в принципах международного права, которые в обозначенный период еще не были юридически оформлены, однако на основе анализа международно-правовых отношений могут быть сформулированы. К таковым, по мнению автора, следует отнести принцип сотрудничества, принцип разрешения споров мирными средствами, запрет торговли неграми, правовой статус дипломатических представителей и консульских агентов. Данные принципы непосредственно связаны с международно-правовыми ценностями, находившимися в процессе формирования.

Сотрудничество как ключевая правовая ценность одной из первых была осознана государствами, о чем свидетельствует увеличение спектра межгосударственных отношений, связанных с увеличением количества совпадающих интересов, обширная договорная практика, увеличение количества международных конгрессов и конференций, а также появление такой формы межгосударственного сотрудничества на постоянной основе, как международные административные союзы, ставшие первой ступенью, предпосылкой появления современных международных организаций. Автором в ходе исследования соответствующих вопросов были определены следующие направления сотрудничества государств в обозначенный период: территориальное разграничение и юридическое закрепление государственных границ, включая вопросы обеспечения безопасности; внешнеэкономическая

деятельность и непосредственно связанная с ней таможенная сфера; вопросы подданства, определение основ правового статуса иностранцев и некоторые аспекты, связанные с эмиграцией; предоставление на взаимной основе подданным иностранных государств различных личных и имущественных прав; взаимодействие в области решения вопросов наследования имений; вопросы выдачи наследств и взимания пошлин за вывоз, в том числе наследуемого имущества; принятие норм, регламентирующих производство по гражданским делам, и оказание соответствующей правовой помощи; регулирование семейных отношений с иностранным элементом; защита авторских прав; вопросы уголовного права и судопроизводства, в том числе оказание правовой помощи по уголовным делам, включая выдачу преступников [8].

Все большее значение стали приобретать такие ценности, как международный правопорядок, безопасность и разрешение споров мирными средствами, что непосредственно связано с сотрудничеством государств. Именно в XIX в., начиная с Венского конгресса 1815 г. в рамках сотрудничества государств была выстроена первая международная система безопасности, просуществовавшая до Первой мировой войны, в результате в период с 1816 до 1914 г. не было ни одного конфликта, который перерос бы во всеобщий, и никаких боевых действий, которые перевернули бы внутренний порядок в государствах или нарушили эволюционное развитие государств и формирующегося международного правопорядка, что еще раз подтверждает ее эффективность и стабильность.

Первые попытки создания контрольных механизмов – комиссий, также имели место в рассматриваемый период, однако нельзя не указать на формирование первого органа международного правосудия, которым был международный арбитраж, или третейский суд.

С точки зрения терминологии используются именно указанные два понятия: «международный публичный арбитраж» и «международный третейский суд», что более характерно для работ русских ученых, занимавшихся исследованием данного вопроса. Большинство ученых определяли международный третейский суд как юридическое средство для разрешения международных разногласий [9. С. 354]. Более полное определение, отражающее основные качественные характеристики третейского суда, дает М. Немировский, по мнению которого, «можно определить международный третейский суд как юридическое средство для разрешения несогласий между государствами, на началах международного права посредством судей, избранных с общего согласия спорящих» [10. С. 88–89].

Большинство ученых сходятся во мнении, что юридическая основа института арбитража стала формироваться с момента оформления системы арбитражных соглашений между государствами начиная с 1794 г., когда США и Англия заключили договор Джея, согласно которому государства обязались пограничные споры передавать на разрешение смешанных арбитражных комиссий. Так, до 1871 г. США заключили 171 соглашение об арбитражном разбирательстве со странами Латинской Америки.

Наиболее известным был Вашингтонский договор 1870 г. между США и Англией по делу крейсера «Алабама» [11. С. 45]. Вообще, в XIX в. особенно часто третейское разбирательство применялось именно Соединенными Штатами Америки, благодаря чему Новый Свет считается родиной третейского суда как института международного права. Европейские государства (в том числе Россия), за исключением Англии, обращались к третейскому разбирательству в редких случаях, однако согласно общей статистике, картина следующая: в 1794–1820 гг. – 9 случаев третейского разбирательства; в 1820–1840 гг. – 8; в 1840–1860 гг. – 19; в 1860–1870 гг. – 20; в 1870–1880 гг. – 21; в 1880–1890 гг. – 27; в 1890–1899 гг. – не менее 41 случая третейского разбирательства [12. С. 11–12], что свидетельствует о том, что данный институт доказал свою состоятельность и эффективность в деле разрешения межгосударственных споров.

Постепенно формировалась и такая ценность, как права человека, о чем свидетельствует установление запрета на торговлю неграми¹. Первый договор, носящий декларативный характер, между западноевропейскими странами относительно данного вопроса был принят 27 января (8 февраля) 1815 г. на Венском конгрессе, декларация «О прекращении торгога неграми» провозглашала: «Отрасль торговли, известная под именованьем торгога Африканскими неграми, была добродетельными и просвещенными людьми всех времен почитаема противною законам и человеколюбию и общей нравственности». Таким образом, государи европейских держав высказывали желание положить конец торговле неграми, которая признавалась противоречащей началам человеколюбия и нравственности. «Полномочные признают... что в сей общей декларации не может быть предназначено время, которое каждая держава в особенности почтет приличнейшим для окончательного прекращения торгога неграми, и, следственно, определение срока, к коему сия ненавистная торговля должна быть прекращена повсюду, остается предметом переговоров между дворами; между тем, однако же, торжественно постановляется, что оными не будет забыто или упускаемо никакое средство, могущее дать вернейший и скорейший ход сему делу, и что взаимная обязанность, через настоящую декларацию державами принимаемая, тогда только будет исполнена, когда успех увенчает их единодушные усилия». Данную декларацию подписали представители России, Австрии, Великобритании, Пруссии, Швеции, Испании, Португалии и Франции.

Установление правового статуса дипломатических и консульских агентов связано с пониманием необходимости их более серьезного правового обеспечения и защиты в связи с выполнением соответствующих полномочий.

На примере Консульской конвенции России с Испанией от 11 февраля 1876 г. обозначим консульские иммунитеты и привилегии, закрепляемые в

¹ В XIX в. данный термин был абсолютно политически корректным и активно использовался, в том числе в правовых актах

XIX в. на уровне консульских конвенций¹: изъятие от военного постоя и воинских повинностей; изъятие от налогов, кроме случаев владения недвижимым имуществом или осуществления торговой деятельности либо промысла; иммунитет от ареста и тюремного заключения по уголовным делам («кроме как за такие дела и действия, которые по законам того государства, где учинено было правонарушение, должны подлежать в Российской империи ведению суда с присяжными заседателями...»); при осуществлении торговой деятельности – возможность личного задержания исключительно по торговым делам; изъятия относительно возможности привлечения консулов в качестве свидетелей, а именно они были «обязаны давать свои свидетельские показания, когда местные судебные установления признают это нужным. Но судебная власть должна в таком случае приглашать их к явке официальным письмом». В этих же конвенциях предусматривались следующие привилегии: выставлять над наружной дверью щит с государственным гербом с надписью, либо поднимать флаг на доме консульства, а также на судах, на которых они выходят в порт для осуществления своих обязанностей, при этом данные символы государственной власти не предоставляли соответствующим местам возможности обеспечения права убежища; неприкосновенность консульских архивов, при этом выдвигалось требование, что соответствующие бумаги должны храниться отдельно от иной документации.

На основании принципа взаимности все европейские государства в рассматриваемый период признавали за консулами соответствующие привилегии и иммунитеты, кроме Англии, не признававшей за иностранными консулами никаких прав и преимуществ, что, однако, не мешало ей, на основании права «наиболее благоприятствуемой державы», требовать, чтобы таковые были признаны за ее консулами за границей [13. С. 81]. В качестве соответствующей ценности можно определить необходимость обеспечения и защиты лиц, обладающих особым статусом.

Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что в XIX в., в период активного формирования международного права, в том числе происходило становление и оформление международно-правовых ценностей. Несмотря на то что рассмотренные правовые ценности и соответствующие принципы были оформлены еще в XIX в., нельзя не отметить, что они имеют свое непосредственное значение и для современного международного права.

Международно-правовые ценности находятся в непосредственной взаимосвязи с правовыми ценностями отдельных государств. Оказывали ли международно-правовые ценности влияние на национальные правовые системы и их ценности? Конечно да. На основе опыта Российского государства можно

¹ Справедливости ради необходимо отметить, что данная формулировка еще не установилась и не закрепились в практике межгосударственного общения исследуемого периода.

констатировать, что международное право стало ресурсом, посредством которого правовые ценности (изначально европейских государств) стали распространяться на Российское государство и иные государства мира, в свою очередь Российское государство принимало непосредственное участие в формировании международно-правовых ценностей. На основе данных ценностей сформировались основополагающие принципы современного международного права, которые можно определить как концентрированное воплощение общечеловеческих ценностей, имеющих гуманистическую антивоенную природу и нацеленность на справедливое мироустройство, обеспечение сотрудничества, международного мира и безопасности.

Вопросы о ценности тех или иных социальных явлений особенно актуализируются в переходные периоды, когда происходят попытки их реформирования и дискредитации, нарушения основных императивов. Именно такой период переживает сейчас международное право, которое, с одной стороны, не должно потерять своей ценности, с другой – сохранить в основе сформированные на предыдущих этапах правовые ценности – они не должны потерять своего значения, усилия государств должны быть направлены на восстановление их авторитета, укрепление и обеспечение.

Список источников

1. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.
2. Нерсесянц В.С. Философия права : учеб. для вузов. М. : Инфа-М; Норма, 1997. 848 с.
3. Декерт Д.В. Правовые ценности как элемент профессиональной культуры юристов // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1 (4). С. 145–147.
4. Бабенко А.Н. Правовые ценности и их освоение личностью : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 395 с.
5. Бычкова Е.В. Понимание целевой направленности исследования ценностей правовой культуры // Юридическая мысль. 2015. № 4 (90). С. 3–9.
6. Скоробогатов А.В. Правовая ценность как юридическая категория // Правовая культура. 2017. № 3 (30). С. 15–24.
7. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.
8. Третьякова Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения внешнеполитической деятельности Российской империи в XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 552 с.
9. Камаровский Л. О международном суде. М., 1880. 542 с.
10. Немировский М. О третейском международном суде // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете. 1898. Кн. 4. (Апрель). С. 88–89.
11. Кудряшов С.М. Международные третейские суды : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 149 с.
12. Третейские суды XIX века. Очерки теории и практики. М. : Университетская тип., 1903. 316 с.
13. Вейнер А.П. Консулы в христианских государствах Европы и Северо-Американских Соединенных штатах. СПб., 1894. 251 с.

References

1. Martyshin, O.V. (2004) Problemy tsennostey v teorii gosudarstva i prava [Problems of Values in the Theory of State and Law]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 5–14.
2. Nersesyants, V.S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Infa-M – Norma.
3. Dekkert, D.V. (2015) Pravovye tsennosti kak element professional'noy kul'tury yuristov [Legal values as an element of the professional culture of lawyers]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 1 (4). pp. 145–147.
4. Babenko, A.N. (2002) *Pravovye tsennosti i ikh osvoenie lichnost'yu* [Legal values and their development by an individual]. Law Dr. Diss. Moscow.
5. Bychkova, E.V. (2015) Ponimanie tselevoy napravlenosti issledovaniya tsennostey pravovoy kul'tury [Understanding the Target Focus of the Study of Legal Culture Values]. *Yuridicheskaya mysl'*. 4(90). pp. 3–9.
6. Skorobogatov, A.V. (2017) Pravovaya tsennost' kak yuridicheskaya kategoriya [Legal value as a legal category]. *Pravovaya kul'tura*. 3(30). pp. 15–24.
7. Balayants, M.S. (2007) *Fundamental'nye pravovye tsennosti sovremennogo obshchestva* [Fundamental legal values of modern society]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
8. Tretyakova, E.S. (2022) *Gosudarstvenno-pravovoy mekhanizm obespecheniya vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti Rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX vv.* [State and legal mechanism for ensuring foreign policy activities of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
9. Kamarovskiy, L. (1880) *O mezhdunarodnom sude* [On the International Court]. Moscow: [s.n.].
10. Nemirovskiy, M. (1898) O treteyskom mezhdunarodnom sude [On the International Arbitration Court]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom Universitete*. 4. pp. 88–89.
11. Kudryashov, S.M. (1999) *Mezhdunarodnye treteyskie sudy* [International Arbitration Courts]. Law Dr. Diss. Moscow.
12. Golubev, N.N. (1903) *Treteyskie sudy XIX veka. Ocherki teorii i praktiki* [Arbitration Courts of the 19th Century. Essays on Theory and Practice]. Moscow: Universitetskaya tip.
13. Veyner, A.P. (1894) *Konsuly v khristianskikh gosudarstvakh Evropy i Severo-Amerikanskikh Soedinnennykh shtatakh* [Consuls in the Christian States of Europe and the North American United States]. St. Petersburg: [s.n.].

Информация об авторе:

Третьякова Е.С. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь, Россия). E-mail: etretyakova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5303-8633

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tretyakova E.S., Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: etretyakova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5303-8633.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023;
одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 23.06.2023;
approved after reviewing 17.09.2023; accepted for publication 30.09.2024.

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 343

doi: 10.17223/22253513/53/7

Действия коррупционной направленности в образовательной системе: проблемы квалификации

Дина Викторовна Алонцева¹, Ольга Анатольевна Лаврищева²

¹ *Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
dina.alontseva@mail.ru*

² *МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия,
lavrischeva-olga@mail.ru*

Аннотация. Одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации является развитие образовательной среды. Административная реформа, проводимая в системе органов государственной власти, затронула и образовательную сферу, активизировав вопросы антикоррупционной безопасности, что является важным составным элементом национальной безопасности Российской Федерации. Действия коррупционной направленности в образовательной системе негативно сказываются на качестве образовательного процесса, правосознании граждан, на оценке образовательных ценностей. В настоящее время противодействие коррупции в сфере образования осуществляется посредством традиционных административно-правовых методов общего характера, и это дает свои результаты. В статье сделан акцент на проведении мероприятий, направленных на противодействие действиям коррупционной направленности, в частности, на совершенствование законодательства в сфере образования; ужесточение наказания за взяточничество в образовательной сфере; проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение коррупционных действий в образовательной среде; реорганизация системы управления образованием; реализация целого комплекса мероприятий просветительского характера, направленных на повышение правосознания граждан, информационной открытости в сфере отечественного антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: действия коррупционной направленности, образовательные правоотношения, проблемы квалификации

Для цитирования: Алонцева Д.В., Лаврищева О.А. Действия коррупционной направленности в образовательной системе: проблемы квалификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 91–109. doi: 10.17223/22253513/53/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/53/7

Corruption-related actions in the educational system: problems of qualification

Dina V. Alontseva¹, Olga A. Lavrishcheva²

¹ *Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, dina.alontseva@mail.ru*

² *MIREA – Russian Technological University, lavrishcheva-olga@mail.ru*

Abstract. The article examines corruption practices in the educational sphere and identifies the problems of qualification of these crimes through the prism of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

The authors note that corruption is one of the greatest global threats of our time, having a devastating impact on various aspects of public life, including the education system.

Being a complex phenomenon, corruption does not have a single definition, but has various manifestations (for example, bribery, abuse of office, illegal enrichment, etc.).

In the context of the ongoing administrative reform affecting the system of public authorities, special attention is paid to anti-corruption security issues as an important element of the national security of the country.

Corrupt actions in the educational system have a negative impact on the quality of the educational process, the legal awareness of citizens and the perception of educational values. In the education system, bribery is the most common manifestation of corruption.

Taking into account the harmful consequences of corruption, the authors draw attention to the need to combat it in the education system, highlighting the following problems: the lack of a unified theoretical and empirical base for organizing a mechanism for preventing and eradicating corruption in the higher education system; insufficient development of theoretical and methodological approaches to the implementation of forms of socio-legal control of corruption in relation to higher education institutions; low the level of effectiveness of the impact of anti-corruption mechanisms in the higher education system.

Using the materials of law enforcement practice, the authors characterize "corruption crimes" in the field of education, define the boundaries of the corpus delicti, and the problems of its qualification within the framework of a separate article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Based on the results of the study, the authors formulated a number of proposals aimed at creating effective organizational and legal mechanisms for anti-corruption security in the field of education and increasing the competitiveness of educational services. Firstly, legislative initiatives (development of an anti-corruption strategy in education), detailing the legal definition of "corruption in the educational sphere", tougher penalties for acts of a corrupt nature. Secondly, preventive measures that prevent and suppress corrupt practices in the educational environment. Thirdly, the state management of the education system, aimed at effective and comprehensive monitoring of compliance by universities with federal legislation. The authors emphasize the importance of educational initiatives that promote information awareness and transparency in the implementation of anti-corruption programs in the field of education.

Keywords: corruption-related actions, educational legal relations, qualification problems

For citation: Alontseva, D.V. & Lavrishcheva, O.A. (2024) Corruption-related actions in the educational system: problems of qualification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 91–109. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/7

Коррупция как социальное явление известна обществу очень давно. В настоящее время это понятие является неотъемлемой частью жизни людей. Коррупция является деформационным фактором социальной жизни [6], способствует «подрыву доверия к государственным институтам» [7. С. 37].

Как отмечает ряд исследователей, «на сегодняшний день вопрос о том, можно ли победить коррупцию, остается открытым» [13. С. 111]. Российские ученые к определению коррупции подходят с разных позиций. К примеру, И.А. Дамм определяет двойственный характер коррупционных преступлений, выделяя двух участников – пассивного (должностное лицо, использующее свое положение) и активного (лица, получающее выгоду за определённое вознаграждение) [11. С. 7–8]. Н.Н. Меньшенина выделяет узкое (взяточничество) и широкое («чиновничье предпринимательство») понимание коррупции, определяя перечни действий, относящихся к каждой категории [12. С. 43–44].

Коррупция – это системное явление, поражающее все сферы общественной жизни, в том числе и образовательную среду, и связанная среди прочего с развитием платных образовательных услуг [6]. Правовая основа противодействия коррупции заложена в Основном законе государства, закрепляющем приоритет норм Конституции над всей системой законодательства [1]. Отечественное законодательство раскрывает понятие коррупции с разных позиций, в частности, как «злоупотребление правом» [2], «угрозу национальной безопасности» [4]. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 стал важным шагом в борьбе с коррупцией не только в государственных структурах, но и в образовательной среде. Национальная стратегия противодействия коррупции и сопутствующий Национальный план были призваны создать эффективные механизмы для пресечения коррупционных проявлений во всех сферах [5].

Образование в России выступает основополагающим направлением развития. Реформирование образовательной среды на современном этапе активировало необходимость принятия системных мер в сфере антикоррупционной безопасности.

Как отмечают отечественные ученые, «на сегодняшний день коррупционные проявления можно встретить на всех ступенях российского образования <...> данное антисоциальное явление достигло наибольших размеров в высшей школе» [10]. Как показывает практика, коррупционные проявления в системе образования разнообразны, к их числу, в частности, можно отнести: нецелевое расходование бюджетных (муниципальных) средств; взятки при проведении мероприятий, направленных на оценку качества образования; проведение подготовительных курсов с гарантией поступления; денежные вознаграждения за поступление, за сдачу аттестаций и др. По нашему мнению, «коррупционность образовательной системы влияет не только на качество

образования, но и на уровень правосознания граждан, формируя идеологический вакуум в оценке образовательных ценностей» [9. С. 5–8].

Теоретической базой исследования являются взгляды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся исследованием структуры, факторов и причин, порождающих коррупцию, а также изучением правовых и теоретических основ противодействия данному явлению.

Следует отметить, что комплексные научные работы, посвященные выработке организационно-правового механизма противодействия коррупции в образовательной среде, а также связанные с выработкой современных путей реализации различных механизмов контроля коррупционных составляющих в образовательной среде, в отечественной науке в настоящее время отсутствуют.

В некоторых публикациях затрагиваются лишь отдельно взятые административные процедуры в образовании. Так, например, можно отметить диссертационное исследование Д.А. Повных «Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации» [14], в котором «выявляются роль и значение административных процедур как средства противодействия коррупции в образовании Российской Федерации, а также предложены практические рекомендации по применению мер административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений в области образования» [8]. Автором выстроена система административных процедур и мероприятий в сфере противодействия коррупции, направленная на изучение не только факторов, влияющих на рост коррупционных деяний, но и на определение административных механизмов ее противодействия.

Однако, на наш взгляд, данные рекомендации и предложения устарели и не отвечают современным реалиям трансформации российского общества в рамках новых условий социально-правового развития.

Попытки определения и обоснования административно-контрольных мероприятий противодействия коррупции в высшем образовании предпринимались в диссертации Е.А. Борисовой. В своем исследовании ученый отмечает, что «очевидная неэффективность антикоррупционных действий в сфере образования, проявляющаяся в низком качественном уровне подготовки кадров, не позволяющем обеспечить современные потребности общества, в снижении привлекательности российского образования на международной арене, обнаруживает в современной образовательной практике противоречие между, с одной стороны, наличием в системе образования такого антисоциального явления как коррупция, с другой – недостаточным уровнем развития механизмов, форм и методов социального контроля этой девиации» [10].

Мы поддерживаем аналогичную позицию по данному вопросу, но при этом хотелось бы подчеркнуть, что данная работа носит теоретический характер, исследуя именно социальный аспект института контроля коррупции в высших учебных заведениях, а правовые вопросы в данной сфере остаются вне поля изучения.

Зарубежные исследователи также занимаются изучением проблем коррупции в сфере образования. В частности, в 2020 г. зарубежными учеными было проведено комплексное исследование коррупции в образовательной среде [17]. По мнению западных коллег, отсутствие добросовестности и неэтичное поведение в сфере образования несовместимы с воспитательным вектором последнего [19]. Европейскими исследователями были выявлены факторы, способствующие преодолению коррупции образовательной среде [21]. Они в частности, отмечают, что открытость образовательной среды является важным фактором элиминирования коррупции в ней [22].

По мнению Kírya Monica [18], коррупция в сфере образования угрожает благополучию общества, поскольку она подрывает социальное доверие граждан к институту образования, формирует некомпетентных специалистов и необразованных личностей. Весьма интересную позицию о коррумпированности образовательной среды высказывает Poisson Muriel [20], полагая, что те, кто занимается сектором образования, неохотно решают проблему коррупции, возможно, потому, что они опасаются, что это может запятнать имидж сектора и, следовательно, сократить выделяемые на него ресурсы.

Приведенные позиции западных коллег показывают негативное отношение представителей научной (образовательной) среды к коррумпированности системы образования.

Проанализировав доктринальные позиции как отечественных, так и зарубежных ученых на наличие проблем коррумпированности системы образования [15, 16], считаем необходимым выразить свою позицию по данной проблематике.

По нашему мнению, антикоррупционная политика государства на современном этапе развития общества должна базироваться на анализе причин и условий, способствующих формированию действий коррупционной направленности. В связи с нестабильной социально-политической ситуацией в нашей стране увеличивается количество причин, способствующих коррупции в образовательной сфере: низкий и подчас недостойный уровень оплаты труда педагогов; отсутствие необходимости дополнительной квалификации профессорско-педагогического состава, а во многих случаях формальная аттестация преподавательского состава.

Среди различных коррумпированных сфер общественной жизни коррупция в российском образовании заняла устойчивую позицию и в настоящее время приближается к критической отметке, так как практически все уровни российской системы образования (от яслей до диссертационных советов) подвержены коррупции. Это обусловлено тем, что коррупционные проявления в системе современного российского образования постоянно трансформируются, приобретают новые формы и виды, возникают новые схемы, что вызывает особую озабоченность со стороны гражданского общества.

Одной из наиболее распространенных форм коррупционных преступлений экономического характера в сфере образования является «дача и получение взятки». Анализ норм УК РФ свидетельствует, что взяточничество –

это двусторонний процесс, в котором каждая из сторон преследует свои корыстные цели. В связи с этим представителям правоохранительной системы достаточно сложно привлечь виновных лиц к ответственности за данный вид преступлений. При этом необходимо подчеркнуть, что многие статьи российского антикоррупционного законодательства носят неконкретный декларативный характер; в ряде статей содержатся отсылочные нормы, а в отдельных статьях заложена законодательная казуистика. Все это создает благоприятные условия для распространения взяточничества в России.

Кроме того, в ч. 5. ст. 291 УК РФ содержится особое примечание: «...лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления» [3]. Наличие данной нормы фактически освобождает от ответственности одну из сторон данного вида преступления и создает у нее ощущение безнаказанности и вседозволенности. Это может провоцировать ее к новым видам преступлений в данной сфере.

Коррупционные проявления в образовательной среде снижают качество образования, способствуют формированию ложного мировоззрения, направленного на искажение нравственно-идеологических устоев российского общества. Коррупция в образовании, начиная с яслей, откладывает негативный отпечаток и на правосознание детей, дезориентирует их в будущем (у ребенка складывается неверное представление об общественном устройстве). Все это создает у него фундамент для дальнейших коррупционных проявлений в различных сферах жизнедеятельности общества. Тем самым, как это ни парадоксально, предотвратить распространение коррупции в российском обществе можно только через образование.

Проведя доктринальный анализ проблемы коррумпированности образовательной среды, считаем необходимым сделать следующие выводы:

1) в настоящее время отсутствует единая теоретическая и эмпирическая база по организации механизма предупреждения и искоренения коррупции в системе высшего образования;

2) недостаточно разработаны теоретико-методологические подходы к реализации форм социально-правового контроля коррупции применительно к высшим учебным заведениям;

3) все позиции авторов можно объединить и изложить следующим образом: уровень эффективности воздействия механизмов противодействия коррупции в системе высшего образования можно повысить при следующих условиях: систематизация законодательства в сфере противодействия коррупции, детализация механизма контроля за действиями коррупционного характера, совершенствование законодательных конструкций в сфере противодействия коррупции.

На наш взгляд, до сих пор нет четко выстроенной современной теоретико-правовой основы применения организационно-правовых процедур, противодействующих коррупции в образовательной среде. Это обусловлено целым рядом взаимосвязанных причин:

- 1) масштабностью данного негативного явления, проникнувшего во все сферы общественной жизни российского общества;
- 2) постоянной трансформацией причин, форм и видов коррупции в образовательной сфере;
- 3) междисциплинарным характером коррупции как системно-правового явления;
- 4) отсутствием в связи с постоянной трансформацией российского общества эффективного организационно-правового механизма ее предупреждения в различных сферах, в том числе и образовании.

Коррупционные деяния трудно отследить, измерить, посчитать, так как они, будучи системными явлениями, преобладают на разных ступенях образования, препятствуют реализации конституционного права граждан на получение образования. Для получения объективных данных нами было проведено исследование фактов коррупционных действий на примере проведения социологического опроса и анализа правоприменительной практики. Такой, на первый взгляд, несовместимый подход исследования выбран нами не случайно. Изучение общественного мнения нам необходимо для того, чтобы понять истинные масштабы коррупции, пусть даже в рамках отдельно взятого административно-территориального объединения. Анализ судебной практики поможет нам выяснить законодательные масштабы коррупционных деяний, а также принимаемые меры ответственности в отношении лиц, каким-либо образом причастных к коррупционным действиям (бездействиям).

Преподавателями Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина было организовано проведение социологического опроса на территории Липецкой области в четвертом квартале 2021 г.

Цель опроса – оценка уровня коррупции в образовательной среде, анализ проводимой государственной антикоррупционной политики в системе образования.

В рамках проведения социологического опроса использовались разные варианты исследовательской работы: размещение опросного листа на сайте вуза, проведение опроса граждан в образовательных организациях различного уровня и общественных местах. Всего было опрошено 520 человек (из них 60% – мужчины и 40% – женщины) в возрасте от 18 до 35 лет. При этом 58% опрошенных имеют высшее образование, 24% – среднее профессиональное образование и 18% являются студентами на момент опроса.

Обработав опросные листы и обобщив полученную информацию, мы пришли к следующим выводам.

1. Уровень коррупции в различных сферах (рис. 1): по оценкам респондентов, в рейтинг наиболее коррумпированных сфер входят: распределение бюджетных средств и управление государственной собственностью, здравоохранение, образование, правоохранительная и судебная системы. Согласно проведенному опросу, мнение респондентов распределилось следу-

ющим образом: распределение бюджетных средств и управление государственной собственностью – 27%, здравоохранение – 23%, образование – 20%, правоохранительная система – 16%, судебная система – 14%.

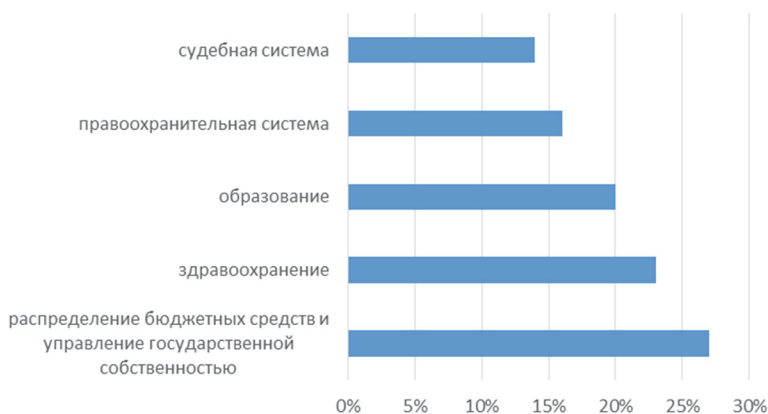

Рис. 1. Уровень коррупции в различных сферах, %

Тем самым, можно констатировать, что проблемы коррупции в образовательной среде стоят на 3-ем месте. Это подтверждает особую значимость данной проблемы как на уровне нашего региона, так и страны в целом.

2. Распределение коррупционных действий по уровням образования (рис. 2), полученные данные: дошкольное образование – 12%, начальное и основное общее образование – 14%, среднее общее образование – 9%, среднее профессиональное образование – 11%, высшее образование (бакалавриат, специалитет, магистратура) – 36%, высшее образование (подготовка кадров высшей квалификации) – 18%. Анализ представленной информации свидетельствует, что респонденты сталкивались с коррупционными действиями в различных их проявлениях на всех уровнях образования.

Рис. 2. Распределение коррупционных действий по уровням образования, %

3. Совершение коррупционных действий в зависимости от формы образовательного учреждения (данные опроса: коммерческие образовательные учреждения – 58%, бюджетные образовательные учреждения – 42%) (рис. 3).

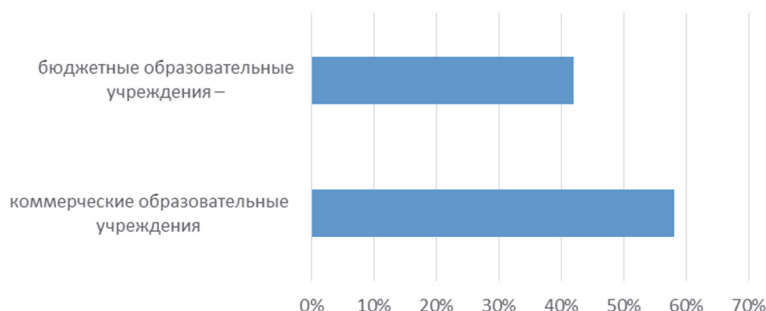

Рис. 3. Совершение коррупционных действий в зависимости от формы образовательного учреждения, %

Респонденты отмечали, что, несмотря на обучение в образовательных учреждениях коммерческого типа, они часто сталкивались с проблемами вымогательства со стороны сотрудников учебных заведений за сдачу отчетности или написание выпускной квалификационной работы. При этом респонденты указывали на завуалированные формы взяток (приобретение учебного и методического материала, подарки к праздникам, плата за репетиторство).

4. Уровень коррупции в зависимости от отраслевой специализации вуза: классические университеты – 10%, педагогические, гуманитарные и лингвистические – 8%, экономики, права и сервиса – 12%, архитектурно-художественные и искусства – 6 %, сельскохозяйственные – 15%, медицинские – 20%, университеты физической культуры и спорта – 11%, технические и технологические университеты – 18% (рис. 4).

Рис. 4. Уровень коррупции в зависимости от отраслевой специализации вуза, %

Данная информация свидетельствует о том, что высокий уровень коррупции наблюдается в медицинских, технических, технологических и сельскохозяйственных университетах, а более низкий уровень проявляется в архитектурно-художественных и классических вузах.

5. Причины высокой коррупционной составляющей в образовательной сфере (рис. 5): по мнению респондентов, к причинам коррупции относятся: низкие заработные платы работников образовательных учреждений – 57%; низкая социальная и правовая ответственность работников образования – 21%; гонка вузов и отдельных научно-педагогических кадров за формальными показателями – 12%; вырождение моральных и этических принципов в обществе – 10%.

Рис. 5. Причины высокой коррупционной составляющей в образовательной сфере, %

6. Меры борьбы с коррупцией в образовательной сфере (рис. 6): по мнению респондентов, мерами борьбы с коррупцией должны стать: ужесточение наказания для профессорско-преподавательского состава вуза – 28%; реальное повышение заработной платы работников образовательных учреждений – 33%; действие программных мероприятий системного характера по преодолению коррупции – 15%; совершенствование механизма оперативно-розыскной деятельности по доказыванию данного вида преступления – 24%.

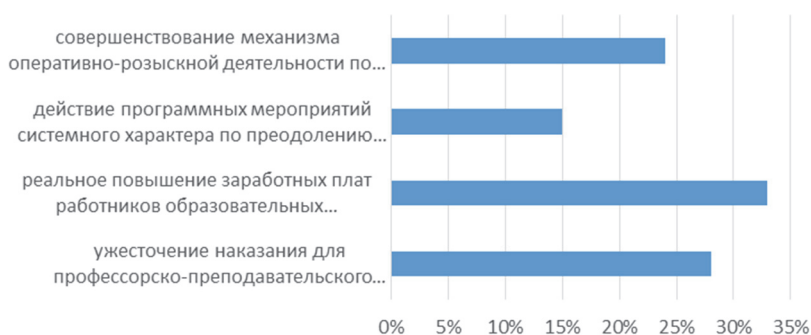

Рис. 6. Меры борьбы с коррупцией в образовательной сфере (по мнению респондентов), %

При этом необходимо подчеркнуть, что некоторые респонденты указывали на такие меры борьбы с коррупцией в образовательной сфере, как усиление работы прокуратуры; детальное освещение в СМИ данных видов преступлений; создание на уровне образовательных учреждений специальных контролирующих органов.

При анализе правоприменительной практики за 2021 г. мы в первую очередь обратились к обобщению обвинительных приговоров по составам коррупционной направленности (ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ) (рис. 7).

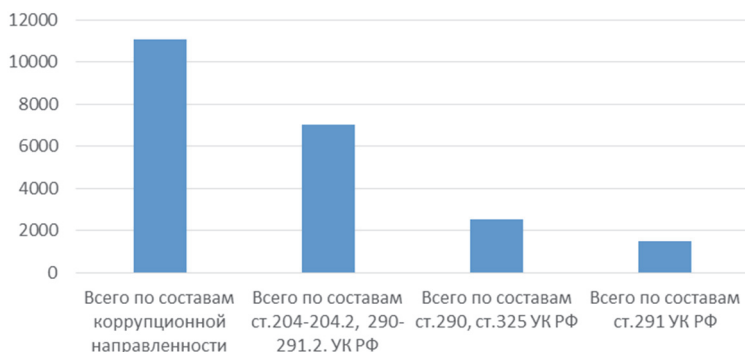

Рис. 7. Обвинительные приговоры по составам коррупционной направленности, всего

О преступлениях коррупционной направленности в сфере образования можно сказать следующее: практика Верховного суда Российской Федерации в обобщенном формате содержит статистические данные по отдельным категориям преступлений, в том числе и по коррупционным. Однако выявить из представленных данных общее число коррупционных преступлений в образовательной среде не представляется возможным, поскольку большинство дел, к которым можно получить открытый доступ, носят неперсонифицированный характер. Поэтому показать объективный характер коррупционных преступлений в образовательной среде и количество лиц, привлеченных к ответственности, сложно. Разрешить проблемные аспекты при уголовно-правовой квалификации действий коррупционной направленности помогает Постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», которое детализирует моменты при квалификации противоправных действий и является основой в деятельности органов следствия и суда, так как позволяет давать им правильную квалификацию преступным действиям данной направленности.

Судебная практика¹ по делам о коррупционных правонарушениях в образовательной среде, которая была выше нами проанализирована, говорит о следующем: квалификация преступлений, совершаемых в сфере образовательных правоотношений, различна. Наиболее часто преступные действия квалифицируются согласно ст. 285, 286, 290, 291.2, 292 УК РФ; тонкая грань определения конкретного действия зависит от компетентности лица, осуществляющего оперативно-следственные действия и от наличия доказательственной базы.

¹ Информация взята из Интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 16.02.2022).

Противоправные деяния, которые мы условно назовем «коррупционные», встречаются на всех уровнях системы образования (общее, профессиональное, дополнительное). Термин «условно коррупционные» мы применяем для характеристики противоправных действий в сфере образовательных правоотношений, обращая внимание на законодательный пробел относительно легального определения «коррупционное преступление в сфере образовательных правоотношений».

Итак, постараемся разобраться, что же такое коррупционное преступление в сфере образования, используя материалы правоприменительной практики. Субъектом таких преступлений являются лица, не только осуществляющие образовательную деятельность, но и лица, осуществляющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции. Объективная сторона данного вида преступления состоит, в частности, в завышении стимулирующих выплат, в выплате компенсаций за неиспользованный отпуск без фактической выдачи денежных средств, оказании платных услуг гражданам в помещениях, принадлежащих на праве безвозмездного пользования, внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, занимая должность преподавателя [23–25].

Трудности при определении предмета преступления обуславливают трудности при квалификации состава преступления под конкретную статью Особенной части УК РФ. В частности, согласно ч. 1. ст. 285 УК РФ – «злоупотребление должностными полномочиями, то есть использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан» [3]. Согласно уголовному делу № 1-601/2017¹ п. 1 ст. 285 УК РФ инкриминирован лицу, постоянно выполняющему административно-хозяйственные функции в государственном образовательном учреждении, т.е. должностному лицу. Противоправность заключалась в действиях умышленного характера, а именно в обеспечении целевого и эффективного использования бюджетных и внебюджетных средств, необоснованного завышения стимулирующих выплат, о выплате компенсаций за неиспользованный отпуск без фактической выдачи денежных средств, подготовку заявки в Управление федерального казначейства на получение денежных средств для выдачи в качестве компенсационных выплат за неиспользованный отпуск и др. Указанные действия имели документальное подтверждение и явились доказательственной базой при назначении уголовного наказания. Как показывает анализ судебной практики, ст. 285 УК РФ применяется наиболее часто в отношении лиц, осуществляющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

¹ Информация взята с интернет-ресурса «sud-praktika.ru». URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/468725.html> (дата обращения: 16.02.2022).

Профессорско-преподавательский состав также относится к числу должностных лиц, поскольку в соответствии с трудовым договором и должными инструкциями осуществляет организационно-распорядительные функции. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что наибольшее распространение в образовательной сфере получило такое преступление, как служебный подлог. Согласно ч. 1 ст. 292 УК РФ, под служебным подлогом понимается «внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности» [3]. К примеру, согласно уголовному делу № 1-597/2017¹, преподаватель, наделенный обязанностями по осуществлению контрольно-оценочной деятельности в образовательном процессе, а также наделенный на период промежуточной аттестации, в силу своего служебного положения, организационно-распорядительными функциями по приему зачетов и экзаменов по преподаваемым учебным дисциплинам, заполнению официальных документов – зачетных книжек, зачетных и экзаменационных ведомостей, удостоверяющих факты сдачи зачетов и экзаменов, имеющих юридическое значение, т.е. являющийся должностным лицом, находясь при исполнении своих должностных обязанностей, действуя из иной личной заинтересованности, совершил служебный подлог, т.е. внес заведомо ложные сведения в официальные документы.

Обратим внимание на виды наказаний, назначенных лицам, привлекаемым к ответственности, за противоправные действия коррупционной направленности. В большинстве случаев за совершение преступления были назначены наказания, не связанные с лишением свободы, в частности штраф, обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью). При назначении наказания суд учитывал обстоятельства, смягчающие вину. Например при назначении наказания суд в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность подсудимого. Как правило, обвиняемые не имели судимости, совершенные умышленные преступления относились к категории средней тяжести. Исключительные обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, не установлены. Смягчающими наказанием обстоятельствами суд признавал полное признание вины, раскаяние в содеянном, явку с повинной, принятие мер к возмещению причиненного ущерба. Обстоятельств, отягчающих наказание, не установлено.

Приведенные примеры уголовных дел показывают единичные случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, участвующих в образова-

¹ Информация взята с интернет-ресурса «sud-praktika.ru». URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/545543.html> (дата обращения: 16.02.2022).

тельной системе. Обобщенность судебной практики и неконсолидированность законодательства создают проблемы как в процессе оперативно-розыскных мероприятий, так и в процессе правоприменения.

Как показывает проведенный нами социологический опрос, полученные и обобщенные данные, коррупционная составляющая присутствует в сознании и повседневной деятельности граждан, но при этом судебная практика, содержащая статистические данные, не дает градации для более детального понимания масштабов коррупции в образовательной среде.

На наш взгляд, в целях создания эффективных организационно-правовых механизмов антикоррупционной безопасности в сфере образования и увеличения конкурентоспособности образовательных услуг можно выделить следующие мероприятия:

1. Совершенствование законодательства в сфере образования. Необходимо обратить внимание на состояние антикоррупционного законодательства. Не вызывает сомнения факт, что оно «разрослось» за последние годы. Так, принято 8 федеральных законов, 18 указов Президента РФ, 7 постановлений Правительства РФ, более 18 нормативных правовых актов Министерства образования и науки. При этом часть положений Федерального закона «О противодействии коррупции» нашла свое развитие в других федеральных законах и иных федеральных нормативных правовых актах. Принятые документы регулируют более узкую часть отношений, а наиболее крупные блоки вопросов остаются до сих пор неурегулированными. Так, в российском законодательстве до сих пор нет официального определения «коррупция образовательной сферы». Помимо этого, между внедрением в законодательство различных правовых конструкций антикоррупционной направленности проходит необоснованно много времени, что дает коррупции возможность «пустить корни». На основании этого предлагаем в ближайшее время кодифицировать законодательство в сфере борьбы с коррупцией.

2. Ужесточение наказания за взяточничество в образовательной сфере. На наш взгляд, наиболее обоснованным является введение в практику «образцового наказания» – увольнение одного провинившегося сотрудника с целью «устрашения» остальных.

3. Профилактические мероприятия, предупреждающие коррупционные действия в образовательной среде. В настоящее время наше государство, как правило, на законодательном уровне больше уделяет внимание вопросам регулирования отношений, которые возникают после совершения незаконных действий в сфере образования. С нашей точки зрения, наиболее эффективной будет реализация комплекса взаимосвязанных действий профилактического характера в данной сфере. Так, на основе действующего законодательства в рамках антикоррупционной политики разрабатываются программы по борьбе с коррупцией в образовательной сфере. Здесь, на наш взгляд, важна преемственность программ. Действия, предусмотренные каждой из них, не должны носить разовый характер.

4. Совершенствование системы управления образованием. В настоящее время остается открытым вопрос об отсутствии эффективного и всестороннего контроля за соблюдением вузами федерального законодательства. Обеспечение соответствия вузовской подготовки нормативным стандартам возможно только путем активного внедрения контрольно-надзорной функции. Для решения данного вопроса, по нашему мнению, необходимо создать современную эффективную систему управления – территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки в субъектах РФ, на которые будет возложен ряд новых дополнительных задач:

- выработка критериев «индекса уровня коррумпированности в образовании» и постоянное их измерение на региональном уровне, что позволит проводить сравнительный анализ между субъектами РФ, образовательными учреждениями и принимать своевременные решения соответствующими государственными структурами на различных уровнях;

- формирование и реализация системы, действующей по принципу «локальной гласности», с целью информирования населения о действиях наиболее «выдающихся представителей» коррупционной деятельности в образовательной среде.

5. Мероприятия пропагандистского характера, направленные на формирование антикоррупционного мировоззрения:

- поощрение создания и деятельности общественных организаций некоммерческого характера, регламентирующих случаи, изучающих методологию коррупции в российском образовании, а также обобщающих практику реализации антикоррупционных мер и доведение их до населения;

- информирование общества при помощи СМИ о ходе реализации различных антикоррупционных программ в образовании.

6. Рост правосознания населения, проведение просветительских мероприятий с целью повышения антикоррупционной правовой культуры в мировоззрении граждан.

Теоретико-правовое значение данной работы видится в том, что полученные авторами результаты проведенного исследования могут служить методологической и теоретической базой для дальнейших научно-практических разработок в этой области. Положения работы дают возможность выявить наиболее эффективные современные меры антикоррупционной направленности в образовательной среде, позволяющие существенно снизить уровень коррупции в Российской Федерации в данной сфере.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в данной работе выводы и рекомендации могут быть использованы при разработке проектов федеральных антикоррупционных законов и аналогичных законов субъектов Российской Федерации в системе образования. Кроме того, они могут быть внедрены в учебный процесс при проведении семинарских и практических занятий, а также при разработке учебно-методических комплексов и учебных пособий, затрагивающих данную тематику.

Отдельные положения данного исследования могут быть использованы в практической деятельности государственных должностных лиц, осуществляющих профилактику коррупционных правонарушений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «Гарант». 2021.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». 2021.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // СПС «Гарант». 2021.
4. Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «Гарант». 2021.
5. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». 2021.
6. Постановление Правительства РФ от 15 августа 2013 г. № 706 г. «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // СПС «Гарант». 2021.
7. Алонцева Д.В. Коррупция как фактор деформации российской государственности // Сборник материалов круглого стола с международным участием. Елец, 2018. С. 37–39.
8. Щербатых С.В., Алонцева Д.В. Коррупция как системное явление: теоретико-правовое исследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 48–57.
9. Алонцева Д.В., Лаврищева О.А. Коррупция как социальный феномен, тормозящий развитие образования в России // Вестник Московского института государственного управления и права. 2019. № 1 (25). С. 5–8.
10. Борисова Е.А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013. 29 с.
11. Дамм И.А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4 (40).
12. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие / Т.Е. Бейдина, С.Б. Быстрянец, Н.Л. Захаров, Л.В. Мась, Н.Н. Меньшенина, А.Г. Наронская, М.В. Пантелеева, О.В. Погулич, С.С. Соколова, Н.В. Устинова, А.В. Чечулин ; под общ. ред. проф. Н.Н. Меньшениной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 202 с.
13. Омаров А.А. Коррупция в сфере образования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 1.
14. Повный Д.А. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 23 с.
15. Противодействие коррупции: новые вызовы / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин [и др.] ; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правовед. при Правительстве РФ : Инфра-М, 2016. 384 с.
16. Шульга В.И. Уголовная ответственность за коррупцию в вузе // Территория новых возможностей. 2015. № 4 (31).
17. Huss O., Keudel O. Open government in education: Clarifying concepts and mapping initiatives . Paris : United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization and International Institute for Educational Planning, 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373142/PDF/373142eng.pdf.multi> (дата обращения: 10.02.2022).

18. Kirya M. Education sector corruption: How to assess it and ways to address it. 2019. URL: <https://medium.com/u4-anti-corruption-resource-centre/education-sector-corruption-how-to-assess-it-and-ways-to-address-it-7a849cb56ba2> (дата обращения: 10.02.2022).
19. Radović-Marković M. Corruption in Education: A Major. 2011 URL: [Isuehttp://www.worldacademy.org/content/corruption-education-major-issue](http://www.worldacademy.org/content/corruption-education-major-issue) (дата обращения: 10.02.2022).
20. Muriel P. Corruption and Education. Education Policy Series. Paris : International Academy of Education, 2010. URL: https://www.iaoed.org/downloads/WEB_11_corruption%20and%20education_final_.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
21. Cárdenas S. Corruption in Education: A Review of the Literature. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/264275109_Corruption_in_Education_A_Review_of_the_Literature (дата обращения: 10.02.2022).
22. Trines S. Understanding the Causes and Social Costs of Academic Corruption. 2017. URL: <https://wenr.wes.org/2017/12/understanding-the-causes-and-social-costs-of-academic-corruption> (дата обращения: 10.02.2022).
23. Материалы судебной практики. URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/455371.html> (дата обращения: 16.02.2022).
24. Материалы судебной практики. URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/468725.html> (дата обращения: 16.02.2022).
25. Материалы судебной практики. URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/545543.html> (дата обращения: 16.02.2022).

References

1. Russian Federation. (2021) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020* [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. [Online] Available from: SPS “Garant.”
2. Russian Federation. (2021) *Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ “O protivodeystvii korruptsii” (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008, “On Combating Corruption” (with amendments and additions)]. [Online] Available from: SPS “Garant.”
3. Russian Federation. (2021) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 05.04.2021, s izm. ot 08.04.2021)* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 5, 2021, as amended on April 8, 2021)]. [Online] Available from: SPS “Garant.”
4. Russian Federation. (2021) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 17 dekabrya 1997 g. № 1300 “Ob utverzhdenii Kontseptsii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii” (utra-til silu)* [Decree of the President of the Russian Federation of December 17, 1997 No. 1300 “On Approval of the Concept of National Security of the Russian Federation” (no longer in effect)]. [Online] Available from: SPS “Garant.”
5. Russian Federation. (2021) *Ukaz Prezidenta RF ot 13 aprelya 2010 g. № 460 “O Natsional'noy strategii protivodeystviya korruptsii i Natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2010 – 2011 gody” (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Decree No. 460 of the President of the Russian Federation of April 13, 2010, “On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010–2011” (as amended and supplemented)]. [Online] Available from: SPS “Garant.”
6. Russian Federation. (2021) *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 15 avgusta 2013 g. № 706 g. “Ob utverzhdenii Pravil okazaniya platnykh obrazovatel'nykh uslug”* [Resolutions of the Government of the Russian Federation of August 15, 2013 No. 706 “On Approval of the Rules for the Provision of Paid Educational Services”]. [Online] Available from: SPS “Garant.”
7. Alontseva, D.V. (2018) *Korruptsiya kak faktor deformatsii rossiyskoy gosudarstvennosti* [Corruption as a Factor in the Deformation of Russian Statehood]. In: *Sbornik materialov*

kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem [Collection of materials of the round table with international participation]. Elets: [s.n.]. pp. 37–39.

8. Shcherbatykh, S.V. & Alontseva, D.V. (2018) *Korrupsiya kak sistemnoe yavlenie: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Corruption as a systemic phenomenon: A theoretical and legal study]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 8(3–28). pp. 48–57.

9. Alontseva, D.V. & Lavrishcheva, O.A. (2019) *Korrupsiya kak sotsial'nyy fenomen, tormo-zyashchiy razvitie obrazovaniya v Rossii* [Corruption as a social phenomenon hindering the development of education in Russia]. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava*. 1(25). pp. 5–8.

10. Borisova, E.A. (2013) *Korrupsiya v sisteme vysshego obrazovaniya: perspektivy sotsial'nogo kontrolya: regional'nyy aspekt* [Corruption in the system of higher education: prospects for social control: regional aspect]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.

11. Damm, I.A. (2016) *Korrupsiya v sfere obrazovaniya: ponyatie, kharakternye cherty, formy i vidy* [Corruption in the field of education: The concept, characteristics, forms and types]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 4(40). pp. 5–17.

12. Menshenina, N.N. (ed.) (2014) *Korrupsiya v Rossiyskoy Federatsii: genezis, formy, tekhnologii, protivodeystvie* [Corruption in the Russian Federation: Genesis, Forms, Technologies, Counteraction]. Ekaterinburg: UrFU.

13. Omarov, A.A. (2014) *Korrupsiya v sfere obrazovaniya* [Corruption in the field of education]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 108–111.

14. Povnyy, D.A. (2011) *Administrativnye protsedury kak sredstvo protivodeystviya korrupsii v obrazovanii Rossiyskoy Federatsii* [Administrative procedures as a means of combating corruption in education of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.

15. Khabrieva, T.Ya. (ed.) (2016) *Protivodeystvie korrupsii: novye vyzovy* [Combating corruption: New challenges]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Infra-M.

16. Shulga, V.I. (2015) *Ugolovnaya otvetstvennost' za korrupsiyu v vuze* [Criminal liability for corruption in a university]. *Territoriya novykh vozmozhnostey*. 2015. № 4 (31). pp. 112–121.

17. Huss, O. & Keudel, O. (2020) *Open government in education: Clarifying concepts and mapping initiatives*. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization and International Institute for Educational Planning. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373142/PDF/373142eng.pdf.multi> (Accessed: 10th February 2022).

18. Kirya, M. (2019) *Education sector corruption: How to assess it and ways to address it*. [Online] Available from: <https://medium.com/u4-anti-corruption-resource-centre/education-sector-corruption-how-to-assess-it-and-ways-to-address-it-7a849cb56ba2> (Accessed: 10th February 2022).

19. Radović-Marković, M. (2011) *Corruption in Education: A Major*. [Online] Available from: <http://www.worldacademy.org/content/corruption-education-major-issue> (Accessed: 10th February 2022).

20. Muriel, P. (2010) *Corruption and Education. Education Policy Series*. Paris: International Academy of Education. [Online] Available from: https://www.iaoed.org/downloads/WEB_11_corruption%20and%20education_final_.pdf (Accessed: 10th February 2022).

21. Cárdenas, S. (2006) *Corruption in Education: A Review of the Literature*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/264275109_Corruption_in_Education_A_Review_of_the_Literature (Accessed: 10th February 2022).

22. Trines, S. (2017) *Understanding the Causes and Social Costs of Academic Corruption*. [Online] Available from: <https://wenr.wes.org/2017/12/understanding-the-causes-and-social-costs-of-academic-corruption>. (Accessed: 10th February 2022).

23. Russian Federation. (n.d.) *Materialy sudebnoy praktiki* [Materials of judicial practice]. [Online] Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/455371.html> (Accessed: 16th February 2022).

24. Russian Federation. (n.d.) *Materialy sudebnoy praktiki* [Materials of judicial practice]. [Online] Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/468725.html> (Accessed: 16th February 2022).

25. Russian Federation. (n.d.) *Materialy sudebnoy praktiki* [Materials of judicial practice]. [Online] Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/545543.html> (Accessed: 16th February 2022).

Информация об авторах:

Алонцева Д.В. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: dina.alontseva@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2486-9248>

Лаврищева О.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия). E-mail: lavrishcheva-olga@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4012-5505>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alontseva D.V., doctor of law, professor of the department of jurisprudence, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: dina.alontseva@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2486-9248>.

Lavrishcheva O.A., candidate of legal sciences, associate professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lavrishcheva-olga@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4012-5505>.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 14.01.2023;
approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 347.1

doi: 10.17223/22253513/53/8

Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений

Евгений Валерьевич Вавилин¹

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия, evavilin@yandex.ru*

Аннотация. Систематизированы основные проблемы защиты и осуществления прав в сфере интеллектуальных прав на цифровые объекты, результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет, в сфере цифровых инноваций, осуществления и защиты цифровых прав; выявлено влияние правового режима искусственного интеллекта на формирование механизмов осуществления и защиты гражданских прав. С учетом позиций, сложившихся в доктрине гражданского права и в правоприменительной практике, намечены пути их решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, осуществление, защита прав, цифровизация, цифровые инновации

Источник финансирования: публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Для цитирования: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 110–121. doi: 10.17223/22253513/53/8

Original article

doi: 10.17223/22253513/53/8

Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations

Evgeniy V. Vavilin¹

¹ *Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russian Federation, evavilin@yandex.ru*

Abstract. Socio-economic changes caused by digitalization naturally require the adaptation of existing mechanisms for the implementation and protection of civil rights to new digital realities.

Current problems in the field of the implementation and protection of civil rights are combined into two large-scale blocks. Firstly, these are modern problems of classical institutions of civil law, and secondly, these are problems related to the formation

of fundamentally new institutions of civil law, the digitalization of civil turnover. In this regard, the main conceptual approaches to the development of civil law at the present stage include: the revision of traditional institutions of civil law, the introduction of relations with digital objects and technologies into existing civil law institutions, situational civil law regulation, the formation of independent legal regimes. Modern problems of civil law concern the main legal regimes – property, obligation, inheritance, corporate law, as well as intellectual property rights.

The most obvious problems are the definition and correlation of new concepts that are similar in essence: digital property, digital objects, digital property, digital assets, digital financial assets, digital currency, digital law. The identification of the legal essence of these phenomena will allow the formation of new legal regimes and correlate them with the legal regimes of property, liability, corporate law, and intellectual property rights.

As a result of digitalization, there is a gradual transformation of traditional institutions of civil law. The so-called machine-readable law is being formed.

One of the ways to modernize legislation is the enrichment of new concepts and categories, the lacunary introduction of individual norms or entire regulatory systems that have a different nature of impact on public relations related to digital objects and the digital form of the exercise of rights and duties.

The protection of property and non-property rights is becoming one of the few most effective levers of state influence on participants in relations emerging in the innovation sphere. The protection of rights must be made directly dependent on the legitimacy of the actions of the participants in the relations in the information and telecommunications system.

It is necessary to legislate a rule according to which any actions circumventing the law, regardless of whether or not the subject's goal was to circumvent the law, should be qualified as an abuse of the right, entailing the loss of the right to protection.

To solve problems in the field of the exercise and protection of civil rights, it is necessary to create a multi-system approach to regulating relations: along with the traditional system of law (dividing law into branches, institutions and norms), a special machine-readable law based on digital algorithm technology and program code should be formed.

Keywords: artificial intelligence, implementation, protection of rights, digitalization, digital innovations

Financing: The publication was prepared as part of the work on the state assignment on the topic: «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». EGISU R&D registration number: 124012000079-6.

For citation: Vavilin, E.V. (2024) Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 110–121. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/8

Знаком последнего десятилетия в отечественном праве стали несколько наиболее очевидных тенденций, возникших под влиянием глобальной цифровизации и существенным образом определивших особенности защиты гражданских прав.

Первое – отношения в цифровой среде и по поводу цифровых объектов нормируются традиционными правовыми средствами, закрепляются в существующих гражданско-правовых институтах.

Как было отмечено, самый очевидный путь в решении этих вопросов – «следуя отдельным технологическим стадиям процессов разработки и его (цифрового имущества. – *Е.В.*) разработки (создания) и последующего использования, искусственного интеллекта, криптовалюты, давать им юридическую квалификацию, исходя из имеющихся правовых режимов, без учета особенностей объектов (вещей или прав), для которых такие режимы были созданы» [1. С. 76]. Такой подход, отраженный в том числе, в некоторых нормативно-правовых актах, подвергся обоснованной критике в научной литературе.

Другой подход к формирующимся в цифровой среде социально-экономическим отношениям – постепенная переориентация российской правовой системы с классической модели правового регулирования на новые способы их юридического оформления.

В настоящее время наряду с известными российскому праву общим, специальным, особым правовыми режимами формируется так называемое ситуационное (каузальное) регулирование путем создания экспериментальных правовых режимов. Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ [2] для регулирования отношений в информационно-телекоммуникационной сфере устанавливаются уникальные, локализованные, ограниченные по времени действия экспериментальные правовые режимы, основанные на принципах «мягкого права» и призванные устранить препятствия в развивающейся области.

В этих условиях одним из путей модернизации законодательства является обогащение новыми понятиями и категориями, лакунарное введение отдельных норм или целых нормативных систем, иных по природе воздействия на общественные отношения, связанные с цифровыми объектами и цифровой формой осуществления гражданских, налоговых, финансовых, административных и иных прав и исполнения обязанностей, формированием трансграничного цифрового оборота.

В связи с развитием цифровых технологий изменилась система объектов гражданских прав, в число которых действующая редакция ст. 128 Гражданского кодекса РФ включает безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые рубли и цифровые права [3].

Новые «бестелесные» объекты гражданских прав ставят под сомнение эффективность использования в правовом регулировании традиционных правовых институтов.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что применительно к цифровой сфере значительному пересмотру должны подвергнуться традиционные классические правовые режимы вещного, обязательственного, интеллектуального, наследственного, корпоративного права, связанные с новыми объектами прав, цифровыми формами реализации прав.

Под воздействием новых социально-экономических реалий в цивилистике формируется иная методология формирования знаний о регулировании отношений в инновационных сферах – комплексный междисциплинарный подход становится необходимым в целях формирования профессионального правового знания об отношениях в сфере больших данных, биомедицинских технологий (например, биопечати), новых объектах гражданских прав.

Также в доктрине дискуссионно трансформируется субъектно-объектная система гражданского права: обсуждается целесообразность и вероятность признания искусственного интеллекта объектом прав, с последующим наделением его деликтоспособностью в связи с проблемами возможной непрогнозируемости и неподконтрольности действий искусственного интеллекта, высокой вероятности нарушения прав и причинения вреда искусственным интеллектом [4. С. 135–146].

Все указанные тенденции в разной мере оказывают влияние на механизмы защиты гражданских прав. Можно ли владеть, пользоваться и распоряжаться цифровым имуществом как привычными вещами или для эффективного правового регулирования этих отношений необходимо новое правовое оформление? Могут ли цифровые права и права на цифровое имущество защищаться вещно-правовыми способами?

Частное право как по большей части регулятор товарообмена наиболее эффективно может использовать экономическую выгоду субъектов в качестве стимула добросовестности в новых цифровых отношениях. На наш взгляд, защита имущественных прав как раз и становится одним из немногих наиболее эффективных рычагов государственного воздействия на участников отношений, формирующихся в инновационной сфере.

Защиту прав необходимо ставить в прямую зависимость от легитимности действий участников отношений в информационной-телекоммуникационной системе, строгого следования всем установленным законом процедур осуществления прав. То есть безусловное соблюдение всех установленных законом процедур должно быть непреложным условием возникновения права на защиту. Пункт 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что злоупотребление правом, выраженное в совершении действий в обход закона с противоправной целью, влечет отказ в защите права, а также применение иных мер, предусмотренных законодательством [5].

Таким образом, существенную роль играет цель, с которой совершено злоупотребление. Было бы справедливым установить правило, согласно которому любые действия в обход закона, независимо от того, было или не было целью субъекта обойти закон, квалифицировать как злоупотребление правом, влекущим утрату права на защиту.

В частности, подобный правовой режим установлен Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Согласно п. 6 ст. 14 Закона, требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, могут быть защищены в суде

только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок с цифровой валютой в установленном законодательством о налогах и сборах порядке. В этом случае субъекты, подобно участникам азартных игр, не могут рассчитывать на судебную защиту своих прав.

Изучение показывает, что защита прав на цифровые финансовые активы представляет собой гражданско-правовой инструмент, способный побуждать участников отношений к добросовестному осуществлению прав и исполнению обязанностей в указанной сфере.

Безусловно, эффективность защиты гражданских прав зависит от юридической природы этих прав. В связи с этим на первый план выходит задача определения правовой природы отношений, связанных с объектами цифровой реальности и правовой природы самих этих объектов.

Отдельный блок проблем в связи с развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта порождает защита интеллектуальных прав. С одной стороны, речь идет о защите исключительных и смежных прав на созданные вне цифрового пространства результаты творческой деятельности. Их охрана осложнена тем, что воплощение и распространение результатов творческой деятельности, их переработка в сети Интернет имеют трансграничный характер, попадают под действие разных юрисдикций.

Как отмечено в обзоре судебной практики, утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г., при многообразии указанных технологий существенно увеличивается количество способов использования результатов интеллектуальной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети [7]. В связи с этим необходимо корректно определять объект авторского права.

С другой стороны, в цифровой среде активно создаются и входят в оборот цифровые результаты интеллектуальной и творческой деятельности – сайты, NFT-токены, «цифровые произведения», «мультимедийные произведения», в отношении которых проблема определения авторства стоит еще острее [8].

Одна из актуальных задач – на законодательном уровне предупредить злоупотребления в сфере цифровых инноваций.

Сложно не согласиться с тем, что легальное определение цифровых инноваций размывает понятия охраноспособных результатов творческой деятельности, вещей (в том числе овеществленных результатов работ или услуг), поскольку для признания таковых цифровыми инновациями достаточно при их создании применения в любом виде цифровых технологий [1. С. 81], как следует из пп. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [9]. По этой логике по отношению к любой копии существующего интернет-ресурса, минимально преобразованного с помощью иной компьютерной программы, должен распространяться режим защиты авторских прав.

В чем тогда заключается творческий или интеллектуальный вклад субъекта, изменившего исходный ресурс, если автором преобразующей программы и правообладателем исходного ресурса являются другие субъекты?

Наконец, спорным в доктрине является и вопрос о защите цифровых прав. Очевидно, что под термином «цифровые права» в отечественном законодательстве подразумеваются разные виды прав: как обязательственные (права требования), так и корпоративные (при эмиссии ценных бумаг).

В самом общем понимании под цифровыми правами Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [10] цифровыми признает обязательственные и иные права, определенные таковыми законом. В этом случае законодатель дает определение цифровых прав через их признаки, среди которых основным является, во-первых, то, что содержание цифровых прав определяется информационной системой, и во-вторых, осуществляться они могут только в цифровой среде и на условиях соответствующей цифровой платформы.

Более предметно определяет цифровые права п. 2 ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ, подразумевая под ними права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, т.е. возможность осуществления различных по своей природе прав: имущественных, корпоративных и так называемых секундарных (например, право на покупку акций в определенный срок при наступлении определенных обстоятельств). В связи с этим была высказана точка зрения, что цифровые права – это не разновидность прав, а «собирательное понятие для некоторых... имущественных прав» [1. С. 81]. Вне всяких сомнений, специфика таких прав заключается в цифровой форме их осуществления, но вместе с тем не ограничивается исключительно формой.

Первоначально термин «digital rights» в иностранной литературе употреблялся в значении «совокупность прав человека на использование компьютера, доступ в Интернет, публикацию контента в цифровой среде, его обработку, передачу и иные права пользователей Интернета» [11]. То есть изначально под цифровыми правами понимались исключительно права, связанные с использованием (пользовательские права) сети Интернет. В настоящее время благодаря совершенствованию технологий в цифровую среду ушли и иные гражданско-правовые отношения.

Существует взаимосвязь между формой права и его содержанием. Не только содержание влияет на форму осуществления и защиты права, но и форма осуществления (защиты) влияет на содержание.

Одним из специфичных способов защиты цифрового права является кодирование информации, технология распределенного децентрализованного реестра. Являясь техническим по своей сути средством, оно играет вполне очевидную правовую роль, охраняя законные интересы правообладателей и государства. Гражданско-правовое регулирование в данном случае выражается в легализации не только определенных видов цифровых прав, уста-

новлении общих технических и правовых процедур и параметров их осуществления, а также условий защиты гражданских прав, что отражено в Федеральном законе от 08 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12]. Указанным нормативно-правовым актом впервые вводятся в правовое поле отношения, связанные с майнингом и оборотом криптовалют в Российской Федерации.

Особым образом проблемы защиты гражданских прав проявляются в связи с развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Впервые в российском законодательстве ИИ был упомянут в Распоряжении Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р [13], как термин – введен Указом Президента от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [14], впоследствии также закреплён Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» [15] (далее – Закон).

Пункт 1 ст. 2 Закона определяет, что под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Под комплексом технологических решений понимается вся информационно-коммуникационная инфраструктура: от информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и всех технических средств обработки информации до программного обеспечения (в котором в том числе используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В связи с обсуждением в юридическом сообществе рисков, связанных с деятельностью ИИ, все очевиднее возникает необходимость в выработке унифицированного понимания в рамках отечественного правового порядка правовой природы искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях. Цивилисты далеки от единодушия в признании за ИИ статуса субъекта или правового режима объекта интеллектуальных прав, указанная дискуссия достаточно масштабна.

Так, в литературе аргументирована позиция о том, что ИИ как единство программного обеспечения и материальных устройств, позволяющих реализовывать эти технологии, является сложной вещью (робототехническим устройством), объектом вещных или обязательственных прав, в то время как ИИ есть результат творческой интеллектуальной деятельности и объектом исключительных прав [16. С. 8–32].

Сторонники наделения ИИ правосубъектностью обосновывают свою позицию решением конкретных задач в определенных правоотношениях, говорят о частичной правосубъектности [17. С. 57–59; 18. С. 229–230; 19. С. 91–109; 20. С. 357–360].

В аспекте защиты гражданских прав в отношениях с участием ИИ необходимо расставить следующие акценты.

В пользу наделения ИИ статусом субъекта может служить аргумент неотвратимости возмещения в случае причинения вреда устройствами, функционирующими благодаря ИИ. В частности, это особенно актуально для высокоавтоматизированных транспортных средств.

Кроме того, при формирующейся системе регулирования общественных отношений в области ИИ путем создания негосударственных актов рекомендательного характера («мягкого права») [14] особую роль должен играть институт безвиновной ответственности.

Подводя итог, можно отметить, что актуальные проблемы в сфере осуществления и защиты гражданских прав объединяются в два масштабных блока. Во-первых, это современные проблемы классических институтов цивилистики, во-вторых – проблемы, связанные с формированием принципиально новых институтов гражданского права, цифровизацией гражданского оборота. В связи с чем к основным концептуальным подходам развития гражданского права на современном этапе относятся: пересмотр традиционных институтов гражданского права, внедрение в существующие гражданско-правовые институты отношений с цифровыми объектами и технологиями, ситуационное гражданско-правовое регулирование, формирование самостоятельных правовых режимов.

Современные проблемы гражданского права касаются основных правовых режимов – вещного, обязательственного, наследственного, корпоративного, а также интеллектуальных прав.

Наиболее явно проявляются проблемы определения и соотношения новых, близких по существу понятий: цифровая собственность, цифровые объекты, цифровое имущество, цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровое право. Выявление правовой сущности указанных явлений позволит формировать новые правовые режимы и соотносить их с правовыми режимами вещного, обязательственного, корпоративного права, интеллектуальных прав.

Изучение обозначенных проблем показало, что нормы, регулирующие осуществление и защиту гражданских прав, реализуемых в цифровой среде и (или) по поводу цифровых объектов, должны складываться в правовую структуру, основанную не только на принципах гражданского права, но и учитывающую специфику цифровой реальности (возможно, в виде машиночитаемых форм), не разрушая существующую систему нормативно-правовых актов и являясь своеобразной альтернативной, восполняющей пробелы системы регулирования.

Необходимо создавать мультисистемный подход регулирования отношений: наряду с традиционной системой права (делением права на отрасли,

институты и нормы) должно формироваться особое машиночитаемое право на основе цифровой технологии алгоритма, программного кода.

Список источников

1. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Проблемы развития российского частного права: избранные труды 2018–2023 гг. М. : Статут, 2023. 384 с.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.08.2020. № 31, ч. 1. Ст. 5017.

3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 16.08.2024. № 182.

4. Вавилин Е.В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 6 (42). С. 135–146.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.08.2024).

6. Федеральный закон от 31.07.2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

7. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.06.2024).

8. Будник Р.А. Правовой режим охраны авторских прав при использовании произведений в открытых информационных системах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 22 с.

9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

10. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.03.2019. № 12. Ст. 1224.

11. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М. : 4Принт, 2020. 304 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.07.2024).

12. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.08.2024. № 33, ч. 1. Ст. 4917.

13. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 07.08.2017. № 32. Ст. 5138.

14. Указ Президента от 10.10.2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

15. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СЗ РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

16. Василевская Л.Ю. Общие положения об «искусственном интеллекте» и технологиях «искусственного интеллекта» в договорном праве // Василевская Л.Ю.,

Подузова Е.Б. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования : в 5 т. М. : Проспект, 2022. Т. 4. 336 с.

17. Тиунова А.И. Робот как субъект правоотношения – миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2029. № 2. С. 57–59.

18. Морхат М.П. Понятие искусственного интеллекта. Правовой режим использования искусственного интеллекта // Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России. М. : Проспект, 2021. 488 с.

19. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018 Т. 22, № 1. С. 91–109.

20. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3 С. 357–360.

References

1. Sukhanov, E.A. (2023) *Problemy razvitiya rossiyskogo chastnogo prava: izbrannye trudy 2018–2023 gg.* [Problems of the development of Russian private law: Selected works 2018–2023]. Moscow: Statut.

2. Russian Federation. (2020) Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 258-FZ (red. ot 08.08.2024) “Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ (as amended on August 8, 2024) “On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 31(I). Art. 5017.

3. Russian Federation. (2024) Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 № 237-FZ “O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu i stat'yu 1202 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 237-FZ of August 8, 2024, “On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Rossiyskaya gazeta*. 16th August.

4. Vavilin, E.V. (2021) Artificial intelligence as a participant in civil relations: transformation of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 42. pp. 135–146. (In Russian).

5. Russian Federation. (n.d.) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024)]. [Online] Available from: SPS “Konsul'tantPlyus” (Accessed: 21st August 2024).

6. Russian Federation. (2020) Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 goda № 259-FZ “O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru> (Accessed: 20th March 2024).

7. Supreme Court of the Russian Federation. (2024) *Obzor sudebnoy praktiki rassmotreniya grazhdanskikh del, svyazannykh s narusheniem avtorskikh i smezhnykh prav v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti “Internet” (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 29.05.2024)* [Review of judicial practice in considering civil cases related to violation of copyright and related rights in the information and telecommunications network “Internet” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024)]. [Online] Available from: SPS “Konsul'tantPlyus” (Accessed: 6th June 2024).

8. Budnik, R.A. (2008) *Pravovoy rezhim okhrany avtorskikh prav pri ispol'zovanii proizvedeniy v otkrytykh informatsionnykh sistemakh* [Legal regime for copyright protection when using works in open information systems]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

9. Russian Federation. (2020) Federal'noyy zakon ot 31.07.2020 № 258 “Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh innovatsiy v Rossiyskoy

Federatsii” [Federal Law No. 258 of July 31, 2020, “On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 31(1). Art. 5017.

10. Russian Federation. (2019) Federal'nyy zakon ot 18.03.2019 goda № 34-FZ “O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019, “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 12. Art. 1224.

11. Sannikova, L.V. & Kharitonova, Yu.S. (2020) *Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz* [Digital Assets: Legal Analysis]. Moscow: 4Print.

12. Russian Federation. (2024) Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 № 221-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 221-FZ of August 8, 2024, “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 33(1). Art. 4917.

13. Russian Federation. (2017) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r Ob utverzhdenii programmy “Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii” [Order No. 1632-r of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017, On Approval of the Program “Digital Economy of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 32. Art. 5138.

14. Russian Federation. (2019) Ukaz Prezidenta ot 10.10.2019 goda № 490 “O razviti iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii” [Decree No. 490 of the President of October 10, 2019, On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 41. Art. 5700.

15. Russian Federation. (2020) Federal'nyy zakon ot 24.04.2020 № 123-FZ O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo regulirovaniya v tselyakh sozdaniya neobkhodimyykh usloviy dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sub'ekte Rossiyskoy Federatsii – gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmeneniy v stat'i 6 i 10 Federal'nogo zakona “O personal'nykh dannykh” [Federal Law No. 123-FZ of April 24, 2020, On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 17. Art. 2701.

16. Vasilevskaya, L.Yu. (2022) Obshchie polozheniya ob “iskusstvennom intellekte” i tekhnologiyakh “iskusstvennogo intellekta” v dogovornom prave [General provisions on “artificial intelligence” and “artificial intelligence” technologies in contract law]. In: Vasilevskaya, L.Yu. & Poduzova, E.B. *Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: “iskusstvennyy intellekt” i tekhnologii “iskusstvennogo intellekta” v mekhanizme dogovornogo regulirovaniya* [Digitalization of civil circulation: “artificial intelligence” and “artificial intelligence” technologies in the mechanism of contractual regulation]. Vol. 4. Moscow: Prospekt.

17. Tiunova, A.I. (2020) Robot kak sub'ekt pravootnosheniya – mif ili real'nost'? [Robot as a subject of legal relations – myth or reality?]. *Zhurnal Suda po intellektual'nykh pravam*. 2. pp. 57–59.

18. Morkhat, M.P. (2021) Ponyatie iskusstvennogo intellekta. Pravovoy rezhim ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta [The concept of artificial intelligence. Legal regime for the use of artificial intelligence]. In: *Tsifrovaya ekonomika: kontseptual'nye osnovy pravovogo regulirovaniya biznesa v Rossii* [Digital economy: conceptual foundations of business legal regulation in Russia]. Moscow: Prospekt.

19. Ponkin, I.V. (2018) Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik RUDN. Ser. Yuridicheskie nauki*. 22(1). pp. 91–109.

20. Uzhov, F.V. (2017) Iskusstvennyy intellekt kak sub'ekt prava [Artificial Intelligence as a Subject of Law]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 3. pp. 357–360.

Информация об авторе:

Вавилин Е.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (Москва, Россия). E-mail: evavilin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vavilin E.V., Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow, Russian Federation). E-mail: evavilin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.07.2024;
одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 17.08.2024; accepted for publication 30.09.2024*

Научная статья
УДК 347.157.1
doi: 10.17223/22253513/53/9

Социальные и юридические критерии сделкоспособности несовершеннолетних и их сущностные характеристики

Светлана Владимировна Воронина¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, bukshina-sv@mail.ru*

Аннотация. Анализируется способность несовершеннолетних совершать сделки как основного способа реализации гражданской правоспособности. Предложена классификация сделкоспособности по социальному и юридическому критериям, дана их характеристика, обоснована важность каждого из них как при конструировании новых норм, так и в действующих. В ходе исследования выявлены такие содержательные критерии, как поведенческие проявления и особое правовое состояние, влияющие на содержание сделкоспособности несовершеннолетних.

Ключевые слова: способность, развитие, возраст, здоровье, поведение, правовое состояние

Для цитирования: Воронина С.В. Социальные и юридические критерии сделкоспособности несовершеннолетних и их сущностные характеристики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 122–138. doi: 10.17223/22253513/53/9

Original article
doi: 10.17223/22253513/53/9

Social and legal criteria for the transactional capacity of minors and their essential characteristics

Svetlana V. Voronina¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

Abstract. Modern challenges have actualised the need for a new look at the participation of minors in transactional legal relations. The aim of the study is to propose a classification of the transactional capacity of minors according to social and legal criteria, to show the relationship of legal capacity with the degree of development of the child, to identify, along with age, other criteria of transactional capacity that determine its content. The theoretical basis of the study are the works of psychologists, legal scholars, both modern and past. The empirical basis was statistical data, specific court cases and documents of higher courts. The formal-logical method contributed to the analysis of normative material; the process of functioning and development of transactional capacity was described by means of modelling; the classification of transactional capacity

by criteria revealed the essential features of each of them; new criteria of transactional capacity were constructed by the method of generalisation.

In the course of the research the legal ability of a citizen to understand the meaning of his actions or to direct them was considered in the relationship with such natural abilities of a person as intellectual, volitional and physical. Traditionally, the intellectual and volitional ability to act consciously is formalised by age as the only possible quantitative measurement of a person's maturity level. The gradual maturation of a person leads to the expansion of his/her legal capacity, which is fixed by law in separate norms on the legal capacity of minors. Transactional capacity as a fundamental component of legal capacity is a dynamic category, as its content and realisation depend on many social and legal factors. In the course of the study it was substantiated that the use of age as the only legal criterion complicates the realisation of the transactional capacity of minors who have health peculiarities, in particular, when physical defects do not allow them to make a transaction.

The conclusion is made about behavioural manifestations as a legal criterion based on the degree of maturity of a person. Unreasonable disposal of income; abuse of alcohol and drugs, gambling, as a result of which the property rights and interests of the family are violated; conclusion of marriage in violation of the requirements of the law all this is qualified as unlawful behaviour, which entails the application of civil law sanctions. The analysis of norms on civil capacity and family legal personality has allowed to reveal such legal criterion of transactional capacity as a special legal state of minors. In the event of emancipation and marriage, a minor acquires full civil capacity and thus full transactional capacity, except for the age limits established by law. Based on the fact that early marriages are concluded by an immature personality, it is proposed to exclude the possibility of full transactional capacity of minors married under the law of the region of the Russian Federation before the age of 16.

Keywords: ability, development, age, health, behaviour, legal status

For citation: Voronina, S.V. (2024) Social and legal criteria for the transactional capacity of minors and their essential characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 122–133. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/9

Гарантированные законом возможности быть носителем прав и обязанностей, приобретать, пользоваться, а также исполнять их определяются термином «способность», семантика которого означает «природная данность, талантливость; умение, возможность производить какие-нибудь действия». Естественное происхождение способности позволяет интерпретировать ее как социальную категорию, отражающую качества (свойства) личности и обладающую количественными характеристиками, подлежащими измерению по степени, стадии развития или уровню.

Способности индивидуума проявляются в его поведении, которое оценивает степень развития (зрелости) человека. Определение реального уровня развития, отмечает Л.С. Выготский, не только не исчерпывает всей картины развития, но очень часто охватывает ее незначительную часть. Основным законом развития является разновременность в вызревании отдельных сторон личности и различных ее свойств. В то время как одни процессы развития уже принесли плоды и завершили свой цикл, другие процессы находятся только в стадии созревания [1].

К понятию «зрелость» существует по меньшей мере два теоретико-методологических подхода. Во-первых, зрелость как отдельный период в становлении человека, самый длительный и продуктивный в смысле производственных отношений. Во-вторых, зрелость как определенное интегральное свойство личности, заключающееся в обладании определенными качествами, способствующими гармоничному взаимодействию человека с окружающей средой и самим собой, эффективному решению жизненных задач [2. С. 24]. Последнее значение воспринимается правом, так как именно через взаимодействие субъект проявляет свои личностные качества (способности).

Зрелость характеризуется сформированностью интеллектуальных, волевых и физических качеств человека. Физическое развитие нельзя приписать к юридическим критериям сделкоспособности, так как оно не образующее звено в волеизъявлении, имеющим юридическое значение. Выделяемая психологическая зрелость, заключающаяся в достаточном для эффективной деятельности уровне развития познавательных процессов, эмоций и воли [3], зависит от психического развития, формирующего интеллект, поэтому не является автономным показателем зрелости. Правильнее говорить о психологической адаптивности как об индивидуально-психическом свойстве, т.е. насколько хорошо личность будет адаптирована к изменяющимся внешним условиям, зависит от степени индивидуальных способностей личности к установлению оптимальных отношений со средой.

Психологическую зрелость (адаптивность) как индивидуальную характеристику целесообразно учитывать не столько «для обеспечения проектирования правовых норм и их реализации» [4], сколько для разрешения конкретного спора в качестве ситуационного метода правового регулирования. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан указала: «...согласно заключению амбулаторной судебной комиссионной психологической экспертизы П., хотя и была способна ориентироваться в юридическом содержании ситуации, однако в силу ее личностной незрелости, социально-психологической неразвитости и общеобразовательной неподготовленности не могла понимать значения осуществляемой сделки.

Таким образом, поскольку сделка совершена недееспособной без согласия ее законного представителя, П. в силу личностной незрелости, социально-психологической неразвитости и общеобразовательной неподготовленности не могла понимать значения осуществляемой сделки, выводы суда первой инстанции являются правильными» [5]. Описание личности характеризует низкий уровень интеллектуального развития, а значит, и низкую общественную адаптивность подростка, что повлияло на решение суда.

Познавательная способность понимать (осознавать) свои действия как свойство психики называется интеллектом и, будучи умственной способностью, обычно реализуется при помощи других способностей. Интеллектуальное и психическое развитие – неразрывно связанные свойства, поэтому их разделение при характеристике личности представляется не обоснованным. Психическое развитие может иметь значение и в смысле психического

здоровья, состояние которого определяют психические расстройства, приводящие к изменению отношения человека к жизни, самому себе и обществу, а также отношения общества к человеку. Психическое расстройство здоровья приводит к поражению интеллектуальной способности и как следствие – к деформации способности руководить своими действиями, на что право реагирует признанием гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным (интеллектуальный критерий).

От степени интеллектуального (психического) развития человека зависит волеобразование, т.е. способность понимать значение своих действий или руководить ими. Если волевые действия, в философско-психологическом понимании С.Л. Рубинштейна, есть действия, регулируемые осознанной целью и отношением к ней как к мотиву [6. С. 173], то воля – это совокупность психических процессов, обеспечивающих выбор действия. Воля отражается в волеизъявлении – это две стороны одного и того же процесса, психического отношения лица к совершаемому действию. Воля составляет необходимую предпосылку осуществления права. Во-первых, без нее невозможно появление юридических норм, во-вторых, в конечном счете, без волевых актов невозможно осуществление того поведения, которое составляет содержание субъективного права [7. С. 18]. Будучи произведением воли, действие, по крайней мере с юридическим значением, существует только тогда, когда оно действительно есть произведение воли; только акты воли, проявившиеся вовне, принадлежат области права [8. С. 177]. Способность человека делать осознанный выбор и управлять (руководить) своими действиями есть волевой критерий.

Интеллектуальный и волевой (интеллектуально-волевой) критерии развития, будучи свойствами психики человека, в своем единстве образуют юридическую способность гражданина понимать значение собственных действий или руководить ими.

Способность руководить своими действиями – это субъективная категория, внешним измерителем которой традиционно является возраст. Формальное определение возраста имеет два значения. Первое – условный возраст или возраст развития определяется путем установления местоположения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития, на основании каких-то качественно-количественных признаков. Возраст развития и его эталоны многомерны. Биологический возраст определяется состоянием обмена веществ и функций организма по сравнению со статистически средним уровнем развития, характерным для всей популяции данного хронологического возраста. Социальный возраст индивида измеряется путем соотнесения уровня его социального развития с тем, что статистически нормально для его сверстников. Психический возраст определяется путем соотнесения уровня психического (умственного, эмоционального и т.д.) развития индивида с соответствующим нормативным среднестатистическим симптомокомплексом. Все эти категории подразумевают какое-то объективное, внешнее измерение [9]. Второе

значение — абсолютный, календарный или хронологический возраст, который выражается количеством временных единиц, измеряющим онтогенез психических процессов и психологических качеств личности. В силу того что возраст образуется как форма [10. С. 7], с помощью которой измеряется интеллектуальный и волевой уровни зрелости, именно поэтому он является необходимым атрибутом правореализационной нормы и выступает в качестве юридического критерия.

Возрастом как синонимом степени зрелости лица очерчивается тот объем гражданской дееспособности, который необходим несовершеннолетним в гражданских правоотношениях. По своей правовой природе возраст — это юридический факт (событие), порождающий правовое состояние несовершеннолетнего, отличающееся по набору правовых возможностей, осуществление которых подвержено специальному правовому регулированию. Достижение установленного законом возраста изменяет содержание гражданской дееспособности, в том числе сделкоспособности несовершеннолетних. Формирование норм о сделкоспособности несовершеннолетних основывается на этапах психофизического взросления человека, позволяющего ему осознанно действовать в своих интересах. Адресованные несовершеннолетним правовые нормы учитывают их волевою способность и содержатно предоставляют им возможность постепенно и вдумчиво совершать самостоятельные волевые действия. Юридически значимый процесс формирования воли для их участия в гражданских правовых отношениях детально регулируется императивными нормами через институты законного представительства [11].

Регламентация дееспособности несовершеннолетних, как отмечает Я.Р. Веберс, преследует не только охранительные, но и воспитательную цель, которая заключается в том, чтобы соразмерно степени умственного развития и материальной самостоятельности несовершеннолетних они постепенно накапливали опыт самостоятельного участия в гражданских правоотношениях [12. С. 139].

ГК РФ в виде отдельных статей о дееспособности поделил несовершеннолетних на две возрастные группы с разным набором способностей к юридически значимым действиям. Обладая преимуществами, такой порядок, по мнению Г.Ф. Шершеневича, имеет и недостатки, объединяемые обыкновенно с поведением всех участников под одну норму. Возможно, лицо достигнет зрелости ранее законного срока, и тогда для него было бы тяжело находиться под излишней опекой; возможно, наоборот, что лицо останется умственно неразвитым и по достижении срока, и тогда было бы опасно оставить его без руководителя [13. С. 91]. Легальные нормы возраста, констатирует Ю.С. Гамбаров, не свободны от элемента произвола, потому-то влияние возраста обнаруживается на различных индивидах различно. Но право как общая и вперед известная всем норма для будущих действий, не может опираться на неизмеримое разнообразие физического и духовного развития всех человеческих индивидуумов. Здесь право, чтобы провести принцип ра-

венства, особенно ценный в применении для гражданского оборота, который охотнее считается с определенными и рассчитанными на всех нормами, пересиливает фактическое неравенство [14].

Первая группа – несовершеннолетние от рождения до 14 лет, именуемые законом малолетние. Впервые использована внутренняя градация от рождения до 6 лет и от 6 до 14 лет. Дифференцированный подход к сделкоспособности малолетних абсолютно оправдан. До 6 лет ребенок тоже действует, но осознавать для него не означает воспринимать и перерабатывать воспринимаемое посредством внимания, памяти, мышления. Неосознанное поведение ребенка не может быть подконтрольно правовым предписаниям и оцениваться с помощью правового инструментария, поэтому, исходя из практической бесполезности, регулирование сделок малолетних, не достигших 6 лет, не подвержено праву.

Чем старше становится ребенок, тем выше уровень его социально-психического развития, позволяющий участвовать в жизни общества. 6 лет и 6 месяцев – возраст начала получения начального общего образования. У ребенка уже достаточно развита внимательность и память для осознания и овладения определенными навыками. Шестилетний возраст – мерило зрелости ребенка, способного осознанно взаимодействовать с окружающей средой, и поэтому выступает началом сделкоспособности. Степень развития, при которой у человека сформированы все базовые способности, позволяющие ему самостоятельно в полном объеме осуществлять свои права и обязанности, устанавливается в 18 лет. В то же время положительные проявления зрелости лицом, не достигшим совершеннолетия, находят отклик в дозволительных нормах гражданского права, устанавливающих момент осуществления субъективного права ранее, чем обычно.

Современные вызовы не позволяют сохранить традиционный взгляд на дееспособность несовершеннолетних и побуждают к поиску новых подходов к ее конструированию. Использование возраста как единственного юридического критерия разграничения дееспособности порождает пробелы в законодательстве, осложняющие реализацию сделкоспособности несовершеннолетним с индивидуальными особенностями здоровья и иными функциональными возможностями.

Несовершеннолетние могут быть не способны совершить сделку в письменной форме вследствие физического недостатка, болезни или неграмотности. По общему правилу ГК РФ по просьбе такого гражданина сделку может подписать другой гражданин. В данном случае волеспособность несовершеннолетнего проявляется не только в способности совершать сделку, но и в способности взаимодействовать с рукоприкладчиком. Для решения проблемы реализации сделкоспособности несовершеннолетними с ограниченными физическими возможностями, но обладающими уровнем интеллекта (умственной способностью) в ст. 26 ГК РФ предлагается внести дополнение: «При наличии у несовершеннолетнего заключения врачебной комиссии по имеющемуся у него заболеванию, препятствующему совершать те или иные действия самостоятельно при условии сохранности интеллекта,

орган опеки и попечительства по заявлению родителей, усыновителей или попечителя может выдать разрешение родителям, усыновителям или попечителю на совершение от имени несовершеннолетнего и в его интересах сделок» [15]. Здесь не происходит приравнивания к сделкоспособности малолетних, данная норма призвана обеспечить реализацию сделкоспособности несовершеннолетних, осознающих характер действия, но физически неспособных его проявить в силу состояния здоровья.

Несовершеннолетние, имеющие психическое расстройство, с учетом степени нарушения способности понимать значение своих действий или руководить ими, могут быть признаны судом недееспособными или ограниченными в дееспособности. Если институт недееспособности давно известен гражданскому праву, то п. 2 ст. 30 ГК РФ: «Гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством» – введен недавно. Ему предшествовали научные дискуссии, обращение в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности п. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 ГК РФ, применяемых к гражданину, имеющему легкие психические нарушения и способному принимать осознанные самостоятельные решения во всех сферах социальной жизни и совершать юридически значимые действия, в частности мелкие бытовые сделки за счет собственной пенсии, направленные на удовлетворение своих разумных потребностей и не нарушающие права и законные интересы других лиц [16].

При развитии способностей несовершеннолетнего, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц суд признает такого гражданина ограниченно дееспособным. Восстановление умственной способности «восстанавливает» и юридическую способность самостоятельно совершать сделки. Квалифицирующим признаком правового положения несовершеннолетнего как участника сделочных правоотношений является состояние здоровья независимо от возраста. В пересечении двух положений ГК РФ, касающихся разных случаев участия несовершеннолетнего в правоотношениях при применении норм одного порядка первенство отдается нормам ст. 30 ГК РФ, распространяющейся на граждан с особенностями здоровья. Содержание сделкоспособности последних определяется специальной нормой, отсылающей к статье о дееспособности несовершеннолетних от 14 до 18 лет. В обоих случаях субъекты обладают неполной дееспособностью, так как уровень их интеллектуального развития не позволяет действовать самостоятельно.

Способности выражаются во внешне наблюдаемых проявлениях активности, направленной на установление и поддержание жизненно необходимых связей человека с окружающей средой и друг с другом. На формирование поведения влияют «природа» и «воспитание», какому из этих факторов отдать преимущественную роль, спор идет давно. Наука этология считает, что формы поведения человека обусловлены генетически. Полученная от

родителей наследственная информация весьма значима в становлении личности ребенка. Важным является и воспитание как формирование направленности личности, которая рассматривается как совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность, и характеризуется уровнем развитости, широтой развитости, интенсивностью и действенностью. Каждый человек, каждая личность имеет свой уровень сформированности направленности. Главная роль в воспитании ребенка отведена семье, родителям. Обязанность родителей по воспитанию и обязанность заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей возведены в ранг юридических.

Человек как существо разумное, наделенное естественными качествами, развивающимися под воздействием внешних факторов, обладает способностью контролировать свое поведение, которая осложняется в критические периоды его развития. Поведение гражданина поставлено и под контроль государства. При этом в норме специального регулирования поведенческие проявления отражаются лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Многообразие форм человеческого бытия породило множество видов (форм) отклоняющегося от нормы поведения: противоправное, аддиктивное, девиантное, деструктивное. Поток современной негативной информации, когда в принятии решений доминирует эмоциональный аспект, а не «холодный» разум, в сочетании с экономическими возможностями провоцируют ребенка на неадекватное поведение. Сегодня несовершеннолетние становятся все более активными участниками имущественных правоотношений, а значит, правовая регламентация их самостоятельной сделкоспособности должна быть соразмерна текущему моменту. Назрела потребность переконструировать нормы о сделкоспособности таким образом, чтобы они противостояли современным угрозам безопасности детей, участвующим в имущественных (сделочных) правоотношениях. Создание безопасных условий правореализационного сделочного механизма позволит нивелировать отрицательные поведенческие проявления как самих детей, так и в отношении детей других лиц, имеющих противоправные намерения.

Обеспечение благополучного и защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов государства. Концепция государственной семейной политики в РФ провозглашает формирование здорового образа жизни, исключая употребление алкоголя и табака, сохранение физического, психологического и эмоционального здоровья членов семьи, духовного развития членов семьи и всего общества, социализации детей [17]. Достижению заявленных целей будет способствовать иной подход к содержанию сделкоспособности несовершеннолетних. В первую очередь это касается сделок, направленных на безвозмездное получение выгоды, не требующих нотариального удостоверения либо государственной регистрации, которые можно самостоятельно совершать с шести лет. Суды

отмечают, что по смыслу пп. 2 п. 2 ст. 28 ГК РФ возможность совершать сделки предполагает соблюдение разумных пределов, т.е. учет цены сделки и/или характер предмета сделки [18]. Норма оценочного характера, осмысление которой затруднительно не только для несовершеннолетнего сделко-совершателя, но и для всех, кто сталкивается с ней в своей деятельности. Разумность пределов сделки на соответствие интересам ребенка не может полностью оцениваться самим ребенком, критическое мышление которого не позволяет объективно анализировать информацию, определять ее достоверность и принимать взвешенные решения. Ключевым при совершении сделки для ребенка станет слово «выгода», получение которой может поставить его в неблагоприятное положение. Может так сложиться, что подарки послужат «подкупом» ребенка родителем, проживающим отдельно и (или) находящимся в конфликте с другим родителем; бабушка и дедушка втайне от родителей задаривают внуков в знак своей безграничной любви; передавая имущество, взрослые имеют цель манипулировать сознанием ребенка с применением обмана, шантажа, угроз и т.п.

Полагаем, что во избежание угрозы безопасности детей категория разумности пределов совершения сделки должна быть воплощена в законе. Кроме того, ГК РФ должен содержать запрет совершать малолетним от 6 до 14 лет сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды (принятие дара), не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации без согласия законных представителей. В виде исключения малолетние могут самостоятельно принимать дар в виде наград, поощрений за личные заслуги в творчестве, спорте, общественной работе и т.п. В силу того что участие малолетних в студиях, кружках, секциях оформляется договором с их законными представителями, презюмируется, что они знают и контролируют все финансовые поступления.

Дарение родственниками, друзьями подарков на дни рождения и иные праздники с согласия законных представителей не ущемляет права и интересы ни дарителя, ни одаряемого, так как основная цель договора – обогащение лица (приумножение имущества) – достигается. Подарок становится объектом внимания взрослых членов семьи, им известна личность дарителя и вся ответственность за поведение малолетнего и соблюдение его интересов лежит исключительно на родителях (лицах, их заменяющих), так как это сфера имущественных отношений относится к вопросам внутрисемейной жизни.

Право несовершеннолетних от 14 до 18 лет самостоятельно совершать сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации, стоит ограничить пределами обычного подарка, стоимость которого не превышает трех тысяч рублей. Имущество большей стоимости несовершеннолетний должен принимать с согласия родителей (лиц, их заменяющих). Такое разумное нормативное регулирование поставит поведение подростка под контроль родителей, что позволит избежать неразумного распоряжения.

Поведенческие проявления как критерий сделкоспособности обладают свойством двойного назначения. В правореализационных нормах он либо «скрыт» в виде перечня дозволительных действий субъекта, либо имеет явное текстуальное выражение в санкциях статьи. Одним из таких примеров является недействительность брака, заключенного с нарушением требований семейного законодательства. Поведение недобросовестного супруга (-ов) свидетельствует о низкой интеллектуальной зрелости несовершеннолетнего, на что закон в качестве гражданско-правовой меры предусматривает возврат в исходное правовое состояние. Суду предоставляется право рассмотреть вопрос об утрате полной дееспособности с учетом конкретных обстоятельств дела и жизненной ситуации, а значит, решение не будет вынесено, если суд придет к выводу о том, что применение санкции будет не в интересах несовершеннолетнего и (или) членов его семьи.

Значение поведенческого проявления хорошо демонстрируется в п. 4 ст. 26 ГК РФ об ограничении или лишении несовершеннолетнего права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами. Достаточными основаниями для изменения содержания сделкоспособности принято считать неразумное распоряжение своими заработком, стипендией и иными доходами для покупки спиртных напитков, азартных игр, иных целей, противоречащие закону, основам правопорядка и нравственности. Для удобства квалификации поведения как неразумного предлагаем использовать судебное толкование сделок, заключенных с противоправной целью: сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои; направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте; направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду, на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми [19].

Можно вывести следующую дефиницию: поведение, при котором в результате потребления товаров, работ и (или) услуг причиняется вред здоровью и физическому, психическому, духовному и нравственному развитию личности, является неразумным (неадекватным). Причинение вреда является юридически значимым обстоятельством, но не в смысле расходов на восстановление нарушенных субъективных прав, а в значении нравственной категории – развитие личности. Ограничение (лишение) неполной дееспособности помимо защиты прав ребенка и его наказания, превентивности правонарушений выполняет и воспитательную функцию и, по сути, является реакцией закона на проблемы внутрисемейной жизни, так как негативное поведение несовершеннолетнего – это результат неспособности родителей взаимодействовать с ребенком, неумения выбирать эффективные способы воспитания и применять их на практике.

Под действие санкции не подпадает «неучастие» несовершеннолетнего в имущественных расходах семьи, потому что такое поведение нельзя рассматривать как обстоятельство, свидетельствующее о явно неразумном распоряжении доходами. Если несовершеннолетний расходует денежные средства без учета собственных потребностей в питании, одежде, чрезмерно тратит их на свои увлечения, но такое поведение не причиняет вреда его личности, то считать распоряжение доходами неразумным юридически несостоятельно. Потребности несовершеннолетнего в питании и одежде удовлетворяются за счет родителей, обязанных его содержать. Данная обязанность не может быть переложена на самого несовершеннолетнего, даже если он имеет самостоятельный и достаточный для самообеспечения доход [20. С. 16–17].

Суд удовлетворяет заявление только при подтверждении обстоятельств, свидетельствующих о явно неразумном распоряжении несовершеннолетним своими доходами с учетом характеристики его личности, анализе внутрисемейных отношений, показаний ребенка, заключения органа опеки и попечительства. Выбор между ограничением или лишением элемента сделкоспособности зависит от пожелания заявителя, обстоятельств дела и усмотрения суда. В любом случае решение суда должно соответствовать интересам несовершеннолетнего, стимулировать его на получение знаний и совершенствование умений разумного расходования денег, формирование собственной дисциплинированности и способствовать осознанию им необходимости изменения своих поведенческих привычек.

Иной оттенок санкционная норма п. 4 ст. 26 ГК РФ приобретает для несовершеннолетнего, ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства (п. 2 ст. 30 ГК РФ). Неразумное распоряжение доходами связано с состоянием здоровья, характеризующимся низким уровнем интеллектуальных и волевых способностей лица, поэтому основная цель нормы – защитить имущественные права и интересы больного гражданина.

Другой случай поведенческих проявлений отражен в п. 1 ст. 30 ГК РФ, который во взаимосвязи с п. 2 ст. 13 СК РФ распространяется на несовершеннолетних, состоящих в браке. Фактические обстоятельства – пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами в совокупности с юридическим обстоятельством, поведением гражданина, которое ставит его семью в тяжелое материальное положение, – служат основанием для ограничения несовершеннолетнего в дееспособности. Под пристрастием к азартным играм, разъясняет Верховный Суд РФ в постановлении № 25, следует понимать психологическую зависимость, которая помимо труднопреодолимого влечения к игре характеризуется расстройствами поведения, психического здоровья и самочувствия гражданина. Возможность ограничения дееспособности лица, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими средствами, не зависит от признания его страдающим хроническим алкоголизмом или наркоманией. Внешние проявления психики человека принимаются во внимание в контексте защиты имущественных прав и интересов членов семьи гражда-

нина. По сроку действия ограничение дееспособности (сделкоспособности) – это мера срочного характера, а значит, существует, пока не прекратятся обстоятельства, ее породившие. Корректировка поведения гражданина возможна с помощью таких социально-правовых регуляторов, как лечение, психологическая помощь и т.п.

По мере взросления несовершеннолетние наделяются еще большим спектром правовых возможностей. Одной из таких следует назвать право заниматься предпринимательской деятельностью, для реализации которого несовершеннолетний должен быть более интеллектуально развит, чем его сверстники. Однако закон не считает зрелость (способность) несовершеннолетнего, занимающегося предпринимательской деятельностью, достаточной для наделения его полной дееспособностью. Из грамматического анализа ст. 27 ГК РФ: «Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью» – следует, что эмансипации предшествует занятие одним из видов деятельности. Эмансипация как подинститут гражданской правосубъектности является формально-правовым индикатором индивидуальной зрелости несовершеннолетнего, способного самостоятельно осуществлять все действия гражданско-правового характера.

Для эмансипации в административном порядке достаточно согласия обоих родителей (усыновителей) или попечителя. Объяснение тому, что волеизъявлению родителей придается решающее значение, кроется в сущности семейных отношений. Родители или законные опекуны, как гласит Конвенция о правах ребенка, несут основную ответственность за его воспитание и развитие, а значит, они лучше всех знают своего ребенка, доверяют ему, считают его состоявшейся личностью и дают ему шанс «выбиться в люди». По сути, волеизъявление родителей – это нормативное свидетельство того, что ребенок способен самостоятельно участвовать в имущественных (сделочных) правоотношениях и не нуждается в опеке взрослых. При отсутствии согласия обоих родителей эмансипация происходит в судебном порядке с исследованием всех обстоятельств жизни ребенка и его личности. Эмансипация порождает такое особое правовое состояние, при котором, оставаясь лицом, не достигшим совершеннолетия, несовершеннолетний наделяется способностью самостоятельно осуществлять все гражданские права, в том числе совершать сделки, т.е. полной сделкоспособностью. Степень интеллектуальной зрелости эмансипированного несовершеннолетнего синонимична 16 годам.

Другим юридическим измерителем самостоятельной способности несовершеннолетнего как участника правоотношений является брак, фактически «символизирующий» физическую (половую) и сопутствующую ей интеллектуальную зрелость лица. Как правило, уважительными причинами для снижения брачного возраста являются беременность женщины или рождение ребенка, что, как правило, не подтверждает высокую степень зрелости

брачующихся. Сложный юридический состав (беременность или рождение ребенка и возраст) порождает субъективное право на вступление в брак, с реализацией которого закон связывает изменение семейного и гражданского правового статуса несовершеннолетнего. Гражданин, вступивший в брак до достижения 18 лет, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак (п. 2 ст. 21 ГК РФ), и в отношении него прекращаются родительские права и обязанности, предусмотренные гл. 12 СК РФ (п. 2 ст. 61 СК РФ).

Законами субъектов РФ могут быть установлены порядок и условия, при наличии которых с учетом особых обстоятельств может быть разрешено вступление в брак в виде исключения до достижения возраста 16 лет (п. 2 ст. 13 СК РФ). Полагаем, что такое особое обстоятельство, как непосредственная угроза жизни одной из сторон выглядит юридически нецелесообразным, так как не характеризует развитие личности, необходимое для осознанного волеизъявления. Ранее законопроект № 191278-3 «О внесении изменения и дополнения в статью 13 Семейного кодекса Российской Федерации (о порядке и условиях снижения брачного возраста в возрасте от 14 до 16 лет)» предлагал разумную норму: «В виде исключения по решению высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации может быть разрешено вступить в брак лицу в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет с согласия его родителей, усыновителей или попечителя при наличии особых обстоятельств (беременности или рождения ребенка)» [21]. Затем появилась иная редакция, потому что «разрешение вступать в брак только после 14 лет не учитывает конкретных обстоятельств, по которым и до этого возраста может наступить половое созревание». Проект был отклонен с мотивировкой, что вступление в брак предполагает не только половую, но и необходимую психологическую зрелость – способность человека осознавать, правильно оценивать свои действия и руководить ими; ввиду отсутствия психологической зрелости лица в возрасте до 14 лет признаются по закону малолетними и полностью недееспособными. Заметим, что малолетние сами осуществляют некоторые права, поэтому отнесение их к полностью недееспособным терминологически и содержательно неправильно, а способность оценивать действия и руководить ими – это психическая способность, выраженная в интеллекте.

Снижение брачного возраста по закону субъекта РФ с учетом приобретения супругами полной гражданской дееспособности выглядит как юридический алогизм. Во-первых, региональный закон распространяет нормативные требования на определенный круг субъектов в рамках территориальной сферы своего действия, а значит, порождает разный момент наступления брачной правосубъектности, что ставит несовершеннолетних граждан РФ в неравное юридическое положение. Во-вторых, нарушается универсальный подход к единому возрасту как юридическому критерию гражданской дееспособности несовершеннолетних, в том числе и для приобретения полной гражданской дееспособности.

Интересно, что для «очередного» брака несовершеннолетние снова должны пройти процедуру снижения брачного возраста, так как однажды проявившийся интеллектуальный (психический) и физический (половой) критерий зрелости больше не учитывается, а разрешение органа местного самоуправления имеет силу только для конкретной жизненной ситуации, т.е. имеется некая «квазизрелость».

Считаем, что физическая (половая) и интеллектуальная зрелость, «облегченная» в праве на брак с 14–15 лет, не должна порождать полную гражданскую дееспособность несовершеннолетнего. Очевидно, что семейно-правовое состояние супружества и родительства не означает достаточный уровень зрелости несовершеннолетнего для участия в гражданских правоотношениях. Гражданская дееспособность несовершеннолетних, вступивших в брак по закону субъекта РФ, должна оставаться частичной до их шестнадцатилетия как в отношении себя лично, так и в отношении своих детей.

Таким образом помимо возраста как традиционного критерия измерения способности лица совершать сделки, другими юридическим критериями следует назвать: особое правовое состояние, возникающее из специальных юридических фактов отраслевого законодательства и порождающее полную гражданскую дееспособность (сделкоспособность) несовершеннолетних, за исключением возрастных ограничений, установленных законом; форму поведения как совокупность существенных свойств человека, определяющую тот или иной образ жизни несовершеннолетнего, влияющего на содержание его сделкоспособности; состояние здоровья, изменяющее содержание неполной сделкоспособности посредством ограничения или лишения дееспособности с возможностью ее восстановления при отпадении обстоятельств ее породивших.

Список источников

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 4, ч. 2: Проблема возраста. URL: <http://www.koob.ru>
2. Маленова А.Ю., Потапова Ю.В. Зрелость личности и ее критерии как предикты изучения ситуации сепарации // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2014. № 2. С. 21–29.
3. Бейкер К., Варга А.Я. Теория семейных систем Мюррея–Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика. М. : Когито-Центр, 2005. 496 с. URL: <https://fictionbook.ru/static/trials/09/37/08/09370803.a6.pdf>
4. Тарусина Н.Н., Конева Е.В., Симонова С.В. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 155–164. URL: <https://www.consultant.ru>
5. Апелляционное определение от 21.05.2015 № 33-7316/2015. URL: <https://www.consultant.ru>
6. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание // Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М. : Наука, 1997. 462 с.
7. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 368 с.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2000. 829с.
9. Кон И.С. Возраст и возрастные категории. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek>

10. Психология зрелости: жизненные отношения личности : курс лекций / авт.-сост. Е.П. Милашевич. Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2008. 82 с.
11. Физические лица как субъекты российского гражданского права / А.С. Ворожечин, О.И. Гентовт, Н.В. Козлова и др. ; отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М., 2022. URL: <http://www.consultant.ru>
12. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. 231 с.
13. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула : Автограф, 2001. 719 с.
14. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. СПб., 1911. URL: <http://inter-net.garant.ru>
15. Кочегарова Д.Ф., Бердников А.А. Дееспособность несовершеннолетних с ограниченными возможностями // Адвокат. 2015. № 3. URL: <http://www.consultant.ru>
16. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.
17. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
18. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26.12.2022 № 02АП-9034/2022 по делу № А28-6109/2022. URL: <https://www.consultant.ru>
19. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
20. Воронина С.В., Кирюшина О.А. Проблемы определения достаточных оснований ограничения права несовершеннолетнего самостоятельно распоряжаться своими доходами // Российско-Азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 14–19.
21. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/191278-3#bh_histras

References

1. Vygotskiy, L.S. (n.d.) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4(2). [Online] Available from: <http://www.koob.ru>
2. Malenova, A.Yu. & Potapova, Yu.V. (2014) Zrelost' lichnosti i ee kriterii kak predikty izucheniya situatsii separatsii [Personality Maturity and Its Criteria as Predictors of Studying the Separation Situation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"*. 2. pp. 21–29.
3. Baker, K. & Varga, A.Ya. (2005) *Teoriya semeynykh sistem Myurreya–Bouena: osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika* [Murray–Bowen Family Systems Theory: Basic Concepts, Methods, and Clinical Practice]. Moscow: Kogito-Tsentr. [Online] Available from: <https://fictionbook.ru/static/trials/09/37/08/09370803.a6.pdf>
4. Tarusina, N.N., Koneva, E.V. & Simonova, S.V. (2023) Pravosub"ektnost' rebenka: aktualizatsiya vozmozhnostey i ikh ogranicheniya [Legal capacity of a child: Actualization of possibilities and their limitations]. *Pravoprimenenie*. 7(1). pp. 155–164. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru>
5. Russian Federation. (2015) *Apellyatsionnoe opredelenie ot 21.05.2015 № 33-7316/2015* [Appellate ruling No. 33-7316/2015 of May 21, 2015]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru>
6. Rubinshteyn, S.L. (1997) *Izbrannye filosofsko-psikhologicheskie trudy: Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected philosophical and psychological works: Fundamentals of ontology, logic and psychology]. Moscow: Nauka.
7. Bratus, S.N. (1950) *Sub"ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of Civil Law]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit-ry.

8. Meyer, D.I. (2000) *Russkoe grazhdanskoe parvo* [Russian Civil Law]. Moscow: Statut.
9. Kon, I.S. (n.d.) *Vozrast i vozrastnye kategorii* [Age and Age Categories]. [Online] Available from: <http://www.gumer.info/bibliotek>
10. Milashevich, E.P. (2008) *Psikhologiya zrelosti: zhiznennye otnosheniya lichnosti* [Psychology of Maturity: Life Relationships of the Individual]. Vitebsk: VSU.
11. Kozlova, N.V. & Filippova, S.Yu. (eds) (2022) *Fizicheskie litsa kak sub"ekty rossiyskogo grazhdanskogo prava* [Individuals as Subjects of Russian Civil Law]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>
12. Webers, Ya.R. (1976) *Pravosub"ektnost' grazhdan v sovetskom grazhdanskom i semeynom prave* [Legal capacity of citizens in Soviet civil and family law]. Riga: [s.n.].
13. Shershenevich, G.F. (2001) *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law]. Tula: Avtograf.
14. Gambarov, Yu.S. (1911) *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. General Part]. St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: <http://in-internet.garant.ru>
15. Kochegarova, D.F. & Berdnikov, A.A. (2015) *Deеспособность несовершеннолетних с ограниченными возможностями* [Legal capacity of minors with disabilities]. *Advokat*. 3. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>
16. Russian Federation. (2012) *Po delu o proverke konstitutsionnosti punktov 1 i 2 stat'i 29, punkta 2 stat'i 31 i stat'i 32 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki I. B. Delovoy: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.06.2012 № 15-P* [On verifying the constitutionality of paragraphs 1 and 2 of Article 29, paragraph 2 of Article 31 and Article 32 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. B. Delova: Resolution No. 15-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2012]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 5.
17. Russian Federation. (2014) *Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r* [On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025: Order No. 1618-r of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 35. Art. 4811.
18. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Vtorogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 26.12.2022 № 02AP-9034/2022 po delu № A28-6109/2022* [Resolution No. 02AP-9034/2022 of the Second Arbitration Court of Appeal dated December 26, 2022, Case No. A28-6109/2022]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru>
19. Russian Federation. (2015) *O primenении судами некотorykh polozheniy razдела I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25* [On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution No. 25 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 8.
20. Voronina, S.V. & Kiryushina, O.A. (2019) *Problemy opredeleniya dostatochnykh osno-vaniy ogranicheniya prava nesovershennoletnego samostoyatel'no rasporyazhat'sya svo-imi dokhodami* [Problems of determining sufficient grounds for restricting the right of a minor to independently dispose of his income]. *Rossiysko-Aziatskiy pravovoy zhurnal*. 1. pp. 14–19.
21. Russian Federation. (n.d.) *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatelnosti* [System of legislative activity support]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/191278-3#bh_histras

Информация об авторе:

Воронина С.В. – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: bukshina-sv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Voronina S.V., Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: bukshina-sv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.02.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 22.02.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 347.9
doi: 10.17223/22253513/53/10

Переход из одного вида судопроизводства в другой после возбуждения производства по делу

Наталья Георгиевна Галковская¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, ni13012003@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается порядок трансформации одного вида судопроизводства в другой в порядке ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ на этапе подготовки дела к судебному разбирательству и во время судебного разбирательства. Обращается внимание на недостатки нормативно-правовой регламентации данного института. Отдельное внимание уделяется порядку процессуального оформления изменения вида судопроизводства. Детально изучаются вопросы о наличии оснований для передачи дела по подсудности в другой суд, порядке замены судьи (судей) и о судьбе процессуальных действий, которые были совершены после смены вида судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, переход к рассмотрению дела по правилам другого судопроизводства, передача дела по подсудности, замена судьи

Для цитирования: Галковская Н.Г. Переход из одного вида судопроизводства в другой после возбуждения производства по делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 139–155. doi: 10.17223/22253513/53/10

Original article
doi: 10.17223/22253513/53/10

Transition from one type of legal proceeding to another after the commencement of the proceedings

Natalya G. Galkovskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ni13012003@mail.ru*

Abstract. The author has conducted a detailed analysis of the mechanism of transition from one type of legal proceedings to another after the initiation of proceedings in the court of first instance; the problems of its legal regulation are outlined. The author uses official statistical data to track the effectiveness of the institute of changing the order of consideration of civil and administrative cases. With the help of rich empirical material the problems arising in solving the issue of transformation of procedural order

are revealed. General and special methods of scientific research (historical, comparative-legal, method of dialectical cognition, formal-logical method of interpretation of law and method of system analysis) formed the methodological basis of this study.

The author has identified the shortcomings of normative-legal regulation of this institute, suggested ways to improve the procedural legislation.

The author analyses the procedure of procedural registration of the change of the type of legal proceedings after the initiation of proceedings in the court of first instance. The conclusion is made about the necessity for the court to issue an independent judicial act in the form of a motivated court ruling; the impossibility of its appeal.

The question of availability of grounds for transferring the case on jurisdiction to another court has been studied in detail. The author took the position that the transfer of the case to the court of jurisdiction does not contradict the principle of invariability of jurisdiction.

It has been established that after the transition the replacement of a judge should not be made arbitrarily, but in accordance with the principles of formation of the composition of the court established in part 3 of article 14 of the Code of Civil Procedure of the RF, part 1 of article 28 of the CAS of the RF, and be fixed by a procedural act. In turn, the absence of the necessary procedural registration of the replacement of judges in the form of a separate definition should be an unconditional ground for the cancellation of a court decision as issued in an illegal composition of the court.

The issue of the consequences of procedural actions that were performed before the transition to the implementation of legal proceedings under the rules of another procedural code has been studied separately. Based on the goals and objectives of justice, the grounds for the introduction of the institute of transition from one type of legal proceedings to another, it is proposed to go the way of preserving the legal significance of all procedural actions that were committed before the definition of transition.

Keywords: civil proceedings, administrative proceedings, transfer to consideration of a case under the rules of other proceedings, transfer of a case on jurisdiction, replacement of a judge

For citation: Galkovskaya N.G. (2024) Transition from one type of legal proceeding to another after the commencement of the proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 139–155. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/10

Положения ст. 33.1 ГПК РФ¹ и ст. 16.1 КАС РФ² содержат коллизионные нормы, устанавливающие возможность перехода из одного вида судопроизводства (гражданского или административного) в другой. Анализ этих положений позволяет сделать вывод, что законодатель выделяет несколько временных этапов для изменения вида судопроизводства. В частях 1 и 2 ст. 33.1 ГПК РФ, ч. 1–4 ст. 16.1 КАС РФ речь идет о применении трансформационных процедур еще до возбуждения производства по делу. Подробный анализ механизма изменения вида судопроизводства на этом этапе изучен автором в рамках отдельного научного исследования. В части 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ закреплена возможность перехода в ходе

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 с изм. от 04.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

подготовки дела к судебному разбирательству или во время судебного разбирательства, т.е. при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Наконец, несмотря на отсутствие прямого указания в нормах процессуального законодательства на возможность применения обозначенной трансформационной процедуры в судах вышестоящих инстанций, Пленум Верховного Суда РФ применительно к КАС РФ в своих Постановлениях от 11.06.2020 № 5¹ (п. 25) и от 09.07.2020 № 17² (п. 23) дал разъяснения, позволяющие осуществлять переход к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства также на стадии апелляционного и кассационного обжалования.

В контексте настоящего исследования поставлена задача проанализировать механизм перехода из одного вида судопроизводства в другой в рамках второго временного отрезка, а именно после возбуждения производства по делу в суде первой инстанции.

Первоначально стоит отметить, что сам трансформационный институт был введен в нормы ГПК РФ и КАС РФ в 2018 г.³ и за все время его действия нормы процессуального законодательства не изменялись и не дополнялись. Хотя изначально, еще на этапе ознакомления с законопроектом было понятно, что вводимые положения породят в процессе их применения множество вопросов. По прошествии времени предположение о скудности законодательного регламентирования трансформационной процедуры, а также процессуальных последствий ее применения на разных этапах судопроизводства подтвердилось. Со стороны Пленума Верховного Суда РФ было принято несколько постановлений, которые лишь поверхностно касаются порядка изменения вида судопроизводства⁴. Все это в совокупности отражается на отсутствии единообразия правоприменительной практики.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 25), от 09.07.2020 № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (п. 23), от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 31), от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (п. 29), от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 28), от 01.06.2023 № 15

Интересными для анализа являются статистические данные о применении указанной процедуры. С 2020 г. в форму статистического отчета о работе судов общей юрисдикции были включены отдельной строкой данные о количестве гражданских и административных дел, в рамках которых судом было вынесено определение о переходе из одного вида судопроизводства в другой. Основываясь на официальных статистических данных, можно констатировать востребованность введенных трансформационных процедур. Так, 2020 г. отличается весьма значительным количеством вынесенных определений в порядке ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ: по нормам ГПК РФ было вынесено 674 317 соответствующих определений, по нормам КАС РФ – 262 177. В 2021 г. количество вынесенных определений существенно сократилось: по нормам ГПК РФ – до 15 348, а по нормам КАС РФ – до 3 382. В 2022 г. следует отметить небольшой рост случаев перехода: по нормам ГПК РФ – до 17 903, по нормам КАС РФ – до 6 659. И, наконец, по статистическим данным за 2023 г. таких определений по нормам ГПК РФ было вынесено 21 310, а по нормам КАС РФ – 7 329¹.

Соответствующие показатели подтверждают имеющиеся нерешенные проблемы по определению надлежащего вида судопроизводства и свидетельствуют о допусках ошибок заявителя при обращении в суд, а также суда при принятии заявления к производству по правилам ненадлежащего вида судопроизводства. Это подтверждает актуальность избранной автором темы исследования.

1. Нормативно-правовая регламентация анализируемого института. В первую очередь обращает на себя внимание разный подход законодателя к расположению ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ в структуре кодексов. В рамках ГПК РФ ст. 33.1 расположена в главе 3 раздела I «Подсудность». В рамках КАС РФ за основу взято менее удачное расположение ст. 16.1 – в главе 1 «Основные положения». По этому поводу в юридической литературе справедливо отмечается, что данные статьи и включенные в них нормы не составляют единый комплекс, поскольку регулируют различные процессуально-правовые ситуации [1]. Действительно, о переходе от одного вида судопроизводства к другому речь идет только в ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ. Другие части указанных статей рассчитаны на их применение еще до решения вопроса о возбуждении производства по делу, т.е. при разрешении вопроса о принятии заявления к производству суда. Поэтому логично их разместить в гл. 13 ГПК РФ «Предъявление иска» (ст. 133) и гл. 12 КАС РФ «Предъявление административного искового заявления» (ст. 127).

В свою очередь, к коллизионным нормам представляется разумным избрать унифицированный подход и разместить их в процессуальном комплексе, посвященном институту подсудности (и подведомственности по

«О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» (п. 36).

¹ Официальные статистические данные Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://cdep.ru/> (дата обращения: 24.06.2024).

КАС РФ). Кроме того, поскольку действия по переходу, в первую очередь должны быть ориентированы на этап подготовки дела к судебному разбирательству, имеет смысл среди подготовительных действий, совершаемых судьей на этапе подготовки, указать на разрешение вопроса о наличии оснований для перехода к рассмотрению дела по правилам иного вида судопроизводства, а также на возможность лиц, участвующих в деле, заявить возражения относительно выбранного заявителем вида судопроизводства. В предварительном судебном заседании при наличии оснований целесообразно ставить на обсуждение участников процесса вопрос об определении вида судопроизводства и подсудности дела¹. Это обусловлено тем, что «именно на подготовке дела к судебному разбирательству перед судом стоит задача осуществить правовую квалификацию отношений сторон, определить закон, подлежащий применению в конкретном деле, в том числе и процессуальный закон» [2].

Содержание ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ полностью совпадает: суд, установив в ходе подготовки гражданского (административного) дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по гражданскому (административному) делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке гражданского (административного) судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского (административного) судопроизводства. Выходит, что закреплена лишь сама возможность перехода, а его порядок и последствия не регламентированы. Конкретные ориентиры процессуальных действий суда (о подлежащем применению процессуальном законодательстве, о порядке процессуального оформления перехода, о необходимости передачи дела по подсудности в другой суд, об особенностях течения процессуальных сроков, о необходимости замены судей и др.) этими нормами не заданы. В рамках настоящего исследования ставится задача поставить на обсуждение самые острые вопросы, которые возникают вследствие «транзитивности судебных производств» [3].

2. *Порядок процессуального оформления изменения вида судопроизводства.* В части 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ законодатель предусматривает необходимость вынесения соответствующего определения. Вместе с тем, по аналогии с этапом возбуждения производства по делу (который урегулирован ч. 1–2 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 1–4 КАС РФ), порядок оформления процессуальных действий будет зависеть от нескольких условий. Нужно учитывать, во-первых, по правилам какого вида судопроизводства (гражданского или административного) изначально был решен судом вопрос о возбуждении производства по делу; во-вторых, могут ли несколько связанных между собой требований, из которых одни подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, другие – в порядке административного судопроизводства, быть рассмотрены судом отдельно друг от друга.

¹ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 18.10.2022 по делу № 66а-2195/2022.

Первая ситуация. В том случае, если исковое заявление было принято по правилам ГПК РФ, но подлежит рассмотрению в полном объеме по правилам КАС РФ, суд, руководствуясь ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ, должен вынести определение о переходе к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства. Аналогичным образом должен решаться вопрос, когда изначально производство по делу было возбуждено по правилам КАС РФ, а подлежит рассмотрению по нормам ГПК РФ. В обоих случаях, с момента вынесения соответствующего определения при рассмотрении гражданского или административного дела применению подлежат нормы ГПК РФ или КАС РФ со всеми вытекающими последствиями, включая определение подсудности дела, состава суда, сроков рассмотрения дела и т.д. (анализ указанных процессуальных последствий – далее по тексту).

Другая ситуация предполагает принятие к производству суда административного искового заявления по правилам КАС РФ, в котором соединено несколько требований, одни из которых подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а другие – в порядке административного судопроизводства, и не допускается их раздельное рассмотрение. Ошибку, допущенную на этапе возбуждения производства по делу, суд должен исправить путем решения вопроса о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства.

В двух перечисленных случаях переход к рассмотрению дела по правилам иного вида судопроизводства требует специального процессуального оформления. Нормами ГПК РФ и КАС РФ четко не определено, требуется ли в данном случае вынесение отдельного определения или достаточно зафиксировать принятое решение в протоколе судебного заседания. На практике встречаются оба варианта процессуального оформления¹. Тем не менее, представляется, что такое определение должно выноситься в форме отдельного документа². Это придаст данному процессуальному действию особую значимость, будет способствовать поддержанию необходимой степени мотивирования.

Исходя из правил ч. 1 ст. 33.1 ГПК РФ, ч. 1 ст. 202, ч. 1 ст. 313 КАС РФ, отдельно от решения суда такое определение не обжалуется, так как данный акт прямо не указан в числе обжалуемых и не препятствует дальнейшему движению дела. В судебной практике зафиксированы неудачные попытки обжалования такого определения с результатом в виде возвращения частных жалоб судом апелляционной инстанции и разъяснением возможности заявить

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2023 № 88-21375/2023; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.03.2024 № 33-9654/2024.

² Вместе с тем отсутствие определения о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства не будет выступать препятствием к рассмотрению дела по правилам ГПК РФ (Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.08.2021 № 64-КАД21-4-К9).

возражения в отношении данного определения (в том числе протокольного) при обжаловании акта, которым заканчивается рассмотрение дела¹.

Многочисленные примеры судебной практики позволяют убедиться в том, что лица, участвующие в деле, в своих доводах, изложенных в апелляционных или кассационных жалобах, ссылаются на нарушение норм процессуального права, определяющих выбор надлежащего вида судопроизводства, не соглашались с вынесенным определением суда об изменении процессуального режима рассмотрения дела. В этой связи показательными являются дела, по которым суды вышестоящих инстанций находят соответствующие доводы убедительными и отменяют судебные акты нижестоящих судов и либо направляют дело на новое рассмотрение², либо переходят к рассмотрению дела по правилам надлежащего судопроизводства, в том числе руководствуясь разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в п. 25 Постановления от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»³.

Анализируемая ситуация сподвигла Е.В. Михайлову предложить реализацию института перехода допускать «только с согласия сторон правового конфликта». По ее мнению, при отсутствии согласия хотя бы одной стороны суду следует выносить определение об отказе в принятии административного искового заявления или о прекращении производства по делу, которые, в свою очередь, могут быть обжалованы в установленном законом порядке [4].

Не разделяя такую идею, стоит отметить, что окончательный выбор порядка рассмотрения дела принадлежит суду. Именно суд, исходя из предмета и основания заявленного требования, иных обстоятельств, имеющих юридическое значение для дела, обязан самостоятельно определить не только подлежащий применению материальный закон, но и процессуальный порядок судопроизводства. Такое процессуальное решение согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 11.11.2014 № 28-П. Справедливо отмечено А.В. Юдиным, что «нормы о процессуальных особенностях рассмотрения дел в порядке отдельного вида судопроизводства адресованы прежде всего суду, а не участникам процесса» [5].

Ставя в зависимость от мнения сторон решение вопроса о порядке рассмотрения дела, аннулируется значение процессуальной формы и понижа-

¹ Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 16.05.2024 № 33а-3193/2024; Апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2024 по делу № 33-22626/2024.

² Апелляционное определение Московского областного суда от 29.01.2024 по делу № 33а-4465/2024; Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 21.11.2023 № 33-7349/2023 и др.

³ Определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.05.2022 по делу № 66а-1220/2022; Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 05.10.2023 № 33а-6430/2023 и др.

ется авторитет суда. Наличие нескольких видов судопроизводства не предполагает произвольный их выбор. Допущенная заявителем ошибка в выборе вида судопроизводства исправляется судом. При этом передача дела из одного вида судопроизводства в другое не должна быть обусловлена получением согласия заявителя.

Завершая анализ процессуального оформления изменения вида судопроизводства в двух перечисленных случаях, дополнительно следует отметить, что Инструкцией по судебному делопроизводству в судах общей юрисдикции прямо предусмотрено: при вынесении судьей определения о переходе к рассмотрению дела по правилам административного либо гражданского судопроизводства в порядке ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ гражданские и административные дела не подлежат регистрации как новое производство, при этом в картотеке судебного делопроизводства подлежит изменению индекс дела, вид производства и учтенная категория дела (порядковый номер и год производства в номере производства по делу сохраняются) и уполномоченным работником аппарата суда делаются соответствующие отметки на обложке производства по делу об изменении индекса производства (п. 6.5.3).

Переходим к анализу *третьей ситуации*. В том случае, когда исковое заявление было принято по правилам ГПК РФ, но после возбуждения производства по делу установлено, что из нескольких заявленных требований одни подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а другие – в порядке административного судопроизводства, и допускается их раздельное рассмотрение, судьей выносится определение о выделении требований, подлежащих рассмотрению в порядке административного судопроизводства, в отдельное производство.

Возможность раздельного рассмотрения требований, одновременно заявленных и ошибочно принятых в полном объеме к производству суда по правилам административного судопроизводства, также обязывает суд выделить в отдельное производство требования, подлежащие рассмотрению по правилам гражданского судопроизводства¹. Следовательно, в данном случае имеются основания для применения положений ч. 1 ст. 151 ГПК РФ и ч. 2 ст. 136 КАС РФ, которые определяют порядок выделения одного или нескольких соединенных исковых требований в отдельное производство. Основанием для выделения требований в данном случае будет допущенная заявителем в момент обращения в суд и судом в момент возбуждения производства по делу ошибка по определению надлежащего процессуального порядка рассмотрения дела. Именно этот довод должен быть положен в основу мотивировочной части определения суда. Суд должен высказать обоснованные

¹ Указанный порядок действий предусмотрен п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» и находит применение в деятельности судов. Например: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2024 № 88а-3418/2024; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.01.2024 № 88а-3437/2024 и др.

суждения о недопустимости совместного рассмотрения разных как по правовой природе, так и по субъектному составу требований в одном виде производства, указать ряд существенных отличий гражданского и административного судопроизводства, в частности в распределении бремени доказывания, пределах активности суда в процессе, сроках для обращения в суд и другие, гарантируя тем самым соблюдение баланса прав участников спора. Неформальный подход будет способствовать правильному пониманию значения корректного и нормативно верного определения процессуального порядка рассмотрения дела [6].

С учетом изложенного, представляется целесообразным в рамках одного определения разрешить одновременно вопрос о выделении требований в отдельное производство и переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского или административного судопроизводства.

После вынесения определения о выделении требований в отдельное производство на основании засвидетельствованных судом копий искового заявления (административного искового заявления) и соответствующих приложенных к нему документов в порядке, предусмотренном ГПК РФ или КАС РФ, разрешаются вопросы, связанные с дальнейшим производством по данным требованиям.

Поскольку установление необходимости рассмотрения части требований по правилам гражданского или административного судопроизводства происходит уже после возбуждения производства по делу, следовательно, не предполагается проверка искового заявления или административного искового заявления на соответствие требованиям ст. 131, 132 ГПК РФ или 125, 126 КАС РФ. Основания для оставления заявления без движения или его возвращения в связи с переходом к рассмотрению дела по правилам иного вида судопроизводства отсутствуют. При необходимости возможные недостатки подлежат устранению на стадии подготовки дела к производству, в ходе которой при наличии оснований возможна передача дела по подсудности, оставление заявления без рассмотрения либо прекращение производства по делу и т.д.¹

Определение о выделении нескольких заявленных требований в отдельное производство, принятое в рамках реализации дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, как и переход в гражданское или административное судопроизводство, – данные процессуальные решения не могут быть обжалованы отдельно от решения суда по делу, поскольку это не предусмотрено законом и не препятствует дальнейшему движению дела (ст. 331, 151 ГПК РФ, ст. 136, 313 КАС РФ)².

Одним из самых острых вопросов, которые возникают в результате применения трансформационных процедур, является *вопрос, касающийся подсудности дела*: влечет ли переход из одного вида судопроизводства в другой

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2023 № 88-11963/2023.

² Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 16.05.2024 № 33а-3193/2024; Апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2024 по делу № 33-22626/2024.

возникновение обязанности суда передать дело в другой суд по подсудности? Судебная практика, сформировавшаяся за последние пять лет, не отличается единообразным подходом по решению этого вопроса.

Первый подход сводится к отстаиванию позиции по отсутствию оснований для изменения первоначальной подсудности дела в случае перехода к рассмотрению дела по правилам иного судопроизводства. Считается, что изначально дело, принятое судом к производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, даже если в дальнейшем оно станет подсудным другому суду. Последующий переход суда к рассмотрению дела по правилам иного вида судопроизводства не свидетельствует о том, что оно принято к производству суда с нарушением правил подсудности. Дело подлежит разрешению по существу тем судом, к производству которого оно принято с соблюдением правил подсудности на момент его принятия. Такой подход может быть проиллюстрирован многочисленными примерами из судебной практики¹.

Так, по одному из дел² была подана частная жалоба на определение суда о передаче дела по подсудности, поводом для вынесения которого послужил переход из административного судопроизводства в гражданское. Заявитель просил не лишать его законной судебной защиты, производство по административному делу продолжить, ссылаясь на то, что суд, переквалифицировав дело, лишил его процессуальных прав, возможностей и территориального права выбора суда. Суд апелляционной инстанции установил, что передавая гражданское дело для рассмотрения по подсудности в другой, суд первой инстанции исходил из того, что по правилам ст. 28 ГПК РФ иск предъявляется в суд по адресу организации, а юридический адрес места нахождения ответчика не относится к юрисдикции этого суда. С данными выводами суд апелляционной инстанции не согласился, применив положения, содержащиеся в ч. 1 ст. 27 КАС РФ и ч. 1 ст. 33 ГПК РФ: дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно станет подсудным другому суду. При этом отметил, что положениями КАС РФ и ГПК РФ не предусмотрено, что переход к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства является основанием для изменения подсудности дела. Поскольку из материалов дела не усматривалось, что административное исковое заявление изначально было принято судом с нарушением правил подсудности, то последующий переход суда к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства не свидетельствует о том, что оно принято к

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 № 88-2852/2023; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2022 № 88а-18747/2022 по делу № 2-1187/2022; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.03.2023 № 88-1546/2023 по делу № 2-397/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2024 № 33-10689/2024 и др.

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.03.2024 № 33-9654/2024.

производству суда с нарушением правил подсудности. В результате частная жалоба была удовлетворена, определение о передаче дела по подсудности отменено как незаконное, а дело возвращено в суд для рассмотрения по существу.

Второй подход прямо противоположный: суды ссылаются на то, что вследствие неправильного выбора вида судопроизводства, ошибочной квалификации правоотношений сторон подсудность дела уже изначально была определена неверно.

Так, в одном из постановлений суд указал, что «обстоятельства, на основании которых суд перешел к рассмотрению настоящего дела по правилам гражданского судопроизводства, существовали на момент принятия иска к производству, однако могли быть установлены и проверены судом только с учетом объяснений участвующих в деле лиц, что предполагает первоначальное принятие к производству иска, ошибочно названного истцом административным. Обратное приведет к созданию необоснованных препятствий на допуск к правосудию»¹.

Считаем необходимым высказаться в поддержку указанного подхода, считая его, как и некоторые другие авторы [7], правильным. После перехода к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства к нему подлежат применению нормы КАС РФ, в том числе, касающиеся подсудности спора. И наоборот, после перехода к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства суд осуществляет его рассмотрение и разрешение, руководствуясь полномочиями, предоставленными нормами ГПК РФ. Следовательно, опираясь на п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 27 КАС РФ, суд передает дело на рассмотрение другого суда, если при рассмотрении дела в данном суде выяснилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности.

При этом суды мотивируют свои определения о передаче дела в суд по подсудности тем, что оснований полагать, что это противоречит принципу неизменности подсудности дела нет, поскольку вследствие неправильного определения характера спора суд принимал к своему производству, по сути, другое дело, в связи с чем применял правила соответствующего, но при этом ненадлежащего вида судопроизводства. Без передачи дела в суд по подсудности будет иметь место нарушение принципа законности, неизменно приводящее к нарушению конституционного права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ)².

Стоит обратить внимание, что дилемма с необходимостью передачи дела по подсудности возникает только в том случае, если трансформационная

¹ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 07.05.2020 по делу № 33-2606/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Такой подход можно встретить в судебной практике: Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.03.2021 по делу № 66а-628/2021; Апелляционное определение Московского городского суда от 04.06.2024 по делу № 33-194905/2024; Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 08.08.2023 № 33-4721/2023 и др.

процедура имеет место после возбуждения производства по делу. Нет никаких сомнений ни у законодателя (ч. 2 ст. 33.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 16.1 КАС РФ), ни у правоприменителя¹ относительно наличия оснований для возвращения заявления в связи с его неподсудностью конкретному суду, который обнаружил ошибку в выборе вида судопроизводства на этапе возбуждения производства по делу.

Следующим последствием изменения вида судопроизводства является *решение вопроса о необходимости замены судьи (судей)*.

Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ч. 2 ст. 28 КАС РФ была дополнена п. 4, который закрепил в качестве самостоятельного основания для замены судьи переход к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства. Позднее аналогичное основание для замены судьи появилось в ч. 5 ст. 14 ГПК РФ (Федеральный закон от 11.06.2022 № 179-ФЗ «О внесении изменений в ст. 14 и 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»).

Следует отметить, что порядок замены судьи (судей) как после смены вида судопроизводства, так и по иным основаниям процессуальными нормами не регламентируется, за исключением предписания начать рассмотрение дела с начала (ч. 6 ст. 14 ГПК РФ, ч. 4 ст. 28 КАС РФ). В связи с этим возникает вопрос: требуется ли соблюдение установленного нормами процессуального законодательства (ч. 3 ст. 14 ГПК РФ, ч. 1 ст. 28 КАС РФ) порядка формирования состава суда (учет нагрузки, специализации судей, использование АИС), либо достаточно распорядительного акта председателя суда?

Если обратиться к опыту решения этого вопроса в рамках системы арбитражных судов, то в п. 37 Регламента арбитражных судов² установлено, что замена происходит с соблюдением требований ст. 18 АПК РФ и установленного в суде порядка распределения дел. Вопрос о замене судьи или одного из судей, рассматривающих дело, другим решается либо председателем судебного состава, либо председателем коллегии, либо председателем суда.

И.В. Решетникова, указывает, что на практике «о замене судьи председатель судебного состава, судебной коллегии или арбитражного суда издает распоряжение или определение, которое приобщается к материалам дела. Не исключается и возможность наложения председателем соответствующей резолюции на докладной записке должностного лица арбитражного суда, в которой изложены обстоятельства, свидетельствующие о необходимости замены судьи. Такая докладная записка также приобщается к материалам дела [8].

¹ См., например: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2023 № 88а-17727/2023; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 № 88а-3554/2022.

² Утвержден Постановлением Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7 (ред. от 22.06.2012).

Возвращаясь к практике судов общей юрисдикции, необходимо учитывать разъяснения Верховного Суда РФ, которые содержатся в п. 9 Постановления Пленума от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: замена судьи или нескольких судей, приступивших к рассмотрению административного дела, возможна на основании определения председателя суда, его заместителя или председателя судебного состава, которое выносится в виде отдельного судебного акта без проведения судебного заседания.

Следует согласиться с А.И. Лещенко, М.А. Парийской, которые придерживаются позиции, что «замена состава суда должна происходить в форме процессуального, а не распорядительного акта и в обязательном порядке исследоваться судами вышестоящих инстанций в связи с тем, что рассмотрение дела в незаконном составе относится к безусловным основаниям для отмены состоявшегося судебного акта» [9].

В любом случае замена судьи председателем должна иметь правовое основание, не должна производиться в произвольном порядке, а в соответствии с установленными в ч. 3 ст. 14 ГПК РФ, ч. 1 ст. 28 КАС РФ принципами формирования состава суда и закрепляться процессуальным актом. Гарантией прав заинтересованных лиц в этом случае служит предусмотренная ГПК РФ и КАС РФ возможность обжаловать в судах вышестоящих инстанций судебное постановление, если оно было принято в незаконном составе суда. Действительно, как показывает судебная практика, отсутствие необходимого процессуального оформления замены судей в виде отдельного определения свидетельствует о рассмотрении дела в незаконном составе суда, что является безусловным основанием для отмены судебного акта¹. При этом само по себе распоряжение председателя суда, его заместителя является распорядительным документом и не заменяет соответствующее определение как судебный акт по конкретному делу, принимаемый в связи с разрешением процессуального вопроса в порядке, предусмотренном законодательством об административном или гражданском судопроизводстве².

Как было указано ранее, в случае замены судьи в процессе рассмотрения дела судебное разбирательство производится с самого начала (ч. 6 ст. 14 ГПК РФ, ч. 4 ст. 28 КАС РФ). Дополнительно нужно учитывать, что переход к рассмотрению дела по правилам гражданского или административного судопроизводства в порядке, установленном ст. 33.1 ГПК РФ или ст. 16.1 КАС РФ, влияет и на течение срока рассмотрения и разрешения дела, который начинается сначала (ч. 4 ст. 154 ГПК РФ, ч. 4 ст. 141 КАС РФ). Вышеперечисленные процессуальные последствия ставят на повестку еще один актуаль-

¹ См., например: Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2022 № 88а-5845/2022; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2022 № 88а-8485/2022; Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 № 88а-6255/2024.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20.04.2021 по делу № 33а-5475/2021.

ный вопрос – о последствиях процессуальных действий, которые были совершены до перехода к осуществлению судопроизводства по правилам другого процессуального кодекса. По причине наличия принципиальных отличий в правилах гражданского и административного судопроизводства судьба совершенных процессуальных действий имеет важное значение как для суда, так и для лиц, участвующих в деле. К сожалению, законодателем оставлен без ответа вопрос относительно обязательности возвращения к нулевой отметке и отмены всех совершенных ранее процессуальных действий либо наоборот, о продолжении рассмотрения дела с сохранением юридического значения совершенных ранее процессуальных действий. Например, остается нерешенным вопрос о судьбе тех доказательств, которые были исследованы другим составом суда до смены вида судопроизводства, но при этом их представление потребовало существенных материальных затрат (например, расходов на проезд свидетеля, эксперта в другой регион). Не ясна судьба тех доказательств, которые были истребованы по инициативе суда в порядке ст. 63 КАС РФ, после того как суд перешел к производству по правилам ГПК РФ.

Представляется, что для ответа на данный вопрос стоит исходить из целей и задач правосудия, которые сформулированы в ст. 1 ГПК РФ и ст. 1, 2 КАС РФ, а также из целей введения института перехода от одного вида судопроизводства в другой. Известно, что реализация полного процессуального регламента по каждому делу трудоемка и требует значительных временных затрат [10]. Если исходить из того, что после смены вида судопроизводства и, как следствие, замены судьи (судей) в буквальном смысле потребуется повторное совершение всех процессуальных действий (после возбуждения производства по делу), то навряд ли такой подход будет отвечать идее эффективности судопроизводства, под которой С.А. Курочкин предлагает понимать реальное достижение определенных законом целей судебной защиты и законных интересов с минимально необходимыми издержками [11]. Поэтому полагаем, что следует согласиться с мнением В.В. Яркова, что более предпочтительным в таком случае является вариант сохранения юридического значения всех процессуальных действий, которые были совершены до вынесения определения о переходе [12].

Далее следует исходить из права суда по своему усмотрению определять необходимость совершения тех или иных действий. Например, у суда имеется возможность, но не обязанность проведения повторной подготовки дела к судебному разбирательству, для совершений подготовительных действий, перечисляемых в ст. 149, 150 ГПК РФ и ст. 135 КАС РФ, если таковые требуются для правильного и своевременного рассмотрения дела. Также потребуется пересмотреть вопрос о распределении бремени доказывания, о привлечении третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (по нормам ГПК РФ), выяснить юридически значимые обстоятельства соблюдения срока обращения в суд (по нормам КАС РФ), срока исковой давности (по нормам ГПК РФ) и др. В то же время,

без сомнения, на суде лежит обязанность в силу принципа непосредственности заново исследовать все имеющиеся в деле и вновь представленные доказательства, установить все значимые обстоятельства, имеющие юридическое значение для правильного разрешения гражданского или административного дела.

В заключение следует признать, что вопрос о наличии оснований для выделения административного судопроизводства в самостоятельную процессуальную форму защиты нарушенных или оспоренных прав до сих пор остается дискуссионным. Хотя, безусловно, ракурс дискуссии спустя почти 10 лет с момента принятия КАС РФ сместился на анализ проблем, которые возникают при выборе надлежащего вида судопроизводства, и способов их решения законодателем. Это, во-первых, доказывает необходимость дальнейшей научной проработки и решения первопричины допускаемых ошибок при выборе процессуального режима рассмотрения юридических дел. Во-вторых, ввиду утопичности самой идеи об окончательности определения критериев выбора надлежащего вида судопроизводства и, как следствие, возникновения на практике коллизионных ситуаций из-за «неверной идентификации» [2] вида судопроизводства требуется проведение детального анализа самого механизма перехода от одного вида судопроизводства в другой. Безусловно, хочется верить, что указанные трансформационные процедуры будут способствовать минимизации неблагоприятных последствий ошибочного определения вида судопроизводства и достижению цели своевременного рассмотрения дела. В то же время хочется надеяться, что подобный «прием» законодателя не отодвинет на второй план решение первоочередной проблемы, связанной с отсутствием четких критериев отнесения дела к административному судопроизводству.

Список источников

1. Потапенко Е.Г. Оптимизация законодательства об административном судопроизводстве в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 284–325. doi: 10.24031/2226-0781-2023-13-3-284-325
2. Немцева В.Б. Гражданское или административное: последствия ошибки в выборе вида судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 10. С. 49–53.
3. Афанасьев С.Ф. О некоторых аспектах реализации института транзитивности судебных производств в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 3. С. 8–12. doi: 10.18572/1812-383X-2024-3-8-12
4. Михайлова Е.В. Проблемы, связанные с отказом от использования института подведомственности // Мировой судья. 2021. № 8. С. 32–39. doi: 10.18572/2072-4152-2021-8-32-39
5. Юдин А.В. Правильный выбор вида гражданского судопроизводства: самоцель или способ оптимизации судебной защиты прав лица? // Российский судья. 2009. № 2.
6. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе. М. : Зерцало-М, 2022. 164 с.
7. Павлова М.С. Реформа института подведомственности: содержание и итоги // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 34–39. doi: 10.18572/1812-383X-2023-6-34-39

8. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О.В. Абонова, Н.Г. Беляева, Ю.С. Колясникова и др. ; отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 480 с.
9. Лещенко А.И., Парийская М.А. Изменение состава суда при рассмотрении дела или совершении отдельных процессуальных действий // Судья. 2019. № 6. С. 42–49.
10. Лазарев С.В. Судебное управление движением дела. М. : Статут, 2022. 330 с.
11. Курочкин С.А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства. М. : Городец, 2024. 480 с.
12. Ярков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

References

1. Potapenko, E.G. (2023) Optimizatsiya zakonodatel'stva ob administrativnom sudoproizvodstve v napravlenii obespecheniya balansa spetsializatsii i unifikatsii protsessual'nogo prava [Optimization of the legislation on administrative proceedings towards ensuring a balance of specialization and unification of procedural law]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 3. pp. 284–325. doi: 10.24031/2226-0781-2023-13-3-284-325
2. Nemtseva, V.B. (2016) Grazhdanskoe ili administrativnoe: posledstviya oshibki v vybere vida sudoproizvodstva [Civil or administrative: consequences of an error in choosing the type of legal proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 10. pp. 49–53.
3. Afanasiev, S.F. (2024) O nekotorykh aspektakh realizatsii instituta tranzitivnosti sudebnykh proizvodstv v sovremennom tsivilisticheskom protsesse [On some aspects of the implementation of the institution of transitivity of judicial proceedings in the modern civil process]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 3. pp. 8–12. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-3-8-12
4. Mikhaylova, E.V. (2021) Problemy, svyazannye s otkazom ot ispol'zovaniya instituta podvedomstvennosti [Problems associated with the refusal to use the institution of jurisdiction]. *Mirovoy sud'ya*. 8. pp. 32–39. DOI: 10.18572/2072-4152-2021-8-32-39
5. Yudin, A.V. (2009) Pravil'nyy vybor vida grazhdanskogo sudoproizvodstva: samotsel' ili sposob optimizatsii sudebnoy zashchity prav litsa? [The correct choice of the type of civil proceedings: An end in itself or a way to optimize the judicial protection of a person's rights?]. *Rossiyskiy sud'ya*. 2.
6. Zhukova, Yu.A. (2022) *Uproshchennoe proizvodstvo v grazhdanskom i arbitrazhnom pro-tsesse* [Simplified proceedings in civil and arbitration proceedings]. Moscow: Zertsalo-M.
7. Pavlova, M.S. (2023) Reforma instituta podvedomstvennosti: sodержание i itogi [Reform of the Institute of Jurisdiction: Content and Results]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 6. pp. 34–39. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-6-34-39
8. Reshetnikova, I.V. (ed.) (2018) *Praktika primeneniya Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Practice of Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt.
9. Leshchenko, A.I. & Pariyskaya, M.A. (2019) Izmenenie sostava suda pri rassmotrenii dela ili sovershenii otdel'nykh protsessual'nykh deystviy [Change in the Composition of the Court When Considering a Case or Performing Certain Procedural Actions]. *Sud'ya*. 6. pp. 42–49.
10. Lazarev, S.V. (2022) *Sudebnoe upravlenie dvizheniem dela* [Judicial management of case movement]. Moscow: Statut.
11. Kurochkin, S.A. (2024) *Effektivnost' grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva* [Efficiency of civil and arbitration proceedings]. Moscow: Gorodets.
12. Yarkov, V.V. (2019) Razgranichenie predmetov vedeniya mezhdu sudami: klyucheveye novelly [Delimitation of subjects of jurisdiction between courts: key innovations]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 7. pp. 31–37.

Информация об авторе:

Галковская Н.Г. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ni13012003@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Galkovskaya N.G., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ni13012003@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.06.2024;
одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 23.06.2024;
approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 347.155.5
doi: 10.17223/22253513/53/11

Гражданско-правовая ответственность опекунов и попечителей

Тамара Викторовна Шепель^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия,*

² *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Новокузнецк, Россия,
^{1,2} tomaser@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается деликтная и договорная ответственность опекунов и попечителей граждан, не имеющих дееспособности или не обладающих ею в полном объеме (подопечных), перед третьими лицами. Выявлены проблемы гражданского законодательства, обусловленные отсутствием единообразного правового регулирования ответственности опекунов и попечителей, независимо от основания недееспособности или неполной дееспособности (возраста или состояния психики) подопечных, предлагаются способы их решения. Дан критический анализ судебной практики по спорам об ответственности опекунов и попечителей по договорам подопечных.

Ключевые слова: опекуны, попечители, недееспособность, неполная дееспособность, деликтная и договорная ответственность

Для цитирования: Шепель Т.В. Гражданско-правовая ответственность опекунов и попечителей // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 156–171. doi: 10.17223/22253513/53/11

Original article
doi: 10.17223/22253513/53/11

Civil liability of guardians and trustees

Tamara V. Shepel^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation
^{1,2} tomaser@mail.ru*

Abstract. The relevance of the topic is conditioned by the imperfection of norms on civil liability of guardians and custodians; the doctrine has not developed a coherent idea of contractual and tort liability of guardians and custodians. Judicial practice on disputes on contractual liability of guardians and trustees is contradictory.
I. Civil liability of guardians of incapacitated citizens.

According to the law, guardians are liable for the transactions of minors and are responsible for the harm caused by them. Judicial practice on contractual disputes concerning the recovery of utility payments for the use of residential premises by minor owners or tenants is contradictory. Courts either deny a claim against a guardian with reference to his/her lack of status as a family member; or claims against guardians are satisfied at the expense of the ward's property, but the guardians are not held liable in the form of penalties for late payment, as they did not enter into a contract with a resource supplying organisation on behalf of the owner.

Similar rules are established by law for contractual and tort liability of guardians of adult mental patients who have been recognised as incapable. In disputes on contractual liability, the courts often rule that the debt should be recovered and the guardian should be held liable in the form of penalties. However, the Supreme Court of the Russian Federation in one of the cases rejected the claim precisely because the guardian did not conclude a contract on behalf of the incapacitated person.

II. Civil liability of guardians of citizens with incomplete legal capacity.

The law defines the subjects of civil liability for the actions of minors aged 14 to 18 depending on the type of such liability: they bear contractual liability on their own; when they cause harm, the trustees are held jointly and severally liable. In the doctrine there is an opinion about shared tort liability of trustees, with which we cannot agree.

Adult citizens, limited by the court in their legal capacity, bear independent contractual and tort liability. The doctrine criticises this rule with regard to tort liability.

Thus, the Civil Code of the Russian Federation should provide for a mandatory condition common for guardians of any ward, i.e. the conclusion of a contract by them on behalf of the ward. If the contract was concluded prior to the appointment of a guardian or placement of the incapacitated person in organisations performing guardianship functions, the guardians may be liable for the execution of the contract, but only at the expense of the ward's property. The guardian is not liable under such a contract.

It seems that the distinction in the legal regulation of the tort liability of guardians is unjustified for persons with limited legal capacity due to mental disorder - when they cause harm, guardians, as well as guardians of minors, should be held subsidiary liable. Subsidiary liability of trustees under the contracts of any wards should not arise.

Keywords: guardians, trustees, incapacity, incomplete capacity, tort and contractual liability

For citation: Shepel, T.V. (2024) Civil liability of guardians and trustees. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 53. pp. 156–171. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/53/11

Необходимость исследования гражданско-правовой ответственности опекунов недееспособных и попечителей граждан, у которых полная дееспособность отсутствует, назрела давно. Это обусловлено, во-первых, схематичностью и противоречивостью норм о ней; отсутствием в гражданском законе единых подходов к правовому регулированию ответственности за причинение вреда подопечными независимо от основания их недееспособности или неполной дееспособности (возраста или состояния психики); нечеткой регламентацией ответственности по договорам названных лиц. Во-вторых, в доктрине отсутствуют работы, которые бы позволяли создать целостное представление о договорной и деликтной ответственности опекунов и попечителей. Как правило, анализ гражданско-правовой ответственности проводится применительно или к подопечным, не достигшим совер-

шеннолетия, или к лицам с психическими расстройствами различной степени. В основном исследования посвящены деликтной ответственности опекунов и попечителей, анализ их договорной ответственности, как правило, отсутствует. Кроме того, многие современные работы ограничиваются комментарием существующих норм или носят поверхностный характер. В-третьих, существует значительный пласт судебной практики по спорам об ответственности опекунов и попечителей, давно испытывающей потребность в ее глубоком обобщении.

Защиту прав и законных интересов граждан, не имеющих дееспособности или не обладающих ею в полном объеме (далее – подопечные), осуществляют их родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом. *К законным представителям* относятся родители или усыновители малолетних детей до 14 лет, при отсутствии родительского попечения – опекуны (ст. 28 ГК РФ, ст. 64 СК РФ). Опекуны являются законными представителями совершеннолетних, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства (ст. 32 ГК РФ).

Защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет осуществляют их родители, усыновители, при отсутствии родительского попечения – попечители (ст. 26 ГК РФ, ст. 64 СК РФ). Попечительство также устанавливается над совершеннолетними лицами, ограниченными в дееспособности (ст. 32 ГК РФ). Названные лица *не являются законными представителями* несовершеннолетних и ограниченно дееспособных, поскольку не замещают подопечных, а совершают юридические действия хоть и в их интересах, но от собственного имени. В литературе такая позиция преобладает, однако вместо термина «законное представительство» другой термин, как правило, не предлагается [1. С. 28–32]. В большей степени соответствует закону формулировка, предложенная А.Е. Тарасовой, которая называет родителей или попечителей несовершеннолетних лиц содействующими в реализации правоспособности и контролирующими их сделки (*содействующими лицами*) [2. С. 115–117]. Аналогичное название вполне применимо и к попечителям граждан, ограниченных в дееспособности судом.

Согласно п. 4 ст. 35 ГК РФ, недееспособным или не полностью дееспособным гражданам, помещенным под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации. Однако данное правило противоречит абз. 2 п. 2 ст. 1074 ГК РФ, в котором круг организаций – попечителей, отвечающих за причиненный несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет вред, ограничен, о чем подробнее будет сказано далее.

Регламентация гражданско-правовой ответственности опекунов и попечителей зависит от объема имеющейся у подопечных дееспособности. При

отсутствии дееспособности нарушителя закон предусматривает одни правила об ответственности законных представителей; если же подопечный обладает неполной дееспособностью, правовое регулирование осуществляется иначе. Поэтому вполне логичен отдельный анализ правил о гражданско-правовой ответственности опекунов недееспособных граждан и ответственности попечителей граждан с неполной дееспособностью.

1. Гражданско-правовая ответственность опекунов недееспособных граждан.

1. Закон устанавливает одинаковые правила об ответственности опекунов *малолетних правонарушителей* независимо от того, является она договорной или деликтной. Согласно п. 3 ст. 28 ГК РФ законные представители малолетних несут имущественную ответственность по сделкам малолетнего. Эти же лица отвечают за причиненный подопечными вред (п. 1 ст. 1073 ГК РФ). В соответствии с названными нормами договорную и деликтную ответственность законные представители несут при наличии вины¹.

В литературе детально не обсуждаются проблемы такой ответственности. Однако судебная практика, в частности по спорам о взыскании коммунальных платежей за пользование жилым помещением малолетними собственниками или нанимателями, противоречива, несмотря на, казалось бы, простые правила о *договорной* ответственности их опекунов.

Сложилась определенная судебная практика по спорам о взыскании коммунальных платежей за пользование жилым помещением, находящимся в *собственности* малолетнего. Так, Арбитражный суд Иркутской области рассмотрел дело по иску Иркутского публичного акционерного общества энергетики и электрификации к областному государственному казенному учреждению социального обслуживания «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, г. Ангарск» (далее – Центр) о взыскании основного долга по оплате за отопление и горячее водоснабжение ½ доли жилого помещения, собственником которой являлся подопечный, проживающий в Центре. Решением от 5 апреля 2023 г. по делу № А19-20963/2022 арбитражный суд удовлетворил исковые требования частично, с учетом периода взыскания, по которому срок исковой давности истек.

Свое решение суд мотивировал следующим образом: во-первых, согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащем им на праве собственности» [3], а также ст. 154 Жилищного кодекса РФ, плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме предусматривает плату за содержание и ремонт

¹ Хотя в ГК РФ речь идет только о вине как условии ответственности законных представителей, предполагается наличие и других элементов состава гражданского правонарушения (противоправность поведения, вред, причинная связь между ними).

жилого помещения; взнос на капитальный ремонт; плату за коммунальные услуги. Во-вторых, обязанности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг за малолетних собственников могут возлагаться на иных лиц, несущих обязанности по содержанию несовершеннолетних и обладающих правом совершать за них сделки (п. 1 ст. 28, п. 2 ст. 32 ГК РФ). Согласно п. 4 ст. 35 ГК РФ, несовершеннолетним гражданам, помещенным под надзор, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации. В-третьих, неиспользование собственниками и иными лицами помещений не является основанием невнесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги (ч. 11 ст. 155 Жилищного кодекса РФ). Иркутская область как субъект Российской Федерации не принимала закона, которым была бы предусмотрена норма об освобождении детей-сирот от платы за жилое помещение в период их временного отсутствия. В-четвертых, в соответствии с ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекун и попечитель обязаны заботиться о переданном им имуществе подопечных как о своем собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов. Исполнение опекуном и попечителем указанных обязанностей осуществляется за счет имущества подопечного. Денежные средства для оплаты долга в период пребывания в Центре у малолетнего собственника имелись, на что неоднократно указывалось в мотивировочной части решения [4].

Обращает на себя внимание тот факт, что истец не предъявлял требование об ответственности за просрочку оплаты в виде пени, в судебном решении о взыскании неустойки также ничего не говорится. И это совершенно правильно: во-первых, сам малолетний собственник жилого помещения не является субъектом ни договорной, ни деликтной ответственности; во-вторых, Центр не может нести ответственность по договору на поставку тепловой энергии и горячей воды, так как от имени собственника его не заключал.

Судебная практика по спорам о взыскании коммунальных платежей за пользование жилым помещением, *нанимателем которого является малолетний*, диаметрально противоположна. Так, после смерти близких родственников в 2013 г. Р. 2009 г. р. остался единственным нанимателем квартиры по договору социального найма. Постановлением администрации Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района 2016 г. опекуном малолетнего Р. назначена С., проживающая в городе Москве, с 2016 г. по месту жительства опекуна проживает и подопечный. Управляющая компания ООО «Талнахбыт» предъявила иск к опекуну о взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг и пени за просрочку оплаты. Суд отказал в удовлетворении иска, ссылаясь на то, что, во-первых, опекун не является членом семьи нанимателя, поэтому она не обязана оплачивать коммунальные услуги и не несет солидарную с нанимателем ответственность по обязательствам, вытекающим из договора социального найма (п. 2 ст. 69 Жилищного кодекса РФ). Во-вторых, Р. недееспособен, поэтому, даже если

считать, что он является нанимателем, на него не возлагается обязанность по оплате коммунальных услуг. К тому же он с 02.10.2013 г. не проживает в указанном жилом помещении. *В-третьих*, опекун не является лицом, на которое возлагаются обязанности отвечать по долгам подопечного своим имуществом. Выплата опекунского пособия не предусматривает погашение долгов. Выплата денежных средств на содержание несовершеннолетнего имеет целью непосредственно содержание несовершеннолетнего (одежда, питание), т.е. имеет целевое назначение, и не подлежит расходованию на погашение долгов иных лиц по уплате коммунальных услуг [5]. Аналогичная позиция была высказана в Постановлении Президиума Верховного суда Республики Карелия от 21.12.2016 по делу № 44Г-52/2016 [6].

Такая судебная практика не соответствует закону. При вынесении судебных актов совершенно проигнорирована специфика правоотношений опеки, а статус опекуна ошибочно приравнен к статусу члена семьи нанимателя. Во-первых, опекун, может быть, и не являться членом семьи нанимателя, однако он по закону обязан выполнять от имени подопечного его обязанности по договору, в том числе по договору социального найма. Во-вторых, малолетний Р., являясь нанимателем, обладает не только гражданскими правами, но и обязанностями, в том числе по оплате коммунальных услуг по договору социального найма жилого помещения. Другое дело, что исполняет эти обязанности от его имени опекун. В-третьих, оплата коммунальных услуг осуществляется не денежными средствами опекуна, а за счет средств подопечного, которые у него имелись.

Аналогичные правила об ответственности опекунов за вред, причиненный *совершеннолетними психически больными, признанными недееспособными*, содержатся в п. 1 ст. 1076 ГК РФ. Правила об их ответственности по сделкам в ГК РФ, к сожалению, отсутствуют, что следует расценивать как законодательный дефект. Они содержатся в п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [7] – опекуны несут ответственность по сделкам, совершенным от имени подопечных.

По спорам о договорной ответственности опекунов психически больных складывается иная судебная практика. Так, суд рассмотрел дело по иску акционерного общества «Мурманэнергосбыт» (АО «МЭС») к государственному областному бюджетному учреждению социального обслуживания населения «Мончегорский дом-интернат для умственно отсталых детей» (далее – Дом-интернат) о взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг по отоплению и горячему водоснабжению жилого помещения, находящегося в собственности проживающей в Доме-интернате подопечной, которая достигла совершеннолетия и признана судом недееспособной, а также пени за просрочку платежей. При вынесении решения о взыскании долга суд руководствовался в основном теми же доводами, что были изложены в анализируемом выше решении. Принципиальное отличие данного решения от предыдущих в том, что суд привлек Дом-интернат к ответственности в виде пени. При этом он аргументировал свое решение следующим образом. В соответствии с ч. 14 ст. 155 ЖК РФ (с изменениями от

03.11.2015) лица, несвоевременно внесшие плату за коммунальные услуги, обязаны уплатить кредитору пени в размере одной сотридесятной ставки рефинансирования ЦБ РФ. Законодательство предусматривает неустойку (пени) в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и *меры имущественной ответственности* за их неисполнение или ненадлежащее исполнение [8]. Однако, как уже было отмечено ранее, опекун не может нести ответственность по договору на оказание коммунальных услуг, так как он его не заключал от имени малолетнего собственника.

В связи с этим интересен еще один пример из судебной практики, в котором, вопреки предшествующим выводам трех судебных инстанций, Верховный суд РФ занял противоположную позицию о невозможности ответственности опекуна именно потому, что он не заключал договор от имени недееспособной. Так, суд рассмотрел дело по иску Банка о возврате кредита и ответственности за его невозврат. Было установлено, что Банк заключил с ответчицей Х. кредитный договор, однако спустя несколько месяцев получил заявление от ее опекуна, согласно которому заемщица уже несколько лет назад признана судом недееспособной, поэтому заключенный ею кредитный договор является ничтожным. Банк обратился в суд с требованием о взыскании с опекуна суммы кредита, так как он должен нести ответственность за вред, причиненный подопечной.

Банк выиграл дело в трех инстанциях, однако Верховный суд РФ отменил судебные акты со ссылкой на то, что «закон не наделяет опекуна правом собственности на имущество подопечных, а ответственность по сделкам они несут только тогда, *когда заключали их от имени подопечных* [9]. Основания отказа в удовлетворении требования Банка представляются обоснованными. Действительно, недееспособный больной, который не представляет опасности для себя и окружающих, не находится в изоляции от общества, поэтому есть риск заключения им разного рода договоров, которые опекун не может полностью контролировать. Конечно, банк по закону не должен проверять дееспособность заемщика, особенно при получении онлайн-кредита. В таких случаях он как субъект предпринимательской деятельности несет риски негативных последствий заключения подобных договоров. Если же кредитный договор заключается в присутствии заемщика и у работника банка возникли сомнения в его психическом здоровье, желательно предусматривать в договоре в качестве гарантии поручительство или другой способ обеспечения исполнения обязательства.

В литературе обсуждается возможность привлечения к ответственности опекуна по договору, который гражданин заключил до признания его недееспособным, но в момент исполнения уже был признан таковым. Существует мнение, что опекун не должен нести ответственность по такому договору. При обращении с иском контрагента недееспособного лица о возмещении убытков за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств (п. 1 ст. 393 ГК РФ) суд может отказать в иске в связи с отсутствием вины недееспособного лица или невозможностью исполнения (ст. 416

ГК РФ) [10. С. 68]. Принципиально соглашаясь с тем, что опекун в указанном случае не должен нести ответственность в виде возмещения убытков или взыскания пени, позволю сделать два уточнения в части оснований отказа в иске. Во-первых, недееспособный исключен из числа субъектов ответственности, поэтому он не виновен всегда, как при заключении им договоров, так и при их исполнении. Отсутствие его вины – это не основание отказа в иске, а проявление особенности его правового статуса. Во-вторых, невозможность исполнения может и не рассматриваться в качестве основания прекращения договорного обязательства, если у недееспособного, нарушившего или не исполнившего договор, есть собственное имущество, за счет которого договор все же может быть исполнен силами опекуна. Мнение о том, что опекун несет ответственность только по сделкам, совершенным им от имени недееспособного, было высказано и в литературе [11. С. 23] и подтверждается судебной практикой.

Расположение норм об ответственности опекуна *по сделкам* недееспособного вследствие психического расстройства только в Законе «Об опеке и попечительстве», а не в самом Гражданском кодексе, следует расценивать как законодательный дефект. Необходимо, по аналогии с ответственностью законных представителей малолетних, предусмотреть в ст. 29 ГК РФ правило об ответственности опекуна по договорам, заключенным им от имени подопечного.

II. Гражданско-правовая ответственность попечителей граждан с неполной дееспособностью.

Закон определяет субъектов гражданско-правовой ответственности за действия *несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет* в зависимости от вида такой ответственности: договорной или деликтной.

В соответствии с п. 1 ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние, по общему правилу, совершают сделки, среди которых преобладают договоры с письменного согласия своих родителей, усыновителей или попечителя. Исключением являются сделки, названные в п. 2 этой же статьи, которые эти лица могут совершать самостоятельно. Логичным было бы правило о самостоятельной ответственности несовершеннолетних только по сделкам, которые они совершали сами. Однако независимо от условий совершения ими сделок действует общее правило об их самостоятельной договорной ответственности, *субсидиарная ответственность родителей или попечителей законом не предусмотрена* (п. 3 ст. 26 ГК РФ).

Некоторая нелогичность названных правил вызвала сложности при разрешении споров о защите прав потребителей, в которых ответчиками выступали несовершеннолетние. Пленум Верховного суда РФ был вынужден дополнить Постановление от 29 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» п. 28 [12], указав в нем, что «наличие письменного согласия родителя, усыновителя или попечителя на заключение несовершеннолетним договора возмездного оказания услуг (например, бытового проката) не является основанием для возложения на

этих лиц имущественной ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора несовершеннолетним, за исключением случаев, когда в соответствии со ст. 361 ГК РФ был заключен договор поручительства». В таком разъяснении не было бы особой необходимости, поскольку оно соответствовало п. 3 ст. 26 ГК РФ, если бы не уточнение, сделанное далее: «Вместе с тем родители, усыновители или попечитель могут нести имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда». Понятно, что такое разъяснение было вызвано необходимостью защиты прав и интересов истцов, пострадавших от действий несовершеннолетних контрагентов. Однако его явная поспешность и ошибочность очевидна. В законе не предусмотрен такой вид субсидиарной договорной ответственности родителей, усыновителей или попечителя. Применение по аналогии п. 2 ст. 1074 ГК РФ о субсидиарной деликтной ответственности невозможно. Видимо, не случайно в действующем Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» подобные правила отсутствуют.

Большинство ученых считают недопустимым установление в законе субсидиарной ответственности по договорам несовершеннолетних [13. С. 243; 14. С. 53], объясняя это различными обстоятельствами. В частности, А.С. Чепцов ссылается на различия в поведении потерпевшего: при причинении ему вреда его поведение «является субъективно безупречным, в отличие от поведения лица, вступающего в договорные отношения с несовершеннолетним. Контрагент последнего должен осознавать, что имеет дело с подростком, который потенциально обладает меньшими возможностями для надлежащего исполнения договора, «меньшей» степенью социальной ответственности, нежели человек взрослый. Физические и юридические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, обязанные по характеру своей деятельности заключать публичные договоры (ст. 426 ГК) с каждым, кто бы к ним ни обратился, и потому лишенные возможности выбора между совершеннолетним и несовершеннолетним контрагентом, действуют на началах риска и должны, заранее прогнозируя возможные убытки, причиненные клиентами-подростками, перекладывать их бремя на всю клиентуру» [15. С. 24–37]. По мнению А.Е. Тарасовой, в сфере договоров и деликтов наблюдается различный характер содействия родителей и попечителей деятельности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. При совершении ребенком сделки они представляют свое согласие, прогнозируя будущие риски и последствия для него, могут одобрить сделку впоследствии или оспорить ее. Таким образом, контроль со стороны содействующих лиц обеспечивается на стадии совершения юридических действий либо после их совершения в силу обратимости последствий. В деликтных же обязательствах вред чаще всего является необратимым последствием,

всегда требующим имущественного возмещения. Такие лица не могут и не должны содействовать ребенку в причинении вреда [2. С. 278].

А.С. Чепцов, признавая факт отсутствия норм о субсидиарной ответственности родителей и попечителей по договорам несовершеннолетнего, в то же время считает, что такая ответственность «является едва ли не единственным способом совместить предписания закона с толкуемым правовым положением», необходимы только соответствующие разъяснения высших судебных инстанций [15. С. 24–27].

Представляется, что в настоящее время нет оснований для возложения на родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетнего договорной субсидиарной ответственности. Во-первых, в гражданском законе не предусмотрен такой вид субсидиарной ответственности. Применение к содействующим лицам по аналогии норм о субсидиарной деликтной ответственности (п. 2 ст. 1074 ГК РФ) недопустимо. Во-вторых, субъекты предпринимательской деятельности, обязанные заключать публичные договоры со всеми и каждым, в том числе с несовершеннолетними, могут использовать различные способы обеспечения исполнения договоров, прежде всего поручительство. Если они ими не воспользовались при заключении договоров, то риски неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров несовершеннолетними должны нести сами предприниматели. В-третьих, несовершеннолетние, обладая имуществом на праве собственности, обязаны содержать его за свой счет. И если у таких собственников возникнет задолженность по договорам, связанным с содержанием своего имущества, то именно они, а не их родители или попечители, должны нести бремя его содержания за свой счет (ст. 210 ГК РФ).

При причинении вреда несовершеннолетними вопрос о характере ответственности попечителей не возникает – она носит субсидиарный характер. В пункте 2 ст. 1074 ГК РФ предусмотрено, что при отсутствии у несовершеннолетнего причинителя вреда доходов или иного имущества, достаточных для его возмещения, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

В литературе названное правило в течение многих лет расценивается как традиционное и почти не подвергается критике. Однако, по мнению А.М. Рабец, такое законодательное решение представляется неоправданным с нравственных позиций, так как вина родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних в создании условий для вредоносного поведения подростков путем их ненадлежащего воспитания остается без должного реагирования со стороны законодателя. Автор считает более справедливым применение в данном случае юридической конструкции долевой ответственности, содержащейся в ч. 2 ст. 1079 ГК РФ [13. С. 244]. Представляется, что долевая ответственность за причиненный несовершеннолетними вред вряд ли будет способствовать с «нравственных позиций» защите интересов потерпевших. Во-первых, при такой ответственности существует большая вероятность невозмещения основной части вреда, если степень

вины родителя или попечителя окажется незначительной, а у виновных несовершеннолетних нет средств или их недостаточно. При привлечении же родителей или попечителей к субсидиарной ответственности возмещение ими вреда происходит полностью или в недостающей части, независимо от степени их вины. Во-вторых, даже если родители или попечители умышленно или с грубой неосторожностью создавали условия для противоправного поведения несовершеннолетних, то, в отличие от субсидиарной, при долевой ответственности они не могут возмещать вред в полном объеме – непосредственным виновным причинителем вреда являются несовершеннолетние.

В законе существует противоречие при определении субъектов ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. В отличие от общих правил п. 4 ст. 35 ГК РФ, где предусмотрен довольно значительный перечень организаций, исполняющих обязанности опекунов или попечителей, в абз. 2 п. 2 ст. 1074 ГК РФ к числу таких организаций отнесены только организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это противоречие следовало бы устранить, указав в п. 4 ст. 35 на ограничение круга соответствующих организаций в случаях, установленных законом.

В соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ *совершеннолетние граждане, ограниченные судом в дееспособности*, несут самостоятельную договорную и деликтную ответственность. Аналогичное правило установлено для лиц, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства в абзаце 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ. Прямо о самостоятельной ответственности за причиненный вред в этом абзаце не сказано, содержится лишь оговорка, что за причиненный вред такие лица несут ответственность в соответствии с настоящим Кодексом. Формулировка закона в этой части представляется нечеткой и расплывчатой, так как не позволяет со всей определенностью ответить на вопрос о возможности субсидиарной ответственности попечителей. Единственная ст. 1077 ГК РФ о самостоятельной ответственности ограниченно дееспособных не указывает в их числе лиц с психическими расстройствами. Это позволило Е.В. Богданову считать ее неприемлемой для такой категории ограниченно дееспособных. К тому же цель ограничения их дееспособности (защита самого психически больного) принципиально отличается от цели ограничения дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или иным образом; пристрастия к азартным играм (защита интересов семьи алкоголика, наркомана, игромана) [16. № 6]. Из-за отсутствия в законе специальной нормы об ответственности ограниченно дееспособных психически больных любой ограниченно дееспособный независимо от оснований ограничения *несет самостоятельную гражданско-правовую ответственность*. Ограничение дееспособности совершеннолетнего гражданина по действующему законодательству вообще не влияет на ответственность за причинение вреда: не исключает и не изменяет ее. Если такой причинитель вреда был не способен осознавать свои действия в момент причинения вреда по причине

психического расстройства, он освобождается от ответственности независимо от того, был ограничен в дееспособности или нет (п. 1 ст. 1078 ГК РФ).

Психическое заболевание лица, причинившего вред, по действующим нормам гражданского права не является и основанием уменьшения размера возмещения. Согласно ст. 1083 ГК РФ, к таким основаниям относятся грубая неосторожность потерпевшего, вина причинителя и его имущественное положение. Перечень оснований, названных в ст. 1083 ГК РФ, исчерпывающий, возможность его расширительного толкования не предусмотрена. Действующее гражданское законодательство не позволяет уменьшить размер возмещения вреда, причиненного лицом, которое хотя и могло осознавать свои действия, но в силу психического расстройства было не способно оценить их надлежащим образом [17. С. 199].

Предложения о субсидиарной ответственности попечителей ограничено дееспособных психически больных в литературе высказывались как до закрепления в ГК РФ психического расстройства как основания ограничения дееспособности [17. С. 200], так и после появления новеллы [16; 18. С. 83; 19. С. 146]. Существует мнение и о том, что попечитель должен нести с ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства солидарную ответственность [20. С. 53–60], хотя этот вывод сомнителен.

Ограничение дееспособности лица с психическим расстройством должно быть направлено прежде всего на защиту его интересов. Следовательно, на попечителя этого лица должны возлагаться те же обязанности, что и на попечителя несовершеннолетнего, в том числе и обязанность по надзору за ним. При привлечении такого попечителя к субсидиарной ответственности за причинение вреда противоправность его поведения может проявиться в ненадлежащем надзоре за подопечным. Эффективной правовой формой защиты интересов психически больных, ограниченных в дееспособности, могла бы служить норма о субсидиарной ответственности попечителя за вред, причиненный ими.

Таким образом, в законе прямо закреплено, что законные представители, к которым относятся и опекуны, несут ответственность за *причинение вреда* малолетними и недееспособными вследствие психического расстройства, если в действии (бездействии) таких представителей имеет место состав гражданского правонарушения, в том числе вина. Правила же об их *договорной* ответственности сформулированы недостаточно четко, что приводит к вынесению противоречивых судебных решений. Полагаем, что в ГК РФ необходимо предусмотреть в качестве обязательного условия договорной ответственности опекунов *заключение ими договора от имени подопечного*. Если договор был заключен малолетним или недееспособным самостоятельно, то ответственность представителей по таким договорам наступать не должна, риски неблагоприятных имущественных последствий должны возлагаться на контрагентов подопечных. Однако *не следует путать договорные обязанности по содержанию имущества подопечного от ответственности за нарушение этих обязанностей*. Если договор был заключен

до назначения опекуна или помещения недееспособного в организации, выполняющие опекунские функции, то обязанности по исполнению такого договора могут возлагаться на опекуна, но только за счет имущества подопечного. *Ответственность же по такому договору у опекуна не наступает.*

Правила о гражданско-правовой ответственности попечителей различны в зависимости от основания неполной дееспособности и вида ответственности (деликтной или договорной):

1) *при причинении вреда* несовершеннолетними к субсидиарной ответственности привлекаются их родители, усыновители, попечители; совершеннолетний гражданин, ограниченный в дееспособности судом, сам отвечает за причиненный вред. Представляется, что различие в правовом регулировании деликтной ответственности неоправданно для ограниченно дееспособных вследствие психического расстройства – при причинении ими вреда попечители также должны привлекаться к субсидиарной ответственности;

2) несовершеннолетние и ограниченно дееспособные граждане несут самостоятельную *договорную* ответственность, в соответствии с законом субсидиарная ответственность родителей и попечителей не наступает.

Список источников

1. Невзгодина Е.Л. Представительство (гражданско-правовой аспект). М., 2007. 552 с.
2. Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М. : Волтерс Клувер, 2008. 320 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8.
4. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 5 апреля 2023 г. по делу № А19-20963/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%E2%84%96+%D0%9019-20963%2F2022+%&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=1026&arbitral-court=&arbitral-judge=#searchResult
5. URL: <https://www.usynovite.ru/experience/case/9/>
6. Постановление Президиума Верховного суда Республики Карелия от 21.12.2016 по делу № 44Г-52/2016. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/443812679>
7. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (в ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ) // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
8. Решение Ленинского районного суда г. Мурманска от 26 февраля 2019 года // Министерство труда и социального развития Мурманской области. Судебная практика органов опеки и попечительства. URL: <https://minsoc.gov-murman.ru/activities/opeka-i-popechitelstvo-v-otnoshenii-sovershennoletnikh-grazhdan/rezultaty-deyatelnosti/sudpraktika.php>
9. Определение ВС РФ № 45-КГ 20-20-К7 // Юридические тонкости (Телеграм-канал юриста).
10. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Имущественная ответственность опекунов и недееспособных лиц // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (22). С. 64–71.

11. Татаринова Е.А. Договор об осуществлении опеки (попечительства) как основание возникновения правоотношений по воспитанию ребенка в семье // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 21–25.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 2 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 г. № 7 “О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей” (с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума от 25 апреля 1995 г. № 6 и от 25 октября 1996 г. № 10)». Утратило силу. URL: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=11205&page=6>
13. Рабец А.М. Соотношение гражданско-правового положения несовершеннолетних и их законных представителей в договорных и деликтных обязательствах (проблемы теории и практики) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 241–246.
14. Чаплыгина С.М. Правовое положение индивидуального предпринимателя : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 118 с.
15. Чепцов А.С. Субсидиарная ответственность законных представителей несовершеннолетних // Юрист. 2009. № 7. С. 24–37.
16. Богданов Е.В. Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6.
17. Шепель Т.В. Деликт и психическое расстройство (цивилистический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2006. 349 с.
18. Темникова Н.А. Изменение правового положения недееспособных и ограниченно дееспособных лиц в российском гражданском праве // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (36). С. 81–84.
19. Лозовская С.О. Правосубъектность лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 139–146.
20. Рябинин Н.А., Казанцева К.Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53–60.

References

1. Nevzgodina, E.L. (2007) *Predstavitel'stvo (grazhdansko-pravovoy aspekt)* [Representation (civil law aspect)]. Moscow: [s.n.].
2. Tarasova, A.E. (2008) *Pravosub'ektnost' grazhdan. Osobennosti pravosub'ektnosti nesovershennoletnikh, ikh proyavleniya v grazhdanskikh pravootnosheniyakh* [Legal capacity of citizens. Features of the legal capacity of minors, their manifestations in civil legal relations]. Moscow: Volters Kluver.
3. Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2017 № 22 “O nekotorykh voprosakh rassmotreniya sudami sporov po oplate kommunal'nykh uslug i zhilogo pomescheniya, zanimayemogo grazhdanami v mnogokvartirnom dome po dogovoru sotsial'nogo nayma ili prinaldlezhashchem im na prave sobstvennosti”* [Resolution No. 22 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2017, “On certain issues of consideration by the courts of disputes on payment for utilities and residential premises occupied by citizens in an apartment building under a social tenancy agreement or owned by them”]. *Byulleten' VS RF*. 8.
4. Russian Federation. (2023) *Reshenie Arbitrazhnogo suda Irkutskoy oblasti ot 5 aprelya 2023 g. po delu № A19-20963/2022* [Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated April 5, 2023, in case No. A19-20963/2022]. [Online] Available from: https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%E2%84%96+%D0%9019-20963%2F2022+%&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=1026&arbitral-court=&arbitral-judge=#searchResult

5. *Usynovite.ru*. [Online] Available from: <https://www.usynovite.ru/experience/case/9/>
6. Supreme Court of the Republic of Karelia. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo suda Respubliki Kareliya ot 21.12.2016 po delu № 44G-52/2016* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated December 21, 2016, in case No. 44G-52/2016]. [Online] Available from: <https://sudrf.cntd.ru/document/443812679>
7. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon ot 24.04.2008 № 48-FZ "Ob opeke i popechitel'stve" (v red. ot 08.08.2024 № 232-FZ) [Federal Law No. 48-FZ of April 24, 2008, "On Guardianship and Trusteeship" (as amended No. 232-FZ on August 8, 2024)]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 17. Art. 1755.
8. Ministry of Labor and Social Development of the Murmansk Region. (2019) *Reshenie Leninskogo rayonnogo suda g. Murmansk ot 26 fevralya 2019 goda* [Decision of the Leninsky District Court of Murmansk dated February 26, 2019]. [Online] Available from: <https://minsoc.gov-murman.ru/activities/opeka-i-popechitelstvo-v-otnoshenii-sovershennoletnikh-grazhdan/rezultaty-deyatelnosti/sudpraktika.php>
9. Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Opredelenie VS RF № 45-KG 20-20-K7* [Definition No. 45-KG 20-20-K7 of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Yuridicheskie tonkosti* (TG channel).
10. Sitdikova, L.B. & Starodumova, S.Yu. (2016) Imushchestvennaya otvetstvennost' opeku-nov i nedeеспособных лиц [Property liability of guardians and incapacitated persons]. *Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki"*. 2(22). pp. 64–71.
11. Tatarintseva, E.A. (2015) Dogovor ob osushchestvlenii opeki (popechitel'stva) kak osnovanie vozniknoveniya pravootnosheniy po vospitaniyu rebenka v sem'e [Guardianship (Custody) Agreement as a Basis for the Emergence of Legal Relationships for Raising a Child in the Family]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*. 3. pp. 21–25.
12. Supreme Court of the Russian Federation. (1997) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17.01.1997 № 2 O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29 sentyabrya 1994 g. № 7 O praktike rassmotreniya sudami del o zashchite prav potrebiteley (s izmeneniyami, vnesennymi Postanovleniyami Plenuma ot 25 aprelya 1995 g. № 6 i ot 25 oktyabrya 1996 g. № 10). Utratilo silu* [Resolution No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 17, 1997, On Amendments and Supplements to Resolution No. 7 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 1994, On the Practice of Considering Cases on the Protection of Consumer Rights by Courts (as amended by Resolutions No. 6 of the Plenum of 25 April 1995 and No. 10 of 25 October 1996). No longer in effect]. [Online] Available from: <https://zaki.ru/pagesnew.php?id=11205&page=6>
13. Rabets, A.M. (2017) Sootnoshenie grazhdansko-pravogo polozheniya nesovershennoletnikh i ikh zakonnykh predstaviteley v dogovornykh i deliktnykh obyazatel'stvakh (pro-blemy teorii i praktiki) [The relationship between the civil status of minors and their legal representatives in contractual and tortious obligations (problems of theory and practice)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 241–246.
14. Chaplygina, S.M. (1997) *Pravovoe polozhenie individual'nogo predprinimatelya* [Legal status of an individual entrepreneur]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Cheptsov, A.S. (2009) Subsidiarnaya otvetstvennost' zakonnykh predstaviteley nesovershennoletnikh [Subsidiary liability of legal representatives of minors]. *Yurist*. 7. pp. 24–37.
16. Bogdanov, E.V. (2013) Pravovoe polozhenie grazhdan, ogranichennykh v deеспособности vsledstvie psikhicheskogo rasstroystva [Legal status of citizens with limited legal capacity due to mental disorder]. *Advokat*. 6.
17. Shepel, T.V. (2006) *Delikt i psikhicheskoe rasstroystvo (tsivilisticheskii aspekt)* [Tort and mental disorder (civilistic aspect)]. Kemerovo: [s.n.].
18. Temnikova, N.A. (2013) Izmenenie pravovogo polozheniya nedeеспособных i ograni-chenno deеспособных лиц v rossiyskom grazhdanskom prave [Changes in the legal status of

incapacitated and partially incapacitated persons in Russian civil law]. *Vestnik Omskogo un-ta*. 3(36). pp. 81–84.

19. Lozovskaya, S.O. (2023) Legal personality of persons recognized as incapacitated and with limited legal capacity due to a mental disorder. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5(105). pp. 139–146. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.139-146

20. Ryabinin, N.A. & Kazantseva, K.Yu. (2017) Sovershenstvovanie zakonodatel'stva, reguliruyushchego pravovoy status litsa, ogranichenogo v deеспosobnosti [Improving the legislation regulating the legal status of a person with limited legal capacity]. *Sovremennoe pravo*. 7. pp. 53–60.

Информация об авторе:

Шепель Т.В., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Новокузнецк, Россия). E-mail: tomaser@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Shepel, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Law Institute National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail:tomaser@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 25.06.2024;
approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81.

Факс: 8 (382-2) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2024. № 53

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 30.09.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 13,6. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 5962.

Дата выхода в свет 28.10.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru